

КОМПЬЮТЕРНО-УЧЕТНО-КАССОВЫЙ
ОТДЕЛЕНИЕ РАЙОНА МОСКОВСКИЙ
ПО КАДРОВОМУ И ВЕРХОВНОМУ СОВЕТУ СССР

1984 МАРТ 1984
4
ВОСКРЕСЕНЬЕ
ВЫБОРЬ
В ВЕРХОВНЫЙ
СОВЕТ СССР

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА

№ 11 МАРТ 1984

Кремлевский Дворец съездов. Встреча избирателей Куйбышевского избирательного округа столицы с кандидатом в депутаты Верховного

НАРОД И ПАР

ВСТРЕЧА ИЗБИРАТЕ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан
1 апреля
1923 года

№ 11 (2956)

10 МАРТА 1984

© Издательство «Правда», «Огонек», 1984

2 марта в Москве, в Кремлевском Дворце съездов, состоялось предвыборное собрание избирателей Куйбышевского избирательного округа Москвы по выборам в Совет Союза, посвященное встрече с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР Генеральным секретарем Центрального Комитета КПСС Константином Устиновичем Черненко.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили участники собрания товарищей К. У. Черненко, Г. А. Алиева, В. И. Воротникова, М. С. Горбачева, В. В. Гришина, А. А. Громыко, Г. В. Романова, М. С. Соломенцева, Н. А. Тихонова, Д. Ф. Устинова, П. Н. Демичева, В. И. Долгих, В. В. Кузнецова, Б. Н. Пономарева, В. М. Чебрикова, М. В. Зимянина, И. В. Капитонова, Е. К. Лигачева, Н. И. Рыжкова.

В президиуме также — заместители Председателей Президиума Верховного Совета СССР

и Совета Министров СССР, руководители министерств и ведомств, передовики производства, представители партийных, советских и общественных организаций Москвы, Куйбышевского района столицы.

Предвыборное собрание открыл первый секретарь Куйбышевского райкома КПСС Ю. А. Прокофьев.

Доверенное лицо кандидата в депутаты А. П. Литвинов — бригадир электрозавода имени В. В. Куйбышева — рассказал собравшимся о жизненном пути, партийной и государственной деятельности товарища Константина Устиновича Черненко.

Все советские люди, заявил он, знают Константина Устиновича Черненко как выдающегося руководителя ленинского типа, отдающего все силы и способности на благо Родины и народа.

Ваше согласие, уважаемый Константин Устинович, баллотироваться на выборах в Вер-

Совета СССР товарищем К. У. Черненко.

Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева

ТИЯ ЕДИНЫ

Л Е Й С К У Ч Е Р Н Е Н К О

ховный Совет СССР по Куйбышевскому избирательному округу Москвы с воодушевлением восприняли трудящиеся и жители нашего района.

На примере родного завода рабочий рассказал об огромном трудовом энтузиазме, который вызвали у советских людей решения февральского Пленума ЦК КПСС, о развитии патриотических инициатив, направленных на дальнейший рост производительности труда, эффективности и качества работы.

Затем выступили Н. М. Дятлова — заведующая отделом Всесоюзного научно-исследовательского института химических реактивов и особо чистых химических веществ, Ю. Д. Машин — директор завода «Хроматрон» производственного объединения «МЭЛЗ», В. Г. Лукашева — учительница школы № 368. Они подчеркивали, что нынешняя избирательная кампания убедительно демонстрирует дальнейшее

развитие социалистического народовластия, укрепление нерушимого блока коммунистов и беспартийных.

Ораторы заявили, что, голосуя за верного ленинца, выдающегося деятеля родной Коммунистической партии и Советского государства, представителя нерушимого блока коммунистов и беспартийных Константина Устиновича Черненко, москвичи, все советские люди единодушно отдадут голоса за мудрую внутреннюю и внешнюю политику КПСС, за мир и счастье народа.

Затем слово было предоставлено товарищу К. У. Черненко. Участники собрания встретили его овацией.

Речь товарища К. У. Черненко, которую участники собрания слушали с большим вниманием, неоднократно прерывалась продолжительными аплодисментами. С огромным интересом и одобрением речь воспринята повсюду в стране, во многих государствах.

В заключение речи товарищ К. У. Черненко сказал:

Рабочие и колхозники, ученые и инженеры, врачи и деятели культуры, педагоги и воины встречают выборы в Верховный Совет новыми достижениями в работе. Пусть же и впредь множатся эти достижения. И тогда еще крепче будет наше государство — оплот прочного мира и безопасности народов. Тогда еще лучше станет жизнь каждой советской семьи. Тогда наша страна еще успешнее пойдет вперед — по пути коммунистического строительства!

Встреча избирателей с товарищем К. У. Черненко вылилась в мощную демонстрацию монолитного единства партии и народа, торжества социалистической демократии, стремления советских людей претворить в жизнь предначертания XXVI съезда КПСС, решимости отстоять мир на планете.

ПОДМОСКОВЬЕ. В Звездном городке имени Л. И. Брежнева летчик-космонавт СССР, Герой Советского Союза Л. С. Дёмин пришел на избирательный участок со своей семьей.

МОСКВА. Трудовые успехи токаря московского электростанции имени В. В. Куйбышева А. М. Горбунова отметил в своем выступлении на предвыборном собрании Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко. На снимке: голосует семья А. М. Горбунова.

СТРАНА ГОЛОСУЕТ

МОСКВА. 4 марта. Выборы в Верховный Совет СССР. Товарищи К. У. Черненко и Н. А. Тихонов на избирательных участках.
Фото А. Гостева и В. Егорова и В. Мастюкова (ТАСС)

УКРАИНСКАЯ ССР. Народные гулянья в день выборов в колхозе «Заря коммунизма» Черновицкой области.

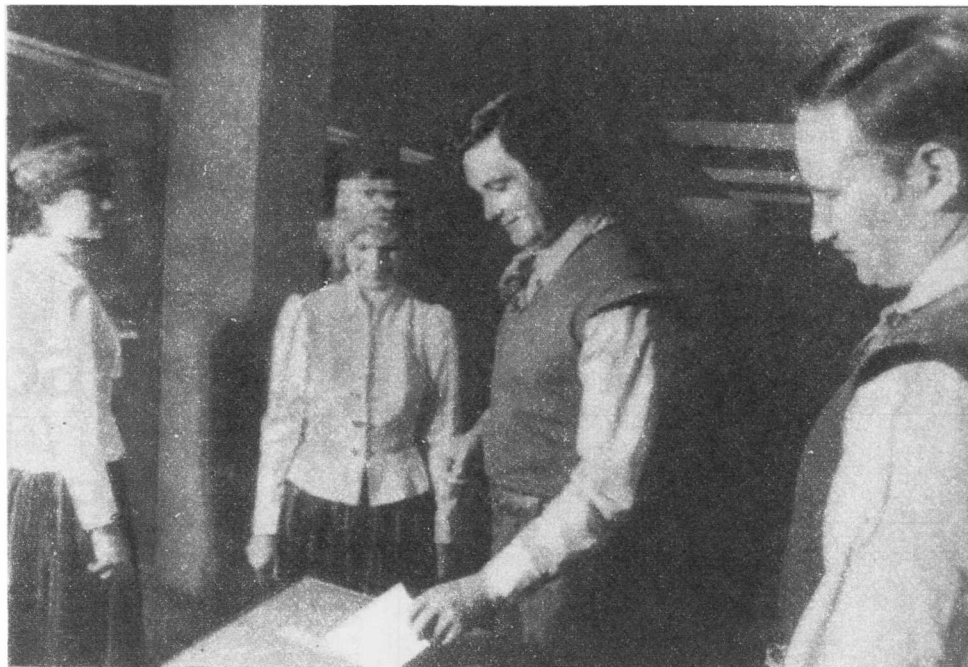

КАЗАХСКАЯ ССР. Доцент Казахского государственного университета В. Н. Усачев со студентами, впервые принявшими участие в выборах.

Памятной вехой в летописи нашей социалистической Родины вошел весенний день 4 марта 1984 года — день выборов в Верховный Совет СССР одиннадцатого созыва. С приподнятым, радостным настроением шли советские люди на избирательные участки, чтобы исполнить свой гражданский долг — проголосовать за кандидатов блока коммунистов и беспартийных, лучших сынов и дочерей Родины.

Фото А. Пушкарева, Б. Кавашкина,
И. Свериды, А. Павского,
В. Семенова, А. Чепурно, Я. Халилова (ТАСС)

ЛАТВИЙСКАЯ ССР. Колхоз «Кенава» Рижского района. Голосуют колхозник Петерис Блате и воспитательница детского сада Майя Звейнице. ▶

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР. Голосуют нефтяники-ремонтники морского промысла Бухта Ильича оператор А. Ахадов, бурильщик М. Гардашев, мастер С. Тагиев. Справа — член участковой избирательной комиссии Н. Курбатова.

ОМСКАЯ ОБЛАСТЬ. На избирательном участке передовые рабочие омского завода «Гидропривод» А. Толкачев, Т. Болбот, Н. Солодовникова, В. Колесов.

В Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР

В воскресенье, 4 марта 1984 года, состоялись выборы в Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик одиннадцатого созыва. Они проходили с 6 часов утра до 10 часов вечера по местному времени.

В этот же день в Москве, в Доме союзов, состоялось заседание Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет СССР, на котором рассмотрен вопрос о ходе голосования в стране.

По полученным Центральной избирательной комиссией данным, к 12 часам дня проголосовало 89,42 процента избирателей, а к 6 часам вечера — 99,59 процента. По состоянию на 6 часов вечера приняло участие в голосовании: в РСФСР — 99,32 процента избирателей, в Украинской ССР — 99,93 процента, в Белорусской ССР — 99,82 процента, в Узбекской ССР — 99,97 процента, в Казахской ССР — 99,87 процента, в Грузинской ССР — 99,92 процента, в Азербайджанской ССР — 99,99 процента, в Литовской ССР — 99,87 процента, в Молдавской ССР — 99,93 процента, в Латвийской ССР — 99,67 процента, в Киргизской ССР — 99,97 процента, в Таджикской ССР — 99,76 процента, в Армянской ССР — 99,88 процента, в Туркменской ССР — 99,91 процента, в Эстонской ССР — 99,95 процента избирателей.

На всей территории Советского Союза выборы в Верховный Совет СССР проходили организованно, при высокой политической активности избирателей. Они явились новым ярким свидетельством нерушимого единства Коммунистической партии и советского народа, торжества социалистической демократии.

Директор Калининского завода стеклопластиков и стекловолокна, командир дружины В. Ф. Лоскутов.

К 25-ЛЕТИЮ ОБРАЗОВАНИЯ ДОБРОВОЛЬНЫХ НАРОДНЫХ ДРУЖИН

Вадим ЛЕЙБОВСКИЙ,
фото Игоря ГАВРИЛОВА,
специальные корреспонденты
«Огонька»

СБОР В ДЕВЯТНАДЦАТЬ...

Признаться, я всегда с некоторым недоверием относился к женщинам с красными повязками бойцов народной дружины. Вспомнишь, как иной раз по улицам в дружинном рейде шагают почтенные матери семейств, и подумаешь: а ведь они и в магазин должны заглянуть, купить продукты детишкам на завтрак. И вот с маслом, крупами в сумке продолжают «обеспечивать» порядок в микрорайоне. И вообще, что может противопоставить прекрасная половина человечества, например, разбушевавшейся пьяной силе, вооруженной пусть даже не более чем собственными кулаками?..

Но вот, оказывается, в городе Калинин, в самой образцовой добровольной народной дружине, дружине завода стеклопластиков и стекловолокна, насчитывающей в своих хорошо организованных рядах добрую тысячу человек, лучший из всех отрядов — женский.

Заместитель начальника Калининского областного Управления внутренних дел полковник Альберт Иванович Дранцев, обративший мое внимание на столь неожиданное обстоятельство, счел, правда, нужным уточнить:

— Отряд № 11 действительно признан лучшим по итогам последних трех месяцев. Не подумайте, что я пытаюсь подпереть плечом якобы дрогнувшую мужскую честь и силу, но истина и справедливость прежде всего. Так вот, едва ль не столь же хорошо организована работа ДНД и на таких наших заводах, как вагоностроительный, «Центросвар». Здесь, как и на большинстве других предприятий, поддержание правопорядка общественностью находится главным образом в крепких мужских руках. Но сам факт успешной деятельности женского отряда ДНД представлял интерес и говорит о многом.

Сам факт показался мне действительно интересным, и я попробовал разобраться.

— Почему ваш отряд женский? — спросил я его командира Ядвигу Францевну Ястржемскую, начальника размоточно-крутильного цеха. — Может, из принципа?

— Да, из принципа, — ответила она. — Из принципа... кадрового состава цеха. Мужчин на заводе много, но в нашем цехе их мало — специфика производства. Вот сами и «воюем».

Познакомившись с женским отрядом «в деле», я убедился, что он по праву и справедливости оказался среди лучших. И прежде всего там, где идет борьба со злым зельем. Известно, что женщины видят в нем прямое зло своей семье. Оказалось: когда они облечены властью, а чье-то непотребное поведение разжигает в них чувство святого гнева и святого долга, тут уж пятнадцать сердитых женщин становятся великой силой. И восстать против нее грубой мужской силой, пусть и правит ею помутненное злым зельем сознание, оказывается непросто. Все ж перед тобой — женщина! Кафе «Юность» не является

гордостью города Калинина — уж очень уютно чувствуют себя здесь иные пьяницы. У женщин-дружинниц это кафе под особым наблюдением. Немало разнuzданных молодых доставили они отсюда прямехонько в опорный пункт охраны общественного порядка. А то и просто подойдет Лидия Ивановна, или Елена Сергеевна, или Анна Павловна к столу и реквизирует едва початую бутылку. И тут же назидательно опростает ее в раковину. Что ей пьяные угрозы, что ей юридическое право на подобную акцию? У нее в этот момент свое право — право матери, сестры, право женщины.

Было бы неверно полагать, что в кафе «Юность» наведен полный порядок. Но в дни дежурства женского отряда подвыпившие парни чаще всего обходят это кафе стороной...

За женским отрядом закреплено несколько подростков, состоящих на учете в милиции. Опекать их — дело деликатное, трудное... Но будем надеяться и верить, что этих подростков удастся обратить к жизни разумной и правильной. А ведь правопорядок в городе именно оттого, что хорошо и четко налажена работа по профилактике правонарушений.

До 1977 года дружины на заводе словно совсем и не было. «Вась, пойдешь сегодня подежурь, а то народ набрать не можем», — такие призывы раздавались изо дня в день. «Вася» иногда дежурил, но чаще воздерживался. Все зависело от настроения его или жены (могла и не отпустить), от погоды, от вечерней программы телевидения, от того, кто просил и как просил...

И тогда за дело взялся директор завода. Уже двадцать лет Виталий Федорович Лоскутов руководит предприятием, которое давно стало передовым в отрасли, неизменно входит в число лучших в городе. По итогам социалистического соревнования за 1983 год завод награжден переходящим Красным знаменем горкома КПСС, исполкома горсовета, горкома комсомола. Но вот с дружиной дела обстояли хуже некуда.

— Надоело мне это, — вспоминает Виталий Федорович. — Из года в год критиковали меня за расхлябанность дружинников. Стыдно стало. И я решил назначить себя командиром ДНД завода.

Сначала это самоназначение всех удивило: «Погорячился наш директор». Но Лоскутов сразу же продемонстрировал всю серьезность своих намерений. Он создал новый штаб ДНД с четким распределением обязанностей, назначил ответственных за связь с органами милиции, за учебу дружинников, за график дежурств. И постарался, чтобы дружинник хорошо знал свои права и обязанности, отчетливо представлял, где нужно власть употребить, а где дозволительно лишь слово.

Здесь с улыбкой вспоминают случаи, когда дружинники одного из цехов во время рейда заметили, как девушка сорвала с клумбы цветок. И была она из того же цеха, что и дружинники. И что же? Задержали, препроводили в пункт охраны общественного порядка «для дачи показаний». Вроде бы пустячный эпизод, но ведь при таком понима-

нии своих задач легко душевную рану нанести. Значит, работа с самими дружинниками необходима. И она ведется. В городском народном университете правовых знаний организован факультет командиров добровольных народных дружин. Лекции читают работники партийных органов, милиции, суда, прокуратуры.

Работа ДНД на заводе зачастую обсуждается на директорских планерках. Виталий Федорович ее дела держит под таким же бдительным взглядом, как и производственные. Его часто видят вместе с руководителем штаба ДНД предприятия, старшим инженером одного из отделов Б. К. Елисеевым. Лоскутов регулярно бывает в пункте охраны общественного порядка.

Порядок в дружине был наведен довольно энергично. Если кто заболевает или вынужден пропустить дежурство по семейным обстоятельствам, тут же обеспечивается подмена: начало рейда в 19 часов, и к этому времени можно сделать любую перестановку.

Совместно с партийной и комсомольской организациями директор добился привлечения в дружину коммунистов и комсомольцев. Сегодня каждый второй коммунист и каждый второй комсомолец предприятия — дружинник.

По инициативе Лоскутова на заводе разработали положение о социалистическом соревновании между отрядами народных дружин. Итоги подводятся ежемесячно в «День мастера», подводятся коллективно, гласно. Наряду с моральными стимулами ввели и материальные. Быть хорошим дружинником стало на заводе так же престижно, как и хорошим производственным. Все это, конечно, не могло не сказаться на переменных морального, нравственного климата в заводском коллективе. В 1983 году количество прогулов на сто рабочих по заводу оказалось намного меньше, чем за тот же период по городу Калинин. Резко сократилось количество правонарушений.

За последние семь лет на заводе был лишь один случай, когда правопорядок нарушил сам дружинник, — попал в вытрезвитель. Сам-то же не пьяница. Что делать? На следующий день этот дружинник подал заявление об увольнении с предприятия, хотя его к тому не побуждали. Но и не задерживали. Такой вот случай. Такой, стало быть, нравственный климат в коллективе.

Двадцать восемь процентов штатного состава завода являются членами ДНД. За девять проведенных дежурств каждый дружинник получает три отгула. Они плюсятся к отпуску. За год, если перевести это на рубли, получается солидная сумма.

— Не накладно ли? — спросил я Лоскутова. — Может, следует сократить число дружинников?

— Не согласен. Во-первых, речь идет о сумме, которая заводу вполне под силу. Но главное, я убежден, что эти деньги возвращаются к нам сторицей. Хотя точные затраты вряд ли можно подсчитать. Как, скажите мне, выразить в рублях порядок в микрорайоне?

И я подумал: а ведь он прав, директор завода, возглавивший народную дружину.

Смена закончилась — предстоит дежурство на улицах города.

Полковник милиции А. И. Дранцев

Идет рабочий патруль.

ТИХИЙ ДОН— НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Кадр из фильма «Тихий Дон»: Аксинья — Э. Быстрицкая, Григорий — П. Глебов.

Элина БЫСТРИЦКАЯ, народная артистка СССР

Есть в истории человечества такие имена, которые дороги каждому, кто способен чувствовать, любить, сострадать. Имя великого нашего писателя Михаила Александровича Шолохова именно таково.

Я не знаю другого писателя, который так хорошо знал бы психологию женщины. Который бы так знал самые затаенные оттенки женской души; который знал бы, как может любить женщина.

Неповторимый шолоховский мир для меня открылся давно... Шла Великая Отечественная война. Я пошла работать в госпиталь, где трудилась и мои родители. Ухаживала за ранеными, мыла полы, делала перевязки, а в свободные минуты читала им стихи. Однажды меня попросили почитать что-нибудь из «Тихого Дона». Вслушивались в каждое слово, многие плакали. «Дочка, почитай еще, — просили они меня. — Ведь это же про нас, про нашу степь, про нашу жизнь».

И я читала вновь и вновь. Помню, как вместе с госпиталем мы попали в станцию Обливскую. Вот где я впервые услышала неповторимую мелодию казачьей речи, увидела обожженную войной необозримую степь, вдохнула ее горьковатый запах. И увидела воочию качающийся на ветру ковыль. Среди горящей степи островки с ковылем казались мне тогда чем-то сказочным, нереальным.

Тяжелое это было время. Наш госпиталь ежедневно пропускал тысячи раненых; я видела, как падал от усталости хирург, его обливали водой, и он вновь оперировал. Я поняла тогда, что силы человеческие неисчерпаемы... «Доченька, почитай еще про Дон», — слышала я чей-нибудь слабый голос и читала вновь — в десятый, двадцатый, тридцатый раз... Я, как и взрослые, не хотела думать об усталости, жила только одним чувством — победить врага.

Второе мое обращение к «Тихому Дону» было уже после войны. В Киевском театральном институте имени Карпенко-Карого, где я училась, решила прочитать отрывок из «Тихого Дона»: любимую сцену — встречу Аксиньи и

Григория в подсолнухах. И вдруг... полный провал. Мне категорически сказали: «Не ваша роль! Вам не донскую казачку играть, а шиллеровскую Луизу». Тяжело пережила я этот провал. Ведь я читала самое для меня дорогое и любимое — «Тихий Дон».

Шли годы. Я уже сыграла много ролей в театре. Сыграла и в кино. Уже сыграла одну из самых любимых своих ролей — Елизавету Михайловну в «Неоконченной повести». Картину эту мы повезли на первую декаду советского фильма в Париж... И вот в Париже совершенно случайно узнала я потрясающую для себя новость — Сергей Аполлинариевич Герасимов решил снимать «Тихий Дон»!.. Нет, жизни для меня в Париже больше уже не было! Я гнала время — только скорее бы домой! Немедленно, сейчас!.. Может быть, свершится чудо, думала я, может, наконец свершится моя мечта!.. Конечно же, мне до боли в сердце хотелось сыграть Аксинью. Но если и не ее, то пусть любую женскую роль.

Я позвонила Герасимову.

— Приезжайте, — сказал он мне. — Тут у меня сидит как раз один из Григориев...

Ну, а дальше все было как во сне: Сергей Аполлинариевич взял томик «Тихого Дона», открыл страницу, протянул мне. «Почитайте, пожалуйста». Но что это, наваждение?!.. Глазам не верю: опять сцена встречи Аксиньи и Григория в подсолнухах. Я заплакала. «Не могу. Не могу сейчас читать! Можно не сегодня?»

Наверное, в то время несчастней меня не было никого на свете. Но на пробу меня все же вызвали. И прошла она благополучно! Меня утвердили на роль Аксиньи... Это была победа! Еще и потому, что утверждал на роль сам Михаил Александрович Шолохов.

С этих самых пор и началась моя главная дорога в искусстве.

Особую признательность я испытываю к Шолохову как к человеку. У меня с ним было много встреч, но все они незабываемы. Впервые я его увидела во время нашей первой поездки на съемки «Тихого Дона». Он пригласил нас, артистов, к себе в купе. Все мы волновались, робели. Говорить было трудно. Вдруг неожиданно прямо в степи поезд остановился. Мы вышли из вагона. День был солнечный, ясный, высоко в небе звенел жаворонок. Си-

ним цветом буйно цвел цикорий. Я посмотрела в глаза Михаила Александровича: они были такими же ярко-синими и очень добрыми. Тут я отважилась и спросила его: «Я знаю, Михаил Александрович, что в восьмидесяти километрах отсюда, на хуторе Дичевский, живет настоящая Аксинья. Давайте съездим к ней? Мне так хочется с ней познакомиться!..» В ответ длинная пауза. Потом отрывисто:

— Да не живет в Дичевском никакая Аксинья! Ведь я все это выдумал...

Приближалось 40-летие Великого Октября. И уже были готовы две серии нашей картины. С нетерпением мы ждали приезда Шолохова... Хорошо помню маленький просмотровый зал. Шолохов сел в первый ряд, все мы — в конце зала. Михаил Александрович очень много курил, стряхивал пепел в огромную пепельницу. Закончился сеанс. В зале зажгли свет. Шолохов сидит не шевелясь. Тишина... А потом вдруг повернулся к нам — лицо мокрое от слез, голос хриплый... Я подошла к нему: «Ну, что вы так, дорогой Михаил Александрович?» «Глупенькая, ты что, не понимаешь разве? Да ведь это моя жизнь. А ты — похожа...» — сказал он.

Очень сожалею, что не состоялась у меня еще одна встреча с Михаилом Александровичем, когда вся наша съемочная группа была у него в Вешенской: тогда меня не отпустили из театра... Шолохов прислал мне в подарок прекрасную пуховую шаль, храню ее как реликвию: для меня это не вещь, а символ.

Последний раз я видела Михаила Александровича в Ленинграде. Узнав, что он живет в гостинице «Астория», я позвонила ему по телефону и попросила о встрече. «Конечно. Приезжайте», — коротко ответил он... Откровенный разговор состоялся в тот день...

Много и долго Шолохов расспрашивал меня о жизни, о творчестве. Потом вдруг сказал: «Хочу написать рассказ. Есть у меня одна мысль — напишу я тебе роль. Обязательно напишу. А ты должна приехать в Вешенскую».

Роль эту Михаил Александрович не написал: много работал и много болел... Теперь я вновь и вновь листаю дорогие страницы «Тихого Дона». И заново восторгаюсь гением, так глубоко постигшим сокровенную суть матери-природы, судьбы наших современников...

БЕССМЕРТИЕ ГЕНИЯ

Петр ГЛЕБОВ, народный артист СССР

В «Тихом Доне» я играл роль Григория Мелехова... «Тихий Дон» — неисчерпаемая книга. Как перенести ее на экран? Ведь каждый герой именно этим удивляет — своей неисчерпаемостью. Более всего кажется мне до

сих пор непостижимым: Григорий очень мало говорит. Он немногословен. Но как же он мощно чувствует и умно думает; как упрямо, резко спорит с собою мысленно; как твердо принимает крайние порой решения... И в то же время внешне он порывист, выразителен: в нем может вспыхнуть и ярость, и нежность, и неистовое горе...

Войдя уже в роль, я перечитывал роман снова и снова, чувствуя накипающие слезы: и от счастья, от надежды выразить все это, от ужаса, что нет, не смогу! Не сыграю...

Что же помогло? Все мы стремились образную силу романа Шолохова, силу невероятную, хоть в какой-то мере примеривать на себя; перекладывать на себя сперва ситуацию, а потом чувство. Я лихо садился на коня, мчался во весь опор, чтобы стать Григорием Мелеховым, и свершалось чудо: шолоховская

магия вдруг давала и душе такой же полет, такой же порыв... Ничего не надо было «добавлять», «выдумывать» — только верить гению Шолохова и чувствовать, как он, весомость жизни.

И снова, снова удивлял он всех нас самим собою. Содержательностью, немногословием. На обсуждении картины сказал нам только:

— Вы на верном пути... Получается...

Потом фильм — сырую еще пленку — мы показывали станичникам. Они были первыми зрителями «Тихого Дона». Люди плыли на лодках, на плотах через Дон и терпеливо ждали своей очереди посмотреть картину. Фильм «крутили» день и ночь, без перерыва, круглосуточно. И мы вместе с Шолоховым выходили на сцену, как этого хотели зрители: им нужно было увидеть Шолохова, сказать ему свое спасибо...

«КАК СЛУЖИШЬ, СЛУЖБА БЫТА?»

спрашивал «Огонек» (№ 31, 1983 г.) заметками рейда по предприятиям службы быта.

На публикацию (в той ее части, где разговор шел о службе быта) отозвался первый заместитель министра бытового обслуживания населения РСФСР В. М. Замула. Он сообщает: «Факты, изложенные в заметке М. Щукина «Яркая вывеска», действительно имели место. За задержку срока исполнения заказа, нарушение установленного режима работы и грубость приказом руководителя Дома бытовых услуг городского управления бытового обслуживания Новосибирска наложено дисциплинарное взыскание на приемщицу Н. Обухову. Заказ М. Щукина выполнен и вручен заказчику. От лица администрации Дома бытовых услуг ему были принесены извинения».

Следует, видимо, напомнить, что в опубликованной заметке шла речь о ремонте дорожной сумки —

у нее оторвались ручки... Стало быть, теперь инцидент исчерпан? Нашли очередного «стрелочника» (в данном случае приемщицу мастерской), наказали ее. Звоним нашему новосибирскому собору знакомим его с содержанием письма заместителя министра. «Никаких извинений никто мне не принесил, но не в этом суть. Ручка у «отремонтированной» сумки оторвалась в первый же день», — говорит он.

Такой оборот заставил нас внимательно разобраться с ситуацией, которая сложилась и с ремонтом пишущей машинки, — дело было в одной из ленинградских мастерских. «В результате проведенной комиссией управления бытового обслуживания населения Ленгорисполкома проверки фактов, изложенных в заметке О. Петриченко

но «Колибри... с «выканием», было установлено следующее: пишущая машинка «Колибри» была принята в ремонт в разобранном виде с дефектами, происшедшими из-за небрежной ее эксплуатации. (Вот тут не все ясно: как удалось столь точно определить характер дефектов разобранной машинки? — Ред.) Машинка отремонтирована и сдана заказчику 5 мая 1983 года, а возвращена им... только 12 сентября 1983 года; сумма ремонта согласована с заказчиком, проставлена в квитанции и соответствует объему выполненных работ и прейскуранту», — сообщается в подписанном тов. Замулой письме. И далее: «Тов. Петриченко до и после опубликования статьи «Как служишь, служба быта?» в производственном объединении по ремонту бытовых машин и приборов «Сокол» не обращался».

Вызываем Ленинград. О. Петриченко комментирует: «Ответ уважаемого министерства следовало бы начать с фразы: «В результате проверки, не проведенной комиссией управления бытового обслуживания...» Ведь если бы я не обращался в «Сокол» до опубликования материалов рейда «Как служишь, служба быта?», то у меня после «ремонта» не появилось бы необходимости обращаться в редакцию... После публикации я имел

неосторожность появиться на территории Дома быта. И получил такую порцию вежливости от одной из его сотрудниц, что предпочел ретироваться. Слушавила комиссия. Ничего не проверяла, а если и проверяла (по бумагам?), то забыла встретиться с автором заметки», — заключил О. Петриченко.

Однако будем считать оба эпизода случайными, исключительными. Ведь заместитель министра пишет далее: «Министерством бытового обслуживания населения РСФСР постоянно проводится работа по контролю за выполнением требований правил бытового обслуживания, улучшению качества, сроков исполнения заказов и культуры обслуживания населения. В настоящее время в ряде территорий Российской Федерации проводится эксперимент по формированию фондов материального поощрения предприятий службы быта в прямой зависимости от достигнутого уровня качества исполнения заказов и культуры обслуживания. Имеющиеся предварительные результаты говорят о положительном влиянии заложенных в этом эксперименте мер на показатели работы приемных пунктов, ателье, мастерских, фотографий... После завершения его положения будут распространены на все предприятия системы».

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА ЭКОНОМИКИ БЫТА. Видимо, в Новосибирске и Ленинграде просто не знают о «положительном влиянии» принимаемых мер, то ли не дошли еще сведения, то ли уже забыли о них? И не только в этих городах, судя по редакционной почте. Поэтому мы предполагаем вернуться к темам, затронутым в публикации «Как служишь, служба быта?». И читатели «Огонька» могли бы помочь нам, подсказав адреса доброго опыта, сообщив и о том, чем огорчает эта служба.

РЕЛИКВИЯ ПОДАРЕНА МУЗЕЮ

В ноябре 1983 года в нашем журнале (№ 46) была опубликована статья «Почитай сына моего совершенно счастливым...». Речь шла о письме родителей Пушкина деду Наталии Гончаровой — Афанасию Николаевичу. Это письмо от 20 июля 1830 года было написано в связи с предстоящей жеманью Пушкина. О том, что такое письмо существовало, было

известно из трех источников. Первый источник — это письмо Пушкина от 29 июля 1830 года невесте, где он сообщил: «На этих днях отец по моей просьбе написал Афанасию Николаевичу...» Второй источник — посланное Д. Д. Гончаровым 8 мая 1880 года из Полотняного Завода письмо, отрывок из которого опубликован Н. С. Нечаевой во «Временнике пушкинской комиссии» в 1883 году. Это ответ Л. И. Поливанову, который в связи с подготавливавшейся юбилейной пушкинской выставкой разослал письма всем, кто мог владеть пушкинскими документами. В описании посылаемых на выставку документов в пункте третьем Д. Д. Гончаров поставил: «Одно письмо отца Александра Сергеевича, Сергея Пушкина, с припиской его матери, Надежды Пушкиной, к Афанасию Николаевичу Гончарову».

И, наконец, публикация текста письма в сборнике «Бумаги А. С. Пушкина» (вып. 1) в 1881 году, последовавшая после выставки. Таким образом, письмо дважды исчезало из поля зрения: первый раз на 50 лет (с 1830 по 1880 год) и второй раз примерно на 100 лет (с начала 80-х годов XIX в. до начала 80-х годов XX в.). После публикации в «Огоньке» автографа письма родителей Пушкина оно обрело свое законное место в Пушкинском музее в Москве.

В согласии с традициями семьи, где хранилось письмо, оно принесено в дар музею А. С. Пушкина правнучерной пушкиниста А. А. Веннстерной москвички химиком Н. Е. Бруде.

Как нам сообщил директор музея М. М. Баринев, письмо родителей поэта о его женитьбе станет одним из центральных экспонатов

в готовящемся к открытию мемориальном «Музее-квартире А. С. Пушкина на Арбате».

В статье Н. С. Нечаевой «Московская пушкинская выставка 1880 г.» отмечается, что «до сих пор выставка не освещалась в научной литературе. Между тем она представляет, на наш взгляд, несомненный интерес... и в отношении поисков экспонированных на ней пушкинских материалов, которые в настоящее время утрачены». Среди пропавших документов, упоминаемых Н. С. Нечаевой, значится и письмо родителей поэта. Таким образом, публикация в «Огоньке» и передачу автографа в музей можно считать одним из этапов успешного поиска документов пушкинской выставки.

В. САБИНИН

поле-84

К ВЕСНЕ ГОТОВЫ

В Морозовых Борках все вам унажут, где живут Братчиковы. Николай Андрианович Братчиков — один из самых известных механизаторов Рязанской области. Много лет работает бригадиром. За умелую организацию дела в бригаде, за весомые, а главное, стабильные урожаи, за производительное использование тракторов Н. А. Братчиков награжден орденами Ленина, Олетьбрьской Революции, Трудового Красного Знамени.

Николай Андрианович — признанный авторитет и в родном колхозе «Коммунист» и в Сапожковском районе. Его слово верное, потому что знания и опыт многих лет работы с коллективом механизаторов и с разносторонней сделали Николая Андриановича прозорливцем и психологом — подлинным хозяином земли. И еще он всегда помнит, что на земле одна страда сменяет другую, что сами надо готовить летом... А зимой? Зимой, задолго до выхода в поле, бригада Николая Андриановича

готовит громоздкую свою «телегу» — тракторы, комбайны и орудия для обработки почвы, сева, внесения удобрений, уничтожения сорняков...

И вот сейчас, когда еще снег на полях, бригада Н. А. Братчикова всю технику перебрала по винтику, отладила, поставила на линейку готовности. Любо-дорого посмотреть на ухоженные тракторы, селки, культиваторы, бороны, готовые «к бою».

А пока держатся санные дороги, механизаторы спешат вывезти на будущую пашню как можно больше органики. Тут трактористам первое слово! Бригада Николая Андриановича работает на «общий котел» — получила от колхоза единый коллективный наряд на все полевые работы до осени, включая уборку и сев озимого хлеба. И даром времени не теряет. Едва светает, а уж коллектив в сборе, и бригадир Н. А. Братчиков уточняет задание на день согласно отработанной технологии для

того или иного поля севооборота. Подряд — великий стимул. Повседневные дела опережают самые красивые слова. Николай Андрианович отлично знает каждого, кто в бригаде. Его тоже понимают с полуслова:

Н. А. Братчиков и его бригада.

— Не только день весенний, но и зимний день год кормит. По машинам!..

Н. БЫКОВ,
фото Н. Данилова

Рязанская область,
Сапожковский район.

ОЛИМПИАДА НА ПАМЯТЬ

В. БЕСКРОМНЫЙ, В. ДВОРЦОВ

Олимпийские игры в Сараево промчались, как бобслейные сани, и скрылись за поворотом спортивной истории, а нам остались на память волнующие минуты борьбы и комплект фотографий. Вот и на огоньковской вкладке несколько цветных снимков тех памятных событий.

Почти все игры последних лет проходили при снежном дефиците — и две инсбрукские Олимпиады, и гренобльская и предпоследняя, в Лейк-Плэсиде, а в Сараево все сложилось наоборот, и буран внес свои немалые коррективы в расписание Игр и их результаты. От заносов больше всего пострадала горнолыжная часть соревнований. Но никакие капризы погоды не смогли нарушить большого, волнующего праздника, и десятки тысяч любителей этого спорта отважных с восторгом приветствовали победителей.

Да, в Сараево мы смогли еще раз убедиться, какой огромной популярностью пользуются в мире и скоростной спуск и слалом. Увы, соревнования в этих видах для нас окончились весьма буднично, и не надо утешать себя тем, что мы и не ждали здесь успехов, потому что давно хронически отстаем, что вовсе не на слаломных трассах, а на хоккейном поле финишировала Белая Олимпиада, а уж тут мы спуску никому не дали, завоевав шестую золотую медаль.

Да, это так, но не лучше ли помнить о том, что в горнолыжных видах и в прыжках с двух трамплинов разыгрывались восемь золотых медалей да еще девятая в двоеборье, успех в котором закладывается на трамплине. А мы из них не получили ни одной.

Думается, что сейчас, после Олимпиады, имеет смысл в первую очередь хранить в памяти те подробности, которые нас не очаровали, а разочаровали, ведь эта память нам нужна не для того, чтобы беречь раны, а для того, чтобы этих ран в Калгари, через четыре года, было бы меньше, чем в Сараево.

Огромных успехов добились за 60 лет, которые отделяют первую Белую Олимпиаду в Шамони от четырнадцатой Олимпиады в Сараево, лучшие спортсмены мира. Стоит перелистать страницы олимпийской истории, чтобы в этом убедиться. Взять хотя бы скоростной бег на коньках. В Шамони чемпионом Олимпиады на дистанции 10 000 метров стал финн Юлиус Шютнабб, пробежавший дистанцию за 18 минут 4,8 секунды. Наш молодой чемпион Игорь Малков потратил на это 14 минут 39,9 секунды. А в спорте, как известно, одна победенная минута равняется иногда десятилетиям. Вся история Белых Олимпиад — это непрерывный поиск совершенства, стремление достигать все новых и новых высот, и к чему приводят здесь просчеты, мы не раз могли убедиться в Сараево.

Надо ли вспоминать сейчас, сколько огорчений доставили нам женщины и на ледяном круге и на лыжных дистанциях! А ведь наши спортсменки в свое время не раз радовали своими успехами. Когда они успели растерять свое преимущество? Почему это произошло? Теперь надо искать родословную наших неудач, и это важнее, чем еще и еще раз восстанавливать в памяти те два ликующих чуда, которыми нас одарили олимпийские чемпионы в беге на коньках Сергей Фокичев и Игорь

Малков. Нет, не на ледяном олимпийском овале родились их победы, а задолго до этого — на скромных тренировочных катках, лицом к лицу с секундомером.

Сейчас самая пора подумать о том, почему этих побед оказалось значительно меньше, чем мы рассчитывали. Почему в итоге только на два очка наша команда оказалась впереди команды ГДР в общем неофициальном подсчете.

Сколько волнующих минут провели мы на снежном стадионе, с какой надеждой ждали финиша наших гонщиков. Успех на 30-километровой дистанции обнадеживал, но дальше нас ждали неудачи, и даже в эстафете, которая традиционно была нашим самым сильным местом. В Сараево лыжники до последнего этапа боролись за победу, но в конце концов остались на втором месте. Можем ли мы об этом забыть? Разве уравнивает эту неудачу победа Николая Зимятова в гонке на 30 километров? Нет, не уравнивает, потому что эстафета всегда была нашим главным козырем и потому что неудача здесь говорит о том, что наш славный лидер Николай Зимятов не получил в Сараево равноценных партнеров, что замедлился рост молодых гонщиков.

Нет никакого сомнения, что лыжня из Сараево ведет нас и в далекий северный город Сыктывкар, где до недавнего времени вырастали замечательные гонщики, и в лыжные школы Свердловска и Ижевска, и во многие другие места, которые всегда славились своей лыжной сменой, а теперь постепенно начинают терять былую славу. А ведь ко многим лыжным центрам сараевская лыжня вовсе не ведет — ни в Сибирь, ни в Карелию, ни в Ленинград, ни под Москву. В чем же дело? Разве не стоит об этом подумать, чтобы не надо было в Калгари снова задавать себе эти невеселые вопросы?

Конечно, чудес в спорте не бывает, в самой сильной команде происходит неизбежная смена поколений, и такую смену мы могли наблюдать на последней Олимпиаде среди лыжников ГДР. Еще несколько лет назад великолепные гонщики ГДР были сенсацией на всех крупных соревнованиях, в Сараево смены им мы не увидели. Но руководители команды ГДР умно и точно смогли закрыть образовавшиеся бреши в общем строю, и в итоге у команды 9 золотых медалей — на три больше, чем у нас. Но мы-то с нашими людскими резервами умеючи разве не могли бы свести до минимума процесс смены поколений?

Долго мы будем помнить те четыре «пустых», безрадостных дня в Сараево, когда наши спортсмены не смогли добиться ни одной победы. И не надо забывать этих дней. Память о них поможет и организаторам нашего спорта, и тренерам, и их питомцам в подготовке к новым встречам с сильнейшими спортсменами мира на снегу и на льду.

...Утро в понедельник 20 февраля было для нас немного грустным. Мы прошли по осиротевшему главному пресс-центру в «Скендерии», еще вчера напомиравшему встревоженный улей (около полутора тысяч «пишущих» журналистов пользовались ежедневно его услугами). С десятком журналистов, правда, еще писали свои заключительные репортажи, а телефонистки все еще привычно вызывали

к кабинетам коллег из разных стран, но мало кто уже отзывался...

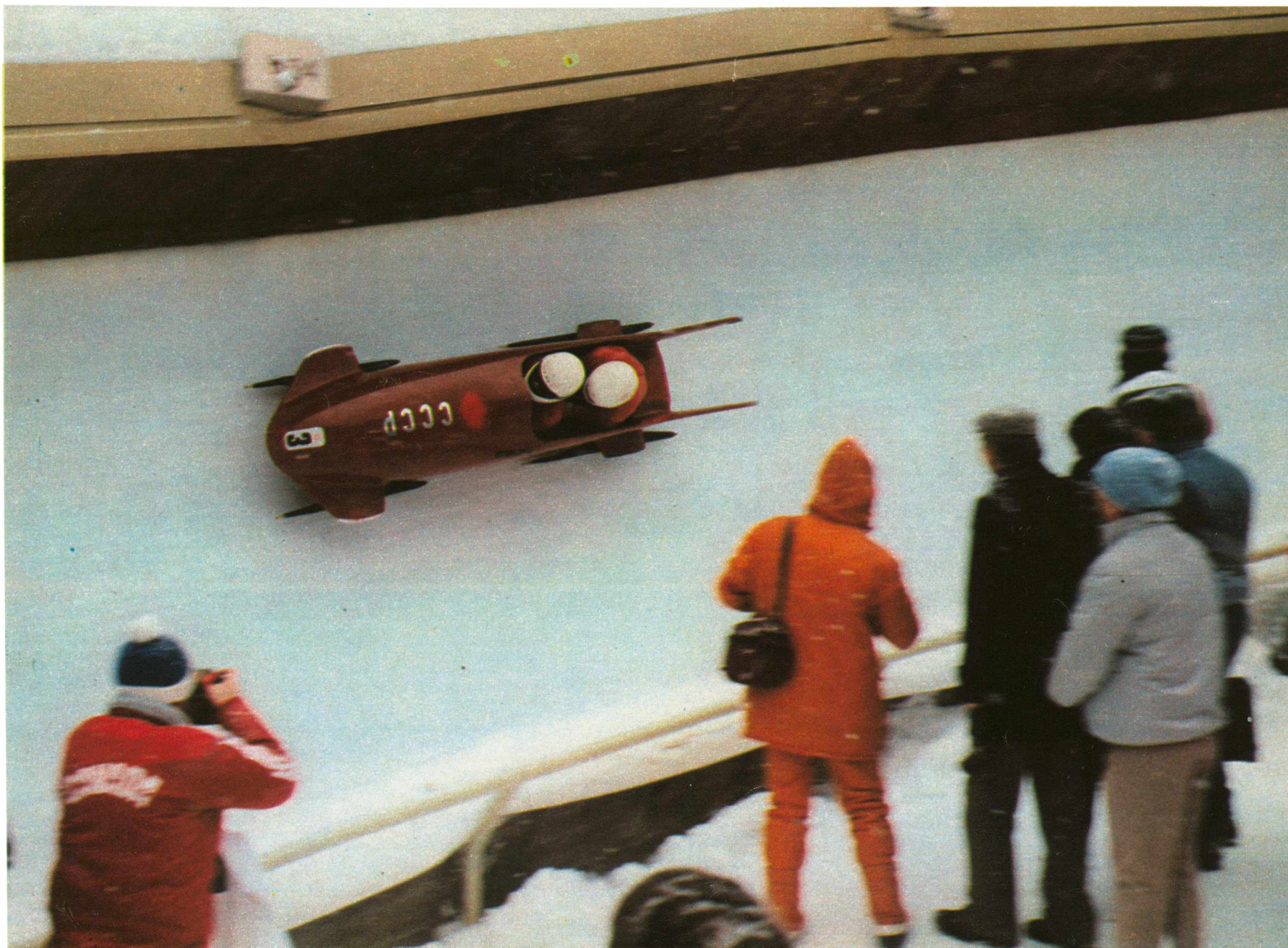
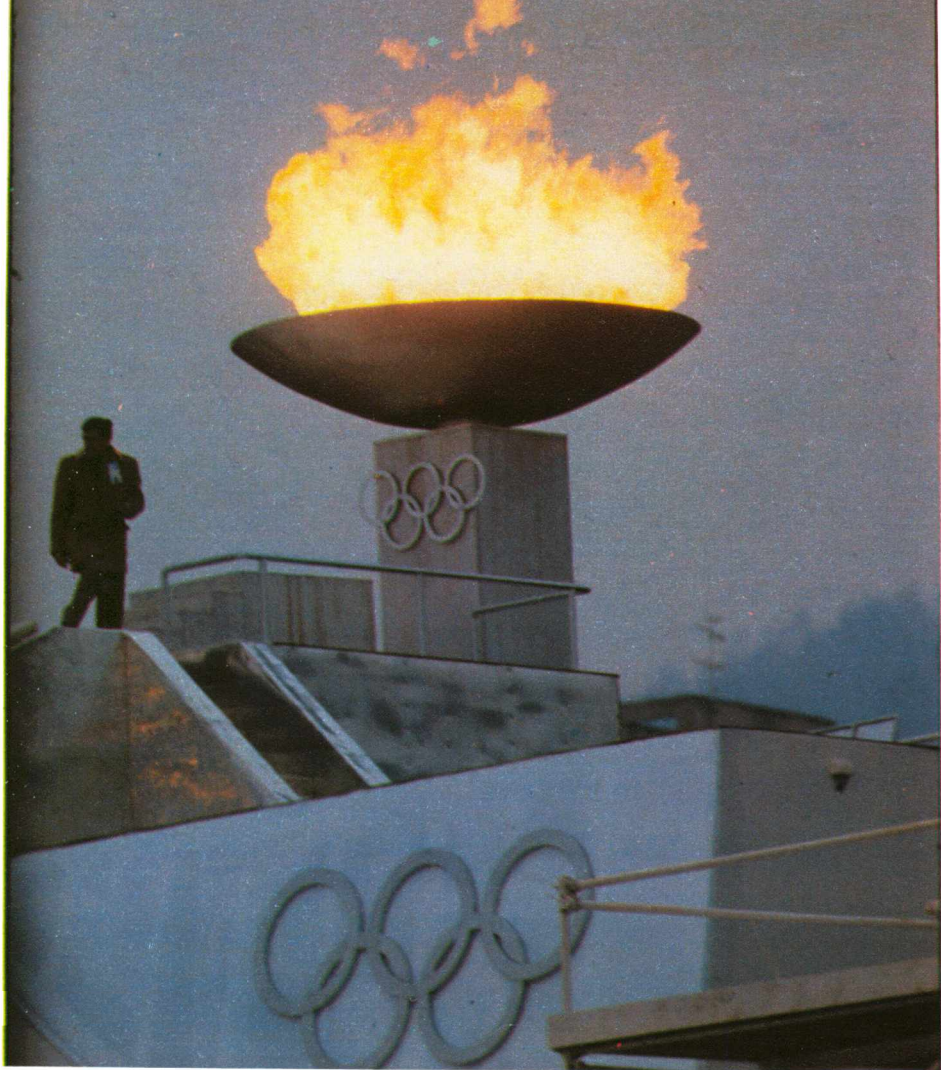
Поехали на «Зетру», заглянули в Олимпийскую деревню, всюду царил непривычный затишье. Олимпиада завершилась, смолкли торжественные фанфары. Остались воспоминания о волнующем фестивале спорта и молодости. Но югославские газеты по-прежнему много писали об Олимпиаде. Так, сараевское «Освобождение» писало: «Олимпиада, которая собрала представителей рекордного числа стран — 49, на которой спортсмены разных государств всех континентов соревновались и дружили, может служить своеобразным прообразом счастливого будущего планеты... Сараево запомнится — и чемпионам и тем, кто не смог подняться столь высоко, Игры запомнят друзья, которым мы говорим всегда добро пожаловать в наш город».

Много добрых слов в прессе звучало о советских спортсменах. И особенно восторженно газеты писали о нашей хоккейной дружине. Вот, к примеру, как оценивает ее выступление на олимпийском турнире белградская газета «Политика экспресс»: «Все, что показали советские хоккеисты в Сараево, было просто восхитительно. Фантастические скорости, великолепная техника, безупречное катание на коньках, разнообразные комбинации обеспечили им существенное преимущество над соперниками. И еще одна характерная черта красит воспитанников тренера Виктора Тихонова — исключительная сыгранность во всех звеньях. И защитники и нападающие, непрерывно меняющие позиции на льду, способны буквально ошеломить соперников. Золотая медаль, потерянная сборной в Лейк-Плэсиде, в Сараево возвращена великолепным хоккеем, который надолго запомнится всем, кто его видел».

У каждого журналиста, побывавшего на сараевской Олимпиаде, наверняка появился в доме свой «олимпийский уголок». В нашем на видном месте — фотография Хуана Антонио Самаранча с автографом. Надолго запомнится встреча с этим обаятельным и интересным человеком в конце Игр. И до сих пор звучат слова президента МОК: «Олимпиада в Сараево — это одно большое послание всему человечеству о том, что мир сегодня, несмотря на всю сложность обстановки, возможен. XIV зимние Игры, вне всякого сомнения, войдут в историю Белых Олимпиад как самые лучшие среди тех, что были проведены за шестьдесят минувших лет. Начиная с 1924 года, когда зародились зимние Игры, мир еще не видел такого яркого спортивного праздника, такого единения атлетов. Весь ход Игр в Сараево был наглядным подтверждением торжества олимпийских идей — идей мира, дружбы, сотрудничества».

Сараево — Москва.

Огонь XIV зимних Игр над стадионом «Кошево» * Сергей Фокичев — олимпийский чемпион в конькобежном спринте на дистанции * Бобслейные двойки

НАДЕЖНЫЕ ЛЮДИ

Сергей В Л А С О В,
специальный корреспондент
«Огонька»
Фото автора

Знакомьтесь: три Михаила * За тринадцать лет бригада М. Полторана уложила миллион кубометров бетона — такого темпа работ до сих пор не знало отечественное гидростроение * Быть ближе к рабочему человеку — девиз Михаила Лесникова.

Близилась полночь. Окруженный караулом саянских сопков, укутанный в одеяло пушистого снега поселок Черемушки тихо хонько засыпал. А мне не спалось: все не мог успокоиться после разговора с Иваном Михайловичем. Взволновал, взбудоражил рассказ ветерана о ратных его делах. И снова подумалось: сколько таких — лучших из лучших — не вернулось с войны!

Ивану Михайловичу, бывшему командиру роты, повезло: отделался тремя ранениями и двумя контузиями. Воевал в составе бывшей 309-й Пирятинской ордена Кутузова второй степени стрелковой дивизии. Вместе с ней прошел с боями более двух тысяч кровавых верст от Дона до Бреслау. Вместе с ней держал оборону на Днестре и на легендарном Сандомирском плацдарме, где пришлось отражать по пятнадцать немецких атак в день. Против «тигров» и «фердинандов» один на один выходил. В рукопашных схватках участвовал...

Не проходит такое бесследно — теперь вот по карманам таблеток рассованы.

— Мотор не тянет, а я все равно не вешаю носа, — смеется Иван Михайлович Гера.

Хоть и возраст уже пенсионный и врачи советуют больше отдыхать, не сидится ветерану дома, продолжает работать тут, в Саяногорске. Имя его дивизии — 309-й Пирятинской — носит одна из бригад плотников-бетонщиков, сооружающих Саяно-Шушенскую ГЭС.

...Поселок засыпал. Я вышел на улицу. Тишина стояла такая, что было слышно, как в жилах пульсирует кровь. Вдруг в эту ночную тишину ворвался вой сирены. И сразу же, почти одновременно, из трех домов, стоящих рядом, выбежали люди и устремились к мосту. «Тревога!» — мелькнуло в сознании, возмужденном военными рассказами. Но тут же опомнился: это же «тысячник», кран на плотине, сигналит, когда поднимает груз.

Плотина от Черемушен, поселка гидростроителей, в четырех километрах. Рабочих туда и обратно возят автобусы. К ним-то и спешили люди. Третья смена, которая начинается в полночь. А то, что они вышли из домов одновременно с сиреной, — чистое совпадение! Совпадение, впрочем, символическое. Стройка порой напоминает передовую. Здесь так же гремят взрывы, здесь так же в насах идут в атаку — в атаку на бетон.

За две недели, что пробыл тут, на плотину приходил каждый день. Притягивали ширь Енисея, размах Саян, двухсотметровая высота, на которой идут сейчас работы, ритм стройки... Вот и сейчас вслед за ребятами в спецовках я сел в автобус, чтобы еще раз напоследок взглянуть на нее, на плотину.

Она стояла, сверкающая, плечами упираясь в сопки, сдерживая своим могучим телом многомиллионный напор целого моря, готового обрушиться вниз.

Вместе с рабочими спешили на передовую Павел Корчагин, Александр Матросов, Николай Кузнецов, Эрнесто Че Гевара, Юрий Гагарин... Они зачислены в списки лучших бригад и трудятся здесь каждый день, без выходных. А деньги, что они зарабатывают, ежемесячно перечисляются в Фонд мира.

Бесстрашный разведчик Герой Советского Союза Николай Иванович Кузнецов работает в бригаде Михаила Полторана плотником-бетонщиком третьего разряда и на его счету более тридцати тысяч рублей. А в бригаде Михаила Машенно, носящей имя 309-й Пирятинской дивизии, трудится Иван Иванович Григоров.

...Было Ване всего тринадцать лет, когда 309-я приняла свой первый бой на Дону, близ его родного села Нижний Икорец. Позарез нужна была солдатам лодка — переправиться через речу и установить связь, чтобы координировать огонь артиллерии.

— Дай, Ваня, лодку, — в шутку обратился к нему один из солдат. — А пострелять дашь? — всерьез ответил Ваня.

— Дам. Он убежал и вскоре пригнал лодку, спрятанную в камышах. Бойцы наводили связь и все похваливали мальчишку. А он насупился:

— Обещали ведь... Ему дали автомат. Он выстрелил и... упал в воду: слишком сильной для мальчишка оказалась отдача.

Ушли солдаты с Дона, а через три дня их догнал Ваня. «Что же вы меня покинули?» — спросил. Так и остался при дивизии. Носил донесения в штаб, ходил в разведку. На Днестре уже воевали, когда он наскочил на мину. Отнесли его в медсанбат. «А что я могу? — сказал врач. — Вы же видите, живого места на нем нет. Час-два еще помучается и...»

Оставили Ваню солдаты в лазарете и ушли. А через много лет после войны командир батареи Петр Степанович Неус написал в «Комсомольскую правду» и рассказал о судьбе мальчишка. Вскоре в газету пришло письмо: Ваня-то жив! Слепой, весь израненный, руки, ноги перебиты, но живой. И там же, в Нижнем Икорце, живет.

Собрались ветераны в День Победы и поехали к Ване. Что это была за встреча! Три дня, плача и смеясь, вспоминали былые... Оказалось, что Иван Иванович живет неважнецки: домик поносился, пенсия маленькая... Выхлопотали ему боевые друзья хорошую пенсию, договорились с колхозом, чтобы помогли инвалиду войны. Отправили на курорт подлечиться.

А теперь вот зачислен ветеран почетным членом в бригаду лауреата Государственной премии СССР Михаила Петровича Машенно...

Сейчас в бригаде небольшой перерыв. Мы сидим в бытовке, что примостилась на гребне плотины. Шумит чайник на плитке, возле нее нежится в тепле серая Мурка. Лида Щербатых колдует над заваркой. Обсуждаем

приятное событие — двум членам бригады дали новые квартиры. В общем-то не такая и редкость, за последнее время новоселье в бригаде справили многие: Жора Обор, Володя Егоров, Юра Малафиевко, Гена Бочков, Леша Гушин. Но сейчас разговор о недоделках. В квартиры-то новые въехали, а стекло кое-где не хватает (и это зимой!), краны текут, замки не работают...

— Слесаря да стекольщика не дозовешься, — сетует новосел.

— А ты пузырек поставь, сразу прибежит. Вон как я, — советует другой.

— Придется...

Ох уж эти «пузырьки»!

Распахивается дверь, и вместе с клубами пара входит Петр Юзва, звеньевой. Сразу видно, чем-то расстроен.

— Чего невесел? — толкает его в бок Вася Гедзун.

— Будешь тут веселый! Нужны толевые гвозди, а мы сотку в жезь лупим. Вон смотри, — Петр Петрович достает из кармана два гвоздя и кладет их рядышком на стол. — Вот этих, каких нам нужно, — он берет небольшой гвоздь с широкой шляпкой, — у нас уже год нету, у меня в кармане случайно завалился. А бьем гвозди, которые в три раза длиннее, чем надо. Кто-нибудь считал, сколько металла зря перевели? Тонны!

— Чего там гвозди! — подхватывает электросварщик Виталий Михайлович Соколов. — Вон арматура — для щитов опалубки «двадцатка» нужна, а привозят «сороковку». Перерасход металла вдвое больше нормы. Считай, целый завод похоронили.

— О чем там думают снабженцы? — негодует Юзва. Увидев у меня в руках блокнот, говорит: — Вы так и напишите, чтоб знали об этом в министерстве...

Попив чаю, ребята расходятся по своим делам: кто варить арматуру, кто ремонтировать опалубку, кто готовить основание под бетон. Никто не спрашивает задания у бригадира, каждый знает, что ему делать. Мы с Михаилом Петровичем остаемся одни. Человек он удивительно мягкий, деликатный. За все время, что я был на площадке, ни разу не слышал, чтобы он на кого-нибудь повысил голос. И в бригаде никто не помнит, чтобы он когда кричал.

«У Машенно свой подход к людям, — вспомнил я слова начальника участка Михаила Яковлевича Лесникова. — Он им как отец родной. Все больше добром да лаской. На доверии у него отношения с рабочими строятся, на совете. Нравится мне этот человек. Настоящий...»

— Да как работаете? — улыбаясь, повторяет Михаил Петро-

вич мой вопрос. — Известное дело, бетон кладем.

Предполагается, что этим все сказано. Для посвященных — да, а для остальных, наверное, нужны пояснения. Помните кадры кинохроники времен первого Днепротреста — человек двадцать стоят кружком, положив руки на плечи друг другу, и под гармошку ходят туда-сюда, по колену утопая в вязкой жиже, — трамбуют бетон. Да, так было. Теперь делают по-другому: мощный кран, «тысячник», высыпает в блок восьмикубовую бадью бетона, подъезжает эдакий танк, манипулятор на гусеничном ходу, и в образовавшуюся зыбь погружает свои щупальца-вибраторы. Серая масса — смесь цемента, песка, гальки и воды — распадается по блоку равномерным слоем. Все! Можно высыпать новую порцию бетона. Современная техника позволяет достигать небывалой производительности труда. Бригада Машенно укладывает в тело плотины около полутора сот тысяч кубометров бетона в год. А в 1980-м уложила 156 тысяч «кубов». Этот рекорд до сих пор не превзойден ни одной бригадой страны. Другая бригада стройки — Михаила Полторана — недавно стала миллионером: более миллиона кубометров бетона уложила она за тринадцать лет возведения плотины.

Оба Михаила — и Машенно и Полторан — приехали в Саяны из Дивногорска, где строили Красноярскую ГЭС. Оба в 1962 году начинали осваивать профессию плотника-бетонщика в бригаде третьего Михаила — Михаила Яковлевича Лесникова, теперь уже Героя Социалистического Труда.

— Давно это было, двадцать с лишним годов, а вроде как и недавно, — улыбается Михаил Яковлевич своей доброй улыбкой. — Это теперь больше десяти бригад бетонщиков на стройке, а тогда в Дивногорске одна моя была, сто человек, артель. Людей считали десятками. Но Машенно и Полторан я сразу выделил. Сверхъестественного в них, конечно, ничего не было, но каная-то особая хватка была, способность сразу все понять, сменалка, выдумка. Оба — творческие личности.

Время показало, что Лесников не ошибся. Многие начинания в легком деле бетонирования связаны с именами Машенно и Полторана. Когда речь заходила о внедрении новой техники, их бригады всегда оказывались в числе первых. Так было и с двухъярусной консольной опалубкой, и с самоподъемным шатром, который применяют зимой для сохранения в блоке тепла, и с манипуляторами... В 1979 году за внедрение прогрессивных методов бетонирования Михаилу Машенно была присвоена Государственная премия СССР. А Михаил Полторан за успехи в работе, за творческое отношение к делу награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

Да, этому всегда учил Лесников обоих своих подопечных, как и остальных, впрочем, — творческому отношению к делу. Но, пожалуй, превыше того ставил он

На пьедестале почета Елена Валова и Олег Васильев — золотые призеры в парном катании (в центре), серебряные призеры и бронзовые призеры — Лариса Селезнева и Олег Макаров.

К. Каразерс и П. Каразерс (США) — Фото А. БОЧНИНА

доброе отношение к людям. Сколько раз самому приходилось хлопотать за своих рабочих — о путевках, о квартирах... Сколько раз улаживал семейные скандалы, восстанавливал, можно сказать, распадающуюся семью. Не со слов других знает ветеран гидростроения, как важен хорошо налаженный быт для строителя — самому пришлось когда-то не один год жить с семьей в палатке. Да еще не отдельно — за занавеской из простыни жила другая семья. И теперь старается, чтобы домашние неурядицы не мешали людям работать.

— Помогать человеку — вот наша первая обязанность, — говорит Михаил Яковлевич. — А требовать с него норму — это уже потом, на это надо заслужить право...

Уроки наставника не прошли даром. Доброе внимание к людям стало нормой во многих бригадах гидростроителей. Взять того же Машенко. Как-то один из рабочих, который раньше в плохих не числился, вдруг начал приходить на смену под хмельком, а когда делал ему справедливые замечания, огрызался, скандалил, халтурить стал. Поговорил с ним Михаил Петрович, оказалось — дома нелады с женой. Деликатно попросился в гости зайти. А дальше что? Поди разберись, кто тут прав, кто виноват: чужая семья — потемки. Понял, однако, что положение критическое, развод назревает. Слушал весь вечер взаимные упреки мужа и жены, а сам думал, да разве тут поможешь, если так далеко зашло. С тяжелым сердцем ушел бригадир из их дома, совсем разочаровавшись в своих воспитательных способностях... А на другой день рабочий тот пришел в хорошем настроении, шутил, смеялся, будто подменили человека. За работу взялся с охотой, словно по ней соскучился. Оказывается, супругам надо было перед кем-то душу излить...

Об этом случае мне рассказал Лесников, а сам Михаил Петрович о нем даже и не вспомнил: что тут, мол, такого, обычная жизнь, обычная работа.

Не знаю, можно ли научить доброте, человечности? Разве что в детстве... И все-таки, думаю, не без влияния Михаила Петровича, человека щедрой души, комсомольцы бригады проявляют настоящую сыновнюю заботу о ветеранах 309-й Пирятинской дивизии, имя которой носит коллектив. Вот, например, недавно на свои деньги купили ребята и отправили в далекое село на Дону Ивану Ивановичу Григорову, который в списке бригады стоит под первым номером, шубу, костюм, унты. «Купили и отправили» — как все просто, а размеры? Надо же, чтобы подарок впору пришелся. Списались ребята с пионерами, что учатся в селе, те расспросили подробно ветерана. «А вам это зачем?» — все допытывался Иван Иванович. Через две недели узнал зачем... Наверняка и для сельских школьников этот урок доброты не пройдет даром.

Каждый год на праздник Победы приезжают в бригаду пирятинцы — когда пятнадцать, когда двадцать человек. С каждым разом все труднее забираться на гребень плотины бывшим солдатам: стареют ветераны, растет плотина. Держатся за сердце, воюют с одышкой, а все равно поднимаются на самый верх, откуда так хорошо видны весь каньон Карлова створа, молчаливые и величественные Саяны, раскрашенные в ту пору сиреневым

цветом багульника. Подолгу стоят они на плотине и смотрят, смотрят, не отрывая взгляда от великой реки, которая, угрюмо ворча, несет свои темные воды к океану, будто не может простить, что потревожили ее извечный покой. Ворчит и в мрачном бессилии своем толкает огромные валуны, острием пенных волн подтачивает скалы, словно хочет отомстить этим свидетелям своего поражения...

У них есть о чем поговорить — у тех, кто защищал мир сорок лет назад, и тех, кто продолжает дело отцов сегодня. В рабочей бытовке, где обычно травят анекдоты и забывают в пересменку «козла», в эти часы царит та особая — даже не торжественная, нет, — благоговейная атмосфера Памяти и Родства, когда высоких слов говорить не надо...

Комсорт бригады Юра Афанасьев больше других волнуется и хлопочет о том, чтобы во время встреч с ветеранами все было как надо — и трудовой рапорт здесь, в бытовке, о том, что сделано, и чай повкуснее — это уже вечером, в гостинице, когда начинают пирятинцы вспоминать «сороковые — роковые»... Юре 27 лет, сюда, на Саяно-Шушенскую, приехал с Алтая по комсомольской путевке, отслужив в армии. Короткая и такая типичная для гидростроителей биография.

Вот так же, отслужив армию, по комсомольской путевке приехал на Енисей из родной Белоруссии Михаил Полторан. Было это 22 года назад, и столько же лет было тогда Михаилу. Позвала романтика? Да, а что? Захотелось парню посмотреть мир, проверить себя, помериться силами с великой рекой, Енисеем-батюшкой.

— Ну и как, кто кого? — спрашиваю.

— Надеюсь, что останемся без победителей и побежденных, — смеется Михаил Иванович.

Сегодня я у него в гостях, в его новом двухэтажном кирпичном доме. Четыре просторные комнаты, большая кухня, летняя веранда, все удобства — таме вот дома строит Красноярскгэсстрой своими работниками.

Тринадцать лет назад бригада Полторана стала первой на Саяно-Шушенской ГЭС бригадой бетонщиков. До этого на Красноярской он был звеньевым у Лесникова. Михаил Яковлевич и порекомендовал своего младшего тезку на должность бригадира на новой стройке. В октябре 1970 года уложили ребята первый бетон в водораздельную стенку, а теперь вот уже ведут счет своему второму миллиону кубометров.

Это, конечно, верно, что современная техника совершенно изменила работу бетонщика, но все-таки от тяжелого ручного труда тут не уйдешь. Я видел, как Галина Литовченко и Надежда Беломорских зачищали бетонное основание — уложенный раньше и застывший слой. Щетками, похожими на сапожные, только с провололочной «щетиной», стирали они с бетона белую цементную пленку — она не даст слоям схватиться. «Это только первое время руки болят, а потом привыкаешь», — пояснила мне Надя, приветливая, обаятельная девушка. (Есть для этой операции специальная затирочная машинка, но она не во всех углах-закоулках достанет.) Потом водой и сжатым воздухом из шлангов сгоняли Надя и Галя в угол весь мусор, пыль, камешки, а из угла ковшиком и веником выбирали мутную жижу в ведро. Бетон сверкал, как пол в королевских покоях, а они все его терли и обхаживали.

— Да чисто же, девчата, хватит! — не удержался я. — Дома, небось, так не моеете.

— Дома так не моем, — согласилась Галя, — а здесь надо. — И продолжала воевать с непослушным, вырывающимся из рук шлангом со сжатым воздухом. Их лица были усеяны веснушками мелких брызг, а сверху на них сыпались искры электросварки, сыпались и с шипением гасли в луже. Это Юра Архипов и Саша Ширяев что-то доваривали у верхнего бьефа.

Все-таки странно, подумал я, что такую утомительную и трудоемкую работу в бригаде бетонщиков выполняют женщины. А ведь им еще после смены спешить в садик за детьми, кормить их, учить, воспитывать. У Гали их двое, у Нади — белокурая трехлетняя озорница Наташка. Надя воспитывает ее одна, муж Николай трагически погиб полтора года назад. Она училась тогда в заочном пединституте...

— В школе вечером собрания, педсоветы, и дочку мне не с кем было бы оставлять, — говорит она. — Подрастет немного моя Наташка, тогда и я вместе с ней в школу. Учителем быть — это мое призвание...

Здесь кого ни возьми, жизнь — целая повесть. Вот плотник Борис Александрович Федоров. Он в здешних местах с 1967-го. При нем первый дом в Черемушках закладывали (там он потом и жил вместе с женой и двумя ребятишками), строил он и бетонный завод и базу Гидроспецстроя, а когда понадобились плотники на основных сооружениях, пришел в бригаду Полторана.

Родом Борис Александрович из Ленинграда. На свет появился за месяц до войны. Родителей своих не помнит, они его потеряли. Точнее, дело было так. Шла эвакуация, от перрона городского вокзала отходил один из последних эшелонов. Борина мама посадила его на скамейку и ненадолго куда-то отлучилась. Дали сигнал к отходу поезда, мальчик заплакал. Его увидела проходящая мимо женщина — тетя Таня, подумала, что малыш потерялся, схватила и села в отходящий поезд. Потом она призналась, что это помогло ей сесть в переполненный вагон — в первую очередь отправляли женщин с детьми.

Все это Боря узнал позже, когда воспитатель детского дома Дмитрий Степанович Масленников после долгих поисков нашел все же адрес единственной Бориной «родственницы» — тети Тани. Она сдала мальчика в детприемник, как только они вырвались из осажденного Ленинграда. Нетрудно себе представить, с каким волнением четырнадцатилетний подросток шел по указанному адресу — Лиговский, 220.

Дверь ему открыла все еще очень красивая молодая женщина. И он увидел, что у нее нет обеих ног. Как оказалось, заражение крови у нее было.

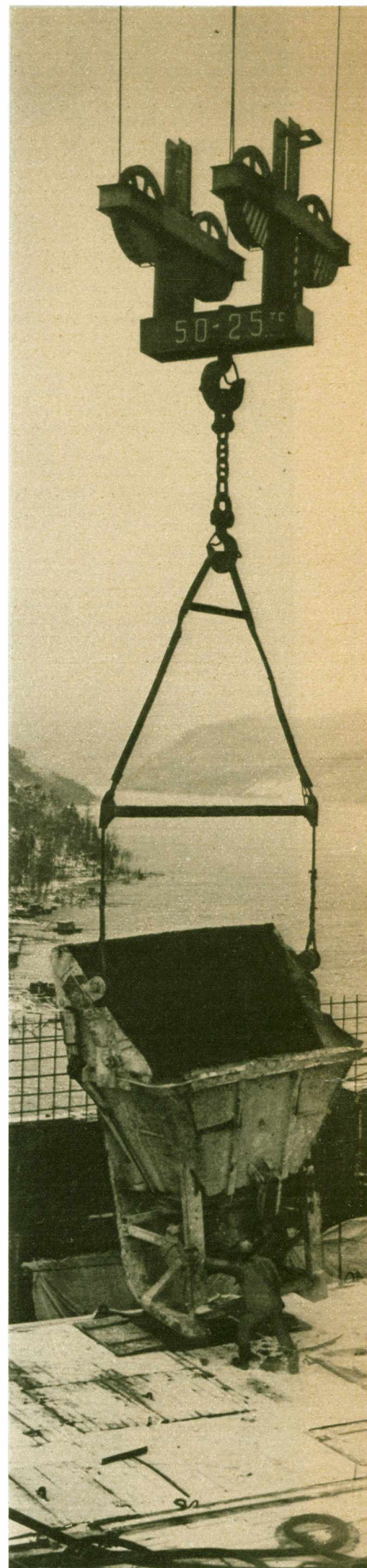
«Бориска, ты? — изумилась она. — Заходи». И заплакала. Вот тогда-то он все и узнал...

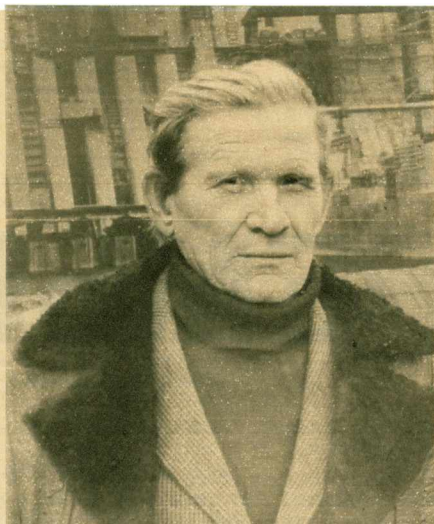
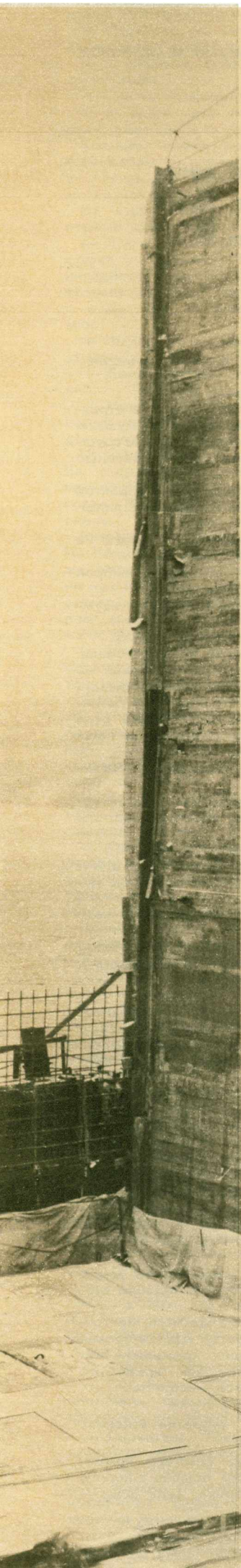
— Помните что-нибудь о войне? — спрашиваю Бориса Александровича.

— Хорошо помню, как было очень холодно и все время есть хотелось. До сих пор не могу забыть это мерзкое ощущение — озноб до зубаринок и слабость во всем теле. Одного хотелось — заснуть и не просыпаться...

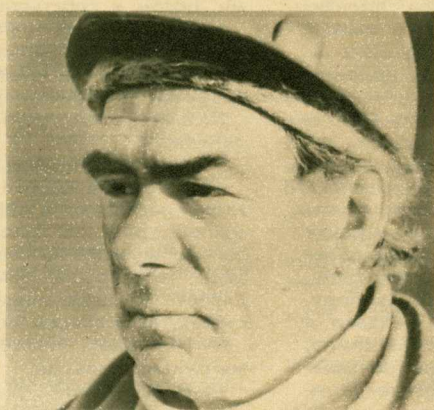
Чтобы этого никогда не повторилось, чтобы дети его, а теперь уж и внуки никогда не испытали желаний заснуть и не просыпаться, по-ударному трудится один из лучших плотников-бетонщиков одной из лучших бригад стройки, Борис Федоров.

Саяно-Шушенская еще не набрала свою полную мощь, но она давно уже работает против войны.

Михаил Яковлевич Лесников.

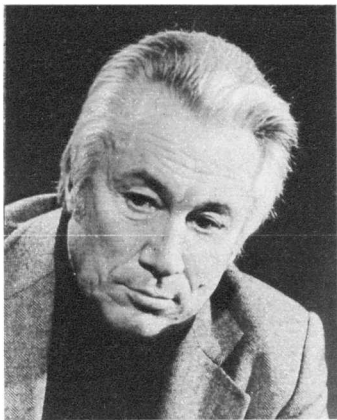
Михаил Петрович Мащенко.

◀ **Бадья для Гулливера.**

Среди лесов и сопок растет плотина Саяно-Шушенской ГЭС. ▶

Михаил Иванович Полторан.

Юрий НАГИБИН

ЦЫГАН-ПРЕМЬЕР

Рисунки М. ПЕТРОВОЙ

Завоевать успех оказалось куда проще, чем его сохранить, а тем более развить. Кальман слишком затерялся к славе. Не дав публике оправиться от потрясения «Осенними маневрами», он наскоро сработал «Отпускника» и поставил в Будапеште. Нельзя сказать, что это был полный провал, однако новых лавров молодой композитор явно не стяжал. Венский вариант — «Добрый товарищ», несмотря на серьезные исправления в либретто и перемену названия, оказалась та же судьба. Поезд в Бессмертие оказался вовсе не курьерским, а пассажирским — со всеми остановками.

Склонному к панике Кальману уже мерещился материальный и моральный крах, бесславное возвращение по шпалам домой во тьму забвения. Но рядом была умная, преданная и мужественная Паула Дворжак, она не дала ему пасть духом, опустить руки. Кальман всегда придавал большое значение быту. Паула так устроила его жизнь, что и в минуты крайнего упадка сил Кальман не шел на дно. Они занимали скромное, но отмеченное артистическим вкусом Паулы жилье на улице, носившей символическое, как считал Кальман, название Паулянергассе. Тут не было ничего, что связывало у сына шлофокского зерноотворгца с представлениями о богатстве: ни ампириной мебели, ни антиквариата, никаких хрупко-шатких безделушек, но красивый букет на столе, два-три офорта на стенах, яркая ткань, небрежно кинутая на диван, веселые занавески придавали неброскому обиталищу уют и даже изящество. И был вкусный, обильный стол — любимую ветчину он покупал собственноручно, остальное будто падало с неба — крайне осмотрительный в денежных тратах, Кальман не расщедривался на хозяйство. Но они жили, держали.bestолковую, зато дешевую служанку-кухарку, не жалели крепкого кофе для либреттистов, изредка принимали друзей.

Паула заботилась не только о требовательной плоти Кальмана, она внушала ему: не стремись быть, как другие, ищи свое.

Старый будапештский цыган-скрипач Радич, сам того не ведая, помог Кальману вернуться к себе настоящему. Радич был типичный ресторанный цыган: он ходил от столика к столику со своей скрипочкой, в потертых бархатных штанах и жилетке, что отвечало традиционному образу «сына шатров», не брезгая подачками, охотно принимая кружку пива или стакан вина; Кальман поднял его на высоту артиста, вложил ему в руки скрипку Страдивари и дал грозного соперника в любви и музыке — родного сына Лачи, виртуоза новой формации. Либреттисты Вильгельм и Грюнбаум — под ревнивым присмотром самого маэстро — силились как можно эффектнее развенчать уходящую романтику в образе Радича — Пал Рача и привести к заслуженной победе его сына, человека сегодняшнего дня с консерваторским образованием и светским лоском. Поскольку Кальман в глубине души был на стороне развенчанного кумира с его необузданным нравом и стихийным даром, всю музыкальную силу он отдавал старому цыгану-примасу.

Кальман не принадлежал к тем композиторам, что сочиняют музыку про себя, хотя, случалось, набрасывал целые номера прямо

на крахмале манжет, ему необходимо было, чтобы звуки немедленно обретали жизнь в пространстве. И он обычно импровизировал за роялем, ища нужные созвучия.

Он любил работать в ранние утренние часы, когда Паула бесшумно прибирала в комнатах — они не мешали друг другу. Но в тот раз рояль вдруг зазвучал как-то необычно, словно решив открыть свою тайную душу, и Паула замерла, совсем забыв об уборке. В том, что играл Кальман, звучала пронзительно-печальная скрипка одинокого цыгана его детских грез.

Кальман кончил играть. Паула подошла к нему, обняла.

— Как хорошо, Имре!.. Но я не пойму, это твое или народное?

— А я и сам не пойму, — простодушно отозвался Кальман. — Года два назад я встречался с Дебюсси в Будапеште. Он тогда открыл для себя венгерскую народную музыку и влюбился в нее. И заклинал нас шире пользоваться народным мелосом. Не копировать, конечно, а пытаться передать его свободу, скорбь, ритм и дар заклипания. Недавно я вспомнил, что мой отец говорил то же самое, что и великий Дебюсси: держись за свою землю. А я польстился на австрийские штучки. Короче говоря, «Цыган-премьер»..

— Писатели пришли! — объявила, заглянув в комнату, краснорожая от жара плиты кухарка.

— Меня нет! — тонким голосом вскричал Кальман и кинулся в спальню.

Паула вышла в коридор и почти сразу вернулась.

— Имре, выйди, что с тобой?

Кальман осторожно глянул, на лице его истаял след пережитого испуга.

— Это твои либреттисты. Ты же сам им назначил встречу.

— Чертова баба! — рассвирепел Кальман. — Зачем она заорала «писатели»?

— Ты хочешь, чтобы кухарка так тонко разбиралась в литературе?

— У нас в семье «писателями» называли судебных инспекторов, которые описывали имущество после банкротства отца. У меня навсегда остался страх перед этим словом. Вообще все дурное во мне с той поры. Это был слом жизни, потрясение, от которого я так и не оправился. Я был веселым, приветливым, доверчивым мальчиком, но после мне уж никогда не было хорошо. Когда кухарка крикнула: «Писатели!», я сразу решил — ты наделала долгов, и нас пришли описывать.

— Может, хватит?.. Давай лучше поговорим об оперетте. Как все-таки вы ее назвали?

— Мне хотелось «Одинокий цыган» или «Старый цыган», но либреттисты настояли на «Цыгане-премьере». Австрийская традиция: если девка, то непременно «королева», «принцесса», на худой конец «графиня», если цыганский скрипач, то «премьер». «Одинокий», «старый» — грустно, а оперетта не терпит грусти. Хотя у меня речь пойдет как раз о неудачнике. Но пока публика разберется, дело будет сделано. Надо было отстоять свое название, но я боюсь провала. Особенно после неудачи «Отпускником»? Я всего боюсь: новых знакомств, директоров, критиков, людей в форме. Я смертельно боюсь провала и больше всего, с детства, боюсь нищеты. Я не завистливый человек, но завидую Шуберту. Он был кругом неудачлив, а пел: «Как

на душе мне легко и спокойно». Вот счастливый характер!

Паула пристально смотрела на него.

— Удивительная исповедь!.. До чего странно слышать такое от создателя легкой музыки.

— Я, наверное, извращенец. Чем мне грустнее, тем больше хочется писать веселую музыку.

— Чудесно! Ты опереточный композитор милостью божьей. Это твой разговор с людьми, Богом и собственной душой.

— Когда я выбрал оперетту, то вовсе не думал об этом, — признался Кальман.

— Естественно! Потому что не ты выбрал оперетту, а оперетта выбрала тебя.

Кальман посмотрел на Паулу с тихим изумлением.

— Ты все оборачиваешь в мою пользу.

— Я говорю чистую правду. И если хочешь знать, насколько я серьезна, то выслушай не совсем приятное. Твоя способность создавать легкую музыку из тяжелой жизни когда-нибудь тебе очень пригодится. У твоего отца диабет, у меня пошаливают легкие, а наша старая такса совсем ослепла.

— Не надо!.. Не хочу!.. — замахал короткими руками Кальман.

— Надо, милый... Дай миру вальс из сахарной болезни, чахоточный каскад и матчиш слепоты.

— Ты страшновато шутишь, Паула.

— Самое страшное, что я вовсе не шушу.

— Писатели пришли! — снова напомнила кухарка.

Кальман побледнел. Паула бросила на него укоризненный взгляд.

— Милый, возьми себя в руки. Поработай хорошенько с Грюнбаумом и Вильгельмом и не давай им спуска. Трагедия оперетты — идиотское либретто.

— Уж я-то знаю! Хорошо было Оффенбаху, он пользовался пьесами Галеви и Мельяка.

— Выжми сок из этих завсегдаев кофеен. Опрокинь на них, как помойное ведро, весь свой дурной характер.

— Постараюсь, — заверил Кальман.

— И мне будет немного легче, — пробормотала Паула про себя, отправляясь за либреттистами..

...Чем ближе подступал день премьеры, тем сумрачнее становился Кальман. И было с чего..

Он всегда приходил в театр до начала репетиции. Незаметно садился где-нибудь в сторонке и грустно размышлял о том, какие новые огорчения и каверзы готовит ему грядущий день.

В этот раз он едва успел занять место в полутемном зале, как к нему подседа субретка.

— Доброе утро, маэстро... До чего же точно вы назвали вашу оперетту «Цыган-премьер». Тут действительно один премьер — Жирарди, Александр Великий, как зовут его прихлебатели, остальные все — статисты.

— Вы недовольны свсей партией?

— Ее просто нет! — И субретка вскочила с подавленным рыданием.

Кальман был достаточно опытным композитором и знал, что за этим обычно следует: хорошо, если просто истерика, куда хуже — отказ от роли.

Он задержал актрису за руку.

— Сговоримся на дополнительном дуэте во втором действии?

Главы из повести. Полностью повесть будет опубликована в журнале «Октябрь».

— Мало,— жестко ответила крошка.— Мне нужна выходная песенка.

— Идет! Но вы будете хорошей девочкой и никаких интриг против Жирарди.

— А песенку, правда, напишете?

— Слово!

— Где вы их берете?

— Я набит ими по горло.— Он отпустил руку субретки, и та упорхнула.

Кальман вынул крошечный позолоченный карандаш и, поскольку под рукой не было ни клочка бумаги, стал записывать ноты прямо на манжете.

На стул рядом с ним тяжело опустился первый комик.

— Эта интриганка что-то выпросила у вас,— сказал он мрачно.— Я все видел. У меня нет ни одного танцевального ухода. Вы же знаете, что мое обаяние в ногах.

— Да уж, не выше,— пробормотал Кальман.

— Что?.. Не поняли?.. Или вы дадите мне уход...

— Дам! Уже дал. Но перестаньте сплетничать.

— Маэстро, как можно?..— И довольный комик покинул Кальмана тем самым «уходом», который составлял его обаяние.

Пришлось пустить в дело вторую манжету. За скоропалительным творчеством Кальман проглядел начало репетиции. Очнулся он, когда Жирарди проходил свою коронную сцену.

Жирарди старался превзойти самого себя. Но Кальман, застенчивый, молчаливый, к тому же омраченный театральными склоками, равно как и боязнью провала, ничем не выражал своего восторга. Не выдержав, Жирарди обрвал арию, наклонившись со сцены к сидящему в первом ряду автору, крикнул:

— Может, я вам не нравлюсь, приятель? Скажите прямо. Это лучше, чем сидеть с таким насупленным видом.

Все замерли. У режиссера округлились глаза от ужаса. Кальман, выведенный из своей прострации, не знал, что ответить. Разгневанный любимец публики сверлил его своим огненным взглядом. Премьера повисала на волоске.

— Я молчу, господин Жирарди, лишь потому, что слишком потрясен,— наконец проговорил Кальман.— У меня просто нет слов.

— Хорошо сказано, сын мой!— вскричал растроганный актер.— Дай я прижму тебя к своей мужественной груди. Не стесняйся, обними меня. Только не слишком крепко, мне надо сохранить ребра для премьеры.

Кальман встал, и они крепко обнялись, к великому облегчению присутствующих...

Вечером Кальман жаловался Пауле:

— Они вертят мною, как хотят. Разве мне жалко лишней арии, дуэта или шуточных куплетов? Но ведь существует целое, не терпящее лишнего. Даже великая ария, если она не нужна, портит спектакль. Как можно быть настолько эгоистичными?

— Неужели ты до сих пор не понял актеров?— удивилась Паула.— Я ведь сама играла на сцене. Актеры— это дети, злые, легкомысленные, жадные и себялюбивые дети. Им наплевать на спектакль, лишь бы несколько лишних минут прокрутиться на сцене. Их извиняет только детскость, они не ведают, что творят. Но ты должен стать императором.

— Что-о?..

— Им-пе-ра-то-ром! Чтобы они ползали перед тобой на коленях!

— Этого никогда не будет,— со вздохом сказал Кальман.

— Будет. Ты сам себя не знаешь. Еще один такой успех, как у «Осенних маневров», и в Вене станет два императора: престарелый Франц-Иосиф и молодой, полный сил Имре I-й.

Кальман не поддержал ее шутивого тона. — Несуеверно грезить о величии накануне премьеры. Все шансы, что я окажусь не на троне, а в помойной яме.

— Перестань, Имре! Это становится невыносимым. Все страхи уже позади. Жирарди, сам говоришь, бесподобен, актеры обожрались своими ролями, оркестр сыгран, постановка— по первому классу. Любопытство публики раскалено...

— Тем хуже, тем хуже!— перебил Кальман.— Не всем по вкусу венгерская кухня.

— Что ты имеешь в виду?

— Это самая венгерская из моих оперетт. Я сделал ее на радость отцу. И еще у меня была мысль. Я даже тебе боялся признаться. Как бы ни сыграли «Цыгана» в Австрии, в Будапеште должны сыграть лучше. Я думал вытащить наш театр в Вену. Будапештская оперетта не высовывала носа из своего закутка. С этим нельзя мириться. И я дал увлечь себя беспочвенному патриотизму.

— Но это же прекрасно, Имре!— вскричала Паула.— Ты благородный человек!

— Самонадеянный дурак!.. Какой успех, какие гастрели?.. Кого интересует старый цыган-неудачник?.. Им подавай принцесс и баронов.

— Музыка превосходна, и сюжет трогателен...

— Этого мало для успеха. Ах, Паула, ты же работала в театре и сама все знаешь. Жирарди выпил холодного пива на ветру и охрип, в примадонну стрелял любовник, дирижер подавился куриной костью, в середине действия погас свет на сцене, субретка забыла роль, умер двоюродный брат эрцгерцога, и объявлен малый траур, Турция напала на Бразилию, и Австрия не может остаться в стороне. Герой-любовник шагнул к рампе, и рамолизированный сановник громко икнул со страха. Я уж не говорю о том, что сгорели декорации и умерла любимая кошечка директора. Все погибло, Паула, бедное дитя мое, зачем ты связала жизнь с таким несчастным человеком?!

— Успокойся, Имре. Жирарди бережет свое здоровье, как восьмидесятилетняя старуха-миллионерша, у примадонны нет любовника, она любит женщин, советник-рамоли умеет себя держать и ни при каких обстоятельствах не издаст лишнего звука, театр не сгорел. Все будет прекрасно, и твои родители будут гордиться великим сыном.

— Родители?.. Ты вызвала родителей? Этого еще не хватало. Бедный папа, он и так ослаблен диабетом, ему не выдержать провала.

На глаза Кальмана навернулись слезы.

— Горе ты мое!.. Твой отец— веселый и мужественный человек. В кого ты такой нудный?

— В мамочку,— ответил сквозь слезы Кальман.

— Твоя мать— спокойная, выдержанная женщина.

— Была когда-то. А сейчас все ее спокойствие на слезе.

— А ты чего так развалился?

— Брата вспомнил... Бедный Бела!.. Такой преданный и самоотверженный... Отец постоянно ставит его мне в пример. Совсем больной, а работает не покладая рук... р-ради семьи...

— Он, видать, прекрасный парень, а не размазня.

Рыдания душили Кальмана.

— Успокойся, милый, хватит!.. По-моему, ты расслезился на какой-нибудь хорошенький каскад или бравурный марш. Скорей за инструмент, не теряй времени даром.

— Вечно ты смеешься надо мной,— укорил Паулу Кальман,— а мне так тяжело здесь,— указал он на кармашек куртки, подразумевая сердце, и, шаркая ногами, поплелся к инструменту.

Паула налила в блюдце молока и отнесла слепой талке. Когда она вернулась, ее встретила бравурная мелодия, которой еще мгновения назад не существовало. Через годы и годы мелодия всплывает в сознании Кальмана и станет всемирно знаменитым дуэтом «Поедем в Бараздин!..».

...Паула и Кальман спали на широкой, стоящей бюргерской кровати, способной вместить человек шесть. Тонкая рука Паулы невесомо покоилась на груди Кальмана, словно защищала его сердце.

Кальман спал тихо и печально, как и бодрствовал. Но вот дрогнули намеком на улыбку уголки губ: ему снился одинокий цыган, милый призрак детских лет, предвестник удач. Цыган играл, забирая все выше и выше, вознося душу к бездонному небу, и вдруг с обратительным звуком лопнула струна.

Кальман закричал, проснулся и сел на кровати.

— Что с тобой, милый?

— Это ужасно— лопнула струна!

— Какая струна?

— Я говорил тебе о своем детском видеении... Одинокий цыган... Я увидел его, и мне стало хорошо. И вдруг у него лопнула струна. Это страшное предзнаменование— провал премьеры.

— Но ведь и у Жирарди должна лопнуть струна в конце: ты что— забыл?.. Вот если она не лопнет, будет фиаско. А так это примета успеха...

И— лопнула струна у Жирарди в финале оперетты, старый цыган признал, что его время прошло, и уступил сыну-победителю и юную, прелестную Юлиану и своего бесценного Страдивари, а зрители плакали, бешено аплодировали и вопили от восторга.

Забившийся в артистическую уборную Имре Кальман слышал приглушенный, но грозный рев. Он устало закрыл глаза и всей душой впитывал божественный грохот освобождающегося от льда Балатона. Свершилось!.. Свершилось!.. Он медленно разомкнул веки, вытер лицо носовым платком, привычно засучил рукав и принялся писать на манжете, только не нотные знаки, а колонки цифр.

За этим занятием его застал ворвавшийся в артистическую папа Кальман.

— Ты с ума сошел?.. Почему не выходишь?.. Зрители разнесут театр...— И тут он заметил письма на манжете сына, когда тот опустил рукав.— Ты подсчитывал выручку, солнышко?.. Дай я тебя поцелую. Вот настоящий финал «Цыгана-примаса»...

...Старики Кальманы засиделись допоздна.

— Стоит ли вам идти в отель?— уговаривала их Паула.— Наша спальня к вашим услугам.

— Что ты, девочка, мы уже давно не спим вместе,— со скорбным видом отозвался папа Кальман.— Моя жена ко мне охладела.

— Охладеешь, когда ты раз двадцать за ночь бегаешь в туалет,— не очень-то любезно отозвалась его супруга.

— Зачем такие подробности?.. Из-за диабета я много пью...

— Пива,— подсказала жена.

— Даже сумасшедший успех сына тебя не смягчил...

— Я не могу равнодушно смотреть, как ты себя губишь...

— Но согласись, что это чрезвычайно тяжелой способ самоубийства. Я тебе крепко надоем, прежде чем отправлюсь на тот свет. Пойдем, Имре, в кабинет, здесь нам все равно не удастся поговорить.

Мужчины перешли в кабинет.

— Если б несчастный Бела видел твой сегоднешний триумф!— надрывно сказал старик Кальман.— Бедный мальчик, он даже на день не сумел вырваться.

— Теперь я могу увеличить вам содержание,— поспешно сказал Имре.

— Ты тоже неплохой сын,— сухо зато одобрил отец.

— У меня неважно шли дела... Но сейчас...

— Покажи-ка манжету. Ты подсчитал только венские доходы. Но «Цыган» уже ставится в Будапеште.

— Да, я очень рассчитываю на эту постановку. Моя мечта— привезти нашу оперетту в Вену.

— Вот за это хвалю. Родину нельзя забывать. И родных... Полагаю, что спектакль пойдет и в Германии, и в России, и в Париже...

— Не будем так далеко заглядывать.

— Надо смотреть вперед. Не забывай, как дорого стоит мое лечение.

— Вот на этом нельзя экономить. Я хочу показать тебя лучшим профессорам.

— Ты и без того заморочен, Имрушка. Дай мне деньги, я схожу сам.

— Твое здоровье для меня важнее всех дел,— твердо сказал сын.

— У тебя есть характер!— восхитился старый Кальман.— На сцене ты был похож на пингвина.

— А я думал, на императора!

Старик Кальман не понял.

— Оценил ты отцовские советы?.. Держись за чардаш, как утопающий за соломинку. Я не специалист, Имрушка, но это прекрасная работа. Она пахнет нашей землей. Я проплакал весь спектакль и осушил слезы, лишь увидев, как ты подсчитываешь выручку на манжете. В ожидании будущих благ ссуди мне

тысячу двести монет, чтобы долг мой округлился до...

— Трех тысяч ста семидесяти восьми шиллингов,—быстро сказал Имре.

— Какая голова! Если б ты не был композитором, то стал бы министром финансов. Впрочем, тебе и без того недурно, плутишка! Кто мог подумать, когда ты прыгал под окном у Лидля, что ты так далеко пойдешь! Теперь он должен прыгать под твоим окном,— чтобы научиться делать деньги. Кстати, нигде так не воруют, как в музыке, разве что в благотворительных комитетах. Лучше сочинять с помощью немой клавиатуры... Мы все-таки пойдем, мой мальчик. Только не надо нас провозжать. Мы пойдем не спеша и нежно, как ходили молодоженами. Мать на людях ворчит, но любит меня, как в первый день. Ее понять можно. Дай я тебя поцелую. Если б не надорванное здоровье нашего дорогого Белы, я был бы вполне счастливым...

...И вот они опять встретились в Будапеште. В том же кафе, что и много лет назад, когда Кальман принял свое героическое решение, и даже за тем же столиком. Чуть запоздавший Кальман поспешил сделать заказ:

— Порцию сосисок с томатным соусом. Чашечку кофе.

— Что я слышал—ты уже покидаешь нас?—как всегда громко, чтобы всем было слышно, накинулся на него Мольнар. Он по-прежнему царил в артистическом кружке.

— Увы, да. И очень скоро.—Кальман глянул на часы.—Обниму друзей и на вокзал. Сакваж со мной.

— Нехорошо, Имре. Ты помнишь, что случилось с Антеем?

— Разумеется. Его задушили в воздухе.

— Потому что он дал оторвать себя от матери-земли. Нельзя отрываться от родины.

Официант принес сосиски, кофе и поставил перед Кальманом.

— А я не отрываюсь,—сказал Кальман, принимаясь за сосиски.—Кроме того, у меня толстая шея, меня мудрено задушить.

— Да, после «Цыгана» это впрямь нелегкая задача,—усмехнулся Мольнар,—хотя и соблазнительная.

— Что вам сделал мой бедный «Цыган»? Вы все на него кидаетесь!

— Я—нет. Я кинулся тебе на грудь после премьеры... Но знаешь, тут все бедные, а от «Цыгана» несет деньгами.

— Боже мой, как все любят считать в чужом кармане!—вздыхнул Кальман.—Денег у меня никогда не будет...

— Ты слишком расточителен... Эй, приятель, что вы делаете?—закричал Мольнар на официанта, хотевшего унести тарелку Кальмана.—Господин едет в Вену. Слейте соус в стеклянную банку и вручите ему.

— Слушаюсь,—бесстрастно сказал официант.

— Ты недобро шутишь, Ференц.—Кальман дрожащими пальцами достал сигару и чиркнул спичкой.

— Безумец!—закричал Мольнар.—Мог бы прикурить от моей сигары.

Странно, но после второй выходки Мольнара Кальман не дрогнул.

— Мне понравилось твоё сравнение с Антеем,—сказал он благодушно.—Но ведь родина—не только земля или трава. Для меня наш старый Королевский театр тоже родина. И эта родина явится ко мне в Вену. Не Магомет к горе, а гора к Магомету.

— Что это значит—Магомет?

— А то, любезный Мольнар, что я добился приглашения нашей труппы в Вену с «Цыганом-премьером».

— Ну, знаешь!—И впервые острый, находчивый Мольнар растерялся: приглашение в Вену было заветной и, как все считали, несбыточной мечтой будапештской оперетты.

— Вот ваш соус,—сказал официант.

— Благодарю вас.—Кальман хладнокровно опустил банку в карман плаща.—До встречи на новой премьере, друзья мои!..

И когда он отошел от столика, Мольнар сказал грустно:

— Похоже, этот парень становится мне не по зубам...

И все же Кальман еще не был императором. Не так-то легко вытравить из человека страх перед жизнью. Понадобится немало лет,

взлетов и падений, горестей, тревог, труда и упорства, чтобы сбылось предсказание Паулы.

Но зато вся Вена повторяла шутку Легара, что после «Цыгана-примаса» старый «Иоганн Штраус-театр» надо переименовать в «Имре Кальман-театр». Прозвище держалось недолго—до оглушительного провала «Маленького короля» в исходе того же года...

БУНТ ПАУЛЫ

Даже самый умный и осмотрительный человек не застрахован от повторения своих ошибок. Легче извлечь уроки из чужих промахов и заблуждений, нежели из собственных. Известно, что наши недостатки—оборотная сторона наших достоинств и расцепить это единство неимоверно трудно. Во всяком случае, Кальман в точности—лишь с большей поспешностью—повторил промах своего театрального начала: еще не истек год великого триумфа «Цыгана-преьера», как на сцене «Театра ан дер Вин» появился скороспелый «Маленький король» и бесславно пал. По обыкновению тяжело пережив неудачу, Кальман засел за «Барышню Суси» и, хотя порой испытывал ту подъемную, крылатую легкость, которую называют «вдохновением», сам чувствовал, что, подобно поезду, сошедшему с рельсов, валится под откос. Тема оставляла его равнодушным, и он переложил все заботы о либретто на ненадежные плечи Ференца Мартоша, так плохо распорядившегося сюжетом «Маленького короля», и помогавшего Ференцу Броди.

Меж тем наступило лето 1914 года, воздух был наэлектризован предвестием грядущих потрясений, и мрачному, раздраженному Кальману казалось, что земля уходит из-под ног.

Все началось с того, что, уже одетый на выход, но в пижамных штанах, Кальман нетерпеливо и настырно рылся в платяном шкафу.

— Милый, что ты ищешь?—послышался голос Паулы из ванной комнаты.—Я тебе подам.

— Я ищу свои старые брюки-дипломат.

— Зачем они тебе понадобились? Что, у тебя мало новых брюк?

— Новых!—с великим сарказмом повторил Кальман.—Весь мир—пороховая бочка. Вот-вот вспыхнет война, самое время занавешивать новые штаны!

— Прости, но какая связь между надвигающейся войной и твоими брюками?—Паула вошла в комнату в капоте, расчесывая черпаховым гребнем густые каштановые волосы.

— Прямая связь. Во время войны обесцениваются деньги. Банки прекращают платежи. Мои ничтожные накопления будут заморожены. Я ничего не зарабатываю. Что остается?..

— Жить на продажу штанов.

— Не пытайся остричь!

— Хорошо, я буду серьезной. Как с процентными отчислениями?

— «Цыган-премьер» выдыхается. Паршивый «Маленький король» не дал ни гроша. На «Барышню Суси», чует сердце, не прокормишь и собачьих блох. Почему мне так не везет, Паула?

— «Маленький король» был просто халтурой, ты писал его между делом. В «Барышне Суси» есть хорошие музыкальные куски, их надо будет когда-нибудь использовать, но либретто ниже всякой критики. Сколько раз я тебе говорила: нельзя либреттистов оставлять одних. У них на уме только кофе, карты и девочки...—Паула вдруг заметила, как побледнел Кальман.—Что с тобой?

Он держал в руках брюки-дипломат.

— Чернильное пятно. На самой ширинке.

— Подумаешь! Отдам в чистку...

— Что-о?..—Впервые голос Кальмана зазвонел яростью.—Мы не Ротшильды, чтобы отдавать вещи в чистку. Неужели ты сама настолько разленилась, что не можешь свести пятно?

— Я только этим и занимаюсь. Ты неопрятно ешь. Но я не умею сводить чернила. Сколько шума из-за каких-то грошей!

— Грошей?.. Хорошо тебе говорить. Болезнь отца съедает весь мой доход. На этом нельзя экономить. Но транжирить деньги на чистку, сахарные кости для собаки...

— Остановись, Имре,—тихо, но впечатляюще сказала Паула.—Иначе крепко пожалеешь. Я покупаю сахарные косточки Джильде на свои собственные деньги. И продукты для твоих любимых блюд тоже. Живя с тобой, я превратилась в прислугу: стираю, глажу, штопаю, чищу обувь, своєю пятна, готовлю твой любимый гуляш, уху и ветчину с горошком, кухарка умеет варить яйца, кое-как мыть посуду и открывать дверь. У меня было маленькое состояние—где оно?

— Я... я не знал...

— Так знай!.. Я не сшила себе ни одного нового платья, только переделывала старые. Ты большой гурман, а денег, которые ты даешь мне на хозяйство, хватало бы, дай бог, на луковую похлебку. Ты, такой практичный и так быстро считающий, задумался хотя бы раз, на что мы живем?

— Нет, Паула,—растерянно проговорил Кальман.—Трудно поверить, но я правда никогда об этом не думал. Я считал, что моих денег вполне хватает. Ты всегда такая элегантная, стол обильный и вкусный... и я думал, то есть никогда не думал, не давал себе труда думать, как ты справляешься... Тяжелое детство...

— Замолчи, Имре! Я больше слышать не могу о тяжелом детстве.

— Но, Паула, милая, ведь человек формируется в детские годы...

— А потом жизнь обрабатывает его на свой лад. Я распустила тебя. Так всегда бывает при неравенстве отношений. Кто я тебе? Прислуга, которую барин навещает ночью.

— Это неправда! Я всегда считал тебя своей женой. И все окружающие считали. Давай оформим наши отношения.

— Вот истинная речь влюбленного! Я не хочу ничего «оформлять», и ты знаешь почему. Я не могу дать тебе детей, а без этого брак бессмыслица. Ты должен оставаться свободным. Но пока мы вместе, надо жить общей жизнью. Нельзя стягивать на себя все одеяло.

— Я согласен с тобой, Паула. Ты говоришь редко, но до конца. Я, конечно, скуповат, таким меня воспитали. Отец давал мне два гроша... молчу, молчу, я уже сто раз рассказывал об этом... Вечный страх перед... и это уже было... Понимаешь, я растерян. После «Цыгана» сплошные неудачи... Но об этом тоже говорено-переговорено...

— Барина спрашивают!—сообщила кухарка.

— Судебные исполнители!—охнул Кальман. Паула посмотрела на него с материнской жалостью и вышла из комнаты. И почти сразу раздался ее голос:

— Имре, тебе принесли деньги! Надо расплатиться!

Кальман боязливо выскользнул в переднюю, а Паула прошла в спальню, чтобы закончить свой туалет. В гостиной они сошлись одновременно, Кальман похрустывал пачкой новеньких бумажек. Видно, что ему доставляло удовольствие само прикосновение к деньгам.

— Бедный цыган еще подкармливает ничего композитора!—воскликнул он.—Паула, мы начинаем новую жизнь. Теперь ты будешь покупать Джильде сахарную косточку из хозяйских денег... Паула, ты сошьешь себе новое платье, в котором элегантность будет органично сочетаться со скромностью. Отныне домашний бюджет—твоя забота. Я оставляю за собой лишь покупку ветчины.

— Ты великолепен, Имре,—улыбнулась Паула.—Но смотри, чтобы щедрость не перешла в мотовство.

Он не заметил иронии.

— Какая ты красивая, Паула!—продолжал прозреть Кальман.—А я порядочная свинья. Но повинную голову меч не сечет. Давай в знак того, что ты меня прощаешь, выпьем вина. Пошли Анхен в лавку.

— Представляю, какое вино купит Анхен! Которым подкрепляется ее кузен из пожарной части. Я лучше сама схожу. «Либффрау-мильх» годится?

— Отличное вино!—в упоении вскричал Кальман.—Кутить так кутить! Но знай, девочка моя, недорогие вина куда забористее!..

Супруги дружно отобедали и осушили бутылочку забористого вина. Джильда доглядыва-

ла сахарную косточку, а Кальман, вновь охваченный беспокойством, жаловался Пауле:

— Йенбах и Лео Штейн навязывают мне либретто. Но само название отпугивает: «Да здравствует любовь». Ты веришь, что оперетта с таким названием выдержит хотя бы десять представлений?

— Ты зря беспокоишься. Все равно она будет называться королева или принцесса любви, долларов, вальса...

— Едва ли, ведь действие происходит в кабаре.

— А кто героиня?

— Простая венгерская девушка, ставшая звездой варьете.

— Венгерская?.. Значит, она танцует чардаш?

— Это ее коронный номер.

— Все ясно. Ваша оперетта будет называться «Княгиня чардаш».

— Изумительно!—Кальман был потрясен.

— А главное — оригинально,— рассмеялась Паула.— Но шутки в сторону. Ты созрел для чего-то большого. В бедняжке «Суси» есть дивные куски, в последнее время ты играл много красивой и веселой музыки. Ты должен создать свою лучшую вещь. Но не спускай глаз с халтурщиков-либреттистов. Они могут все изгадить.

— Я вцеплюсь в них, как бульдог,— заверил Кальман.— На этот раз содержание особенно важно. Я хочу, чтобы там был дух Венгрии — в героине, девушке из народа,— и сладко-гнилостный дух разлагающейся монархии. Я выведу целую галерею титулованных уродцев...

— Имре, ты революционер! — рассмеялась Паула.

— Ничуть! — Он тоже засмеялся.— Просто я разночинец, презирающий знать.

— Но если твоя оперетта станет откровен-

ной сатирой, ты прогоришь. Успех создает не галерка, а высший свет.

— Не бойся. Они не посмеют узнать себя. Будут считать, что высмеяны нувориши, а не урожденные Гогенлоу, Лобковицы, Эстергази.

— Чего ты так расхрабрился?

— Я и сам не знаю,— развел руками Кальман.— Я очень люблю мою героиню Сильву Вареску, а ее там все обижают...

— Сильва...— повторила Паула, словно пробуя имя на вкус.

— Как странно!.. Вот прозвучало имя, а что будет с ним дальше? Умрет ли, едва родившись, или разнесется, как эхо в горах? До чего же все непредсказуемо в искусстве, если только оперетту можно считать искусством.

— Жалко, что не осталось вина. Мы бы выпили за успех.

— Упаси боже! — в неподдельном испуге вскричал Кальман.— Нельзя пить за дела! — И он постучал по деревянной столешнице.— Я же говорил тебе, что успех зависит от бесчисленных случайностей. И никогда не знаешь, где тебе подставят ножку. После пяти-шестого спектакля я осмелюсь сказать: видимо, моя оперетта увидит свет.

— И все-таки успех зависит от другого,— не приняла шутки Паула.— Дать тебе добрый совет?

— Ты сегодня на редкость щедр. Сперва бунт, суровая отповедь, куча наставлений, теперь добрый совет.

— Ты забыл, а название оперетты?..

— Действительно! Название — половина дела. Так что же ты мне посоветуешь?

— Не тебе, а в ам: господам Йенбаху, Штейну и Кальману. Я знаю, что такое работать в Вене. Вы накачиваетесь крепчайшим кофе, от возбуждения ругаетесь, как извозчики, нещадно дымите и временно примиряетесь на свежих неприличных анекдотах.

— Утешительная картина вдохновенного творчества!

— Во всяком случае, правдивая. Я пропустила слетни. По этой части венские либреттисты могут дать сто очков вперед любой демимонденке.

— Хватит унижать моих сотрудников. Давай по существу.

— Выбирайте какое-нибудь тихое место...

— Святая наивность! Йенбах и Лео Штейн дня не проживут без свежих газет, без черного...

— Дай договорить, Имре! — стукнула кулачком Паула.— Я вовсе не надеюсь загнать этих бульвардье в медвежий угол. Но найдите более спокойное место для работы, чем Вена. Твоим приятелям надо немного остыть и сосредоточиться. Нельзя кропать либретто между двумя партиями в покер. И ты будь неотлучно при них. Как гувернантка, как педель... Пойми, Имре, твой час пришел, сегодня или никогда.

— Ей богу, даже страшно! И куда ты нас отсылаешь?

— Хотя бы в Мариенбад...

— Франценсбад тише.

— Там слишком много гинекологических дам. Мариенбад тоже не заброшенная в горах деревушка, но после взбудораженной столицы курортный шорох покажется вечным покоем. И ты выиграешь свою большую ставку.

— Да, Мариенбад — то, что нужно для Йенбаха и Штейна. Тихий рай сердечников, почечников и толстяков с нарушением пищеварения.— Кальман улыбнулся.— Решено, Паула, маршрут в бессмертие ведет через Мариенбад...

Окончание следует.

Алексей ПАНЧЕНКО,
специальный корреспондент
«Огонька»

Дорога наша лежит из Белграда на Нови-Сад — селекционную столицу Югославии, к известным во всем мире творцам новых сортов пшеницы. Середина зимы, а в приусадебных садах не свезенные в омшаники ульи. По сторонам шоссе тянутся неукрытые виноградники, зеленая, без снежной шубы озимь! (Снега вот уже два года кряду в феврале устойчиво лежат только в горах близ олимпийского Сараево — чему здесь все очень рады.) Всюду видишь поля крестьян-частников. Поля небольшие, но под ними в стране почти каждые пять гектаров из шести. Лишь кое-где наступают на них огромные массивы агропромышленных комбинатов. Но тут же отмечаешь, как трудно идет это наступление: к просторным общественным полям то

турой у нас и пользуются популярностью во многих странах. Творение Лукьяненко — это наш пшеничный космодром. Советский академик показал, что один и тот же сорт может объединять такие, казалось бы, взаимоисключающие друг друга признаки, как высокая урожайность и отличное качество зерна. Мы следуем этому курсу.

Неподалеку катит свои могучие воды Дунай через воеводинские, под стать нашим кубанским, черноземы. За окном — уютная улица Максима Горького, на которой расположено старинное здание Института растениеводства и овощеводства города Нови-Сад.

— Впрочем, — возвращается профессор к теме разговора, — теперь у нас есть свой, югославский пшеничный космодром. Еще два десятка лет назад поля наши занимали главным образом сорта итальянской селекции. Первым посягнул их отодвинуть академик Славко Бороевич. И не без успеха. Мы с ним соавторы нескольких сортов, превосшедших по целому ряду комплексных качеств пришедшие сорта. Уж если я применил космическую терминологию, — улыбнулся Мишич, — то

себе, быть может, и красивые, но понятные своей мудреной символикой лишь узкому кругу ученых и агрономов, они не трогали сердец хлеборобов. Вот и рождались у народа милые крестьянской душе, простые, полные поэзии названия. Помнится, в России были когда-то сорта с прекрасными народными названиями — «степнячка», «кубанка», «черноколоска», «крымка» и удивительно точное и красивое — «гарновка». Выразительность этого имени мы, славяне, чувствуем даже без перевода.

— Ну, а ваша «партизанка»?

Мишич прижимает руку к сердцу.

— Это любовь моя и боль моя. Кстати, она — сестра вашей «безостой»: в ней половина «крови» кубанского шедевра. Выведенная в соавторстве с коллегами Микичем и Момчиловичем, она вот уже в течение восьми лет считается у нас стандартом для сортов с высокой урожайностью и отличными технологическими достоинствами. Этот могучий полукарлик во многих хозяйствах Воеводины и других районов страны радует урожаями в 70—80 и более центнеров с гектара. Да и хлеб из нее отменно вкусен. Она в свое время победила на конкурсе соперниц из сорока стран — по урожайности, по тяжести (как говорят селекционеры, по натуре зерна — весу тысячи зерен, весу литра зерна). Вот почему на нее такой спрос у хлеборобов Венгрии, Румынии, Испании, ряда других стран, а в последнее время и в Советском Союзе, в его южных районах.

Я рад, что дал ей имя. У меня были сотни вариантов названий нового сорта, но все не то. И наконец осенило — «партизанка!» — назову ее в память о наших славных партизанах. Один мой знакомый агроном, убедившись в высоких достоинствах сорта, предложил: «Тодор, назови его «югославия». «Не могу, друг». Агроном удивился: «Почему? Жизнь может не хватить, чтобы создать лучший. Ты ведь уже треть века колдуешь на своих делянках. Мне кажется, ты поймал свою синюю птицу. А лучший сорт — это в некотором роде призрак...»

Он не знал, что со своими коллегами (в нашу группу теперь вошел и четвертый селекционер — Вулич) я в это время работал над сортом, достойным такой высокой символики. Сообща наметили, что его генетический потенциал урожайности должен превышать 100 центнеров зерна с гектара. Через семь лет такой сорт вышел на поля!

Давайте пройдем к этому красавцу, — широким жестом приглашает Мишич.

Профессор подводит меня к пышному снопу, опоясанному лентой. На бирке надпись: «Югославия». Стебли снопа невысокие, с прочной соломиной, литой, тугой колос набит ядреными колосками. В таком колосе-богатыре до ста зерен, вдвое и даже втрое больше обычного.

— Оценили? — смеется довольный Мишич. — По секрету скажу, что в сорте «югославия» тоже бродит сильная «кровь» «безостой-1» и «лаврынь», созданных незабвенным Павлом Лукьяненко. Впрочем, какой уж тут секрет: в каталоге о родословной нашего сорта сказано. Происхождение, что и говорить, знатное. Впрочем, в целом ряде наших югославских пшениц последних десяти лет немалая доля родства с творениями и другого нашего пшеничного батьки — академика Ремесло. Мы с ним много лет переписывались. Трижды он приезжал к нам — не парадно, по рабочему. Обещал, что побывает еще, да, жаль, не успел... Мне все в нем нравилось: и фундаментальность взглядов, и манера говорить, и простота. И даже фамилия — Ремесло. Свое ремесло он довел до совершенства.

Тодор Мишич достает из ящика стола снимки.

— Вот память о приездах к нам Василия Николаевича. Некоторые наши сорта — тоже в его память. «Югославия», к примеру. Если бы видели, как красивы летом массивы этой пшеницы!

— Нетрудно представить!

На прощание доктор Мишич просил передать самые теплые приветия от югославских «пшеничников» советским коллегам. Они работают в институтах, на опытных станциях многих республик нашей страны.

Нови-Сад — Белград — Москва.

ПШЕНИЧНЫЙ КОСМОДРОМ ДОКТОРА МИШИЧА

там, то тут примыкают или вонзаются в них, словно зубья гребенки, полосы крестьянских земель. Они — верная примета, что несговорчивый владелец не захотел продать свой участок комбинату или сдать ему же в аренду.

...Рабочий кабинет профессора Тодора Мишича, «пшеничного кудесника» Югославии, лишь немногим отличается от кабинетов наших прославленных селекционеров, у которых мне довелось прежде бывать. Простая мебель, мудреные схемы и таблицы, банки с образцами пшениц со всех континентов, несколько снопов. И длинный деревянный крашеный стол. Все приспособлено для работы — неторопливой и кропотливой. Путь к фитотрону, сотням опытных делянок в поле, к поискам, успехам и неудачам начинается из таких вот кабинетов.

— Ничего лишнего? — улыбается профессор. Замечаю под одним из шкафиков довольно увесистые гантели. Нет, и они не кажутся здесь лишними — могучая фигура круглолицего здоровяка доктора Мишича возвышается над столом — видно, что хозяин до сих пор дружит со спортом.

В шеренге снопов с остистыми и без остей колосьями, поражающими богатством оттенков — от чистого золота до розовых, почти белых и черно-сизых, — на почетном месте, своеобразном пьедестале, два снопа — нашей знаменитой «безостой-1» и «партизанки» селекции доктора Мишича и двух его коллег.

Профессор перехватывает мой взгляд.

— Красавцы! — Он встает, подходит к «пьедесталу почета» и произносит горячо и увлеченно: — Если бы решили поставить памятник пшенице, то я бы голосовал, а со мной, уверен, и все известные селекционеры-пшеничники в мире за «безостую» академика Лукьяненко! Хотя сейчас некоторые сорта и превзошли ее, но она дала новый импульс дерзаниям селекционеров во всей Европе, в том числе и в нашем институте, а мы создали свыше пятидесяти сортов пшеницы. Они занимают четыре пятых площадей под этой куль-

приведется продолжить в том же ключе. Обратно говоря, это была первая «космическая» скорость нашего пшеничного корабля. За ней, конечно, должны были последовать и вторая и третья. И тут нам на помощь пришли советские сорта, истоки их — во многих наших лучших пшеницах. Но, несмотря на известные успехи, мы, югославские селекционеры, еще в долгу перед страной.

— Какой долг, профессор?

— Долг весьма ощутим, он весит около ста тысяч тонн — столько пшеничного зерна страна пока покупает за рубежом. И хотя продукция наших кукурузоводов продается за рубеж — более миллиона тонн отборного семенного зерна покупают у нас десятки стран, — все-таки эти сто тысяч импортных тонн пшеницы лично для меня как заноза в сердце.

Мишич так искренне, огорченно говорит об этом, что я предпринимаю попытку утешить его:

— Стоит ли относить эти сто тысяч тонн только на счет селекции? Ведь они, если можно выразиться так, общий долг земледелов, химиков, механизаторов.

— Да, конечно, — соглашается селекционер. — В первую очередь, я полагаю, химиков: мы пока даем на гектар посевов вдвое меньше минеральных удобрений, чем в развитых странах Западной Европы.

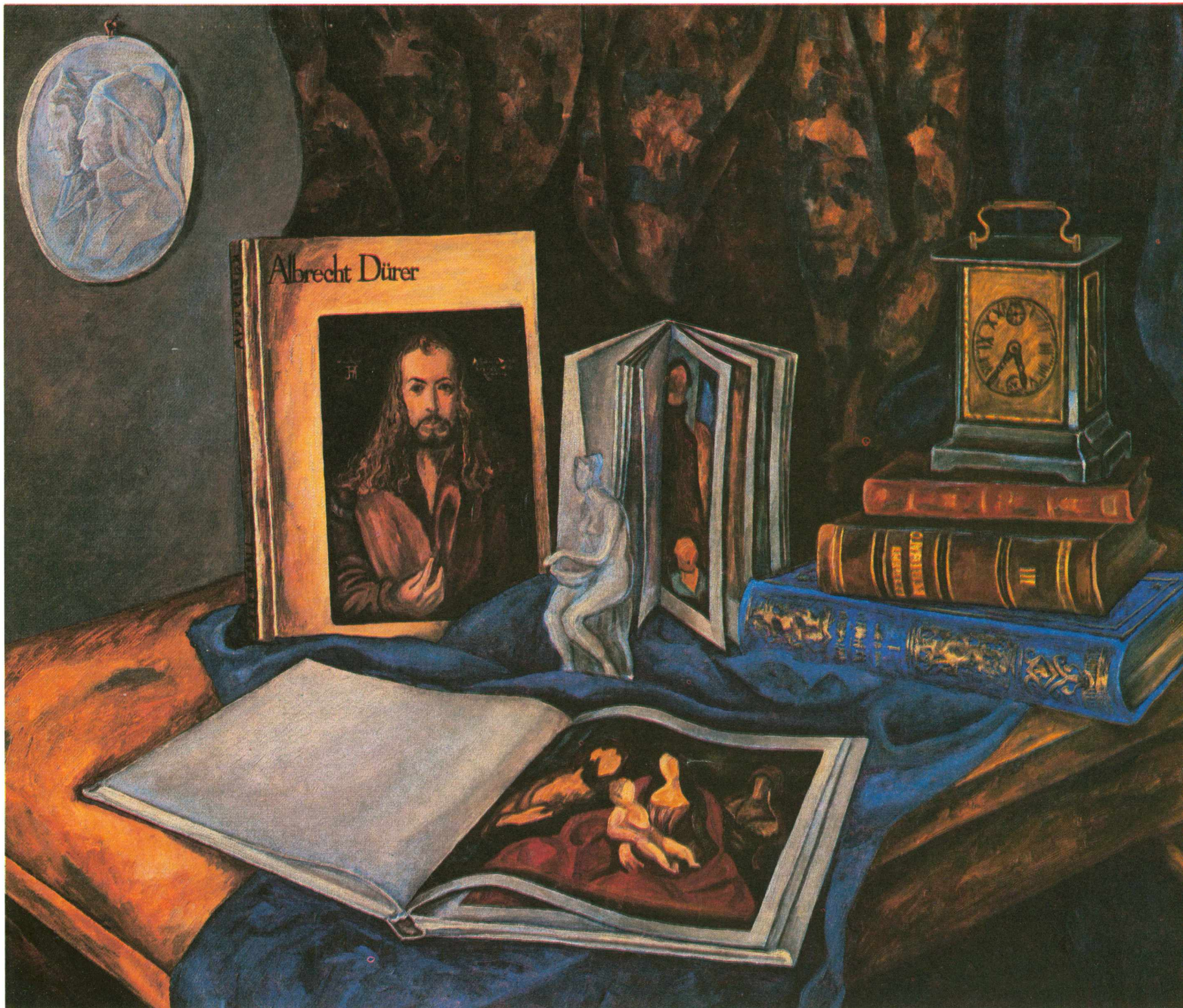
Профессор знакомит меня с каталогом сортов зерновых, выведенных в институте.

Обращаю внимание на поэтические названия многих сортов: «златна долина», «равница», «бисерка», «добро поле», «партизанка»...

— Я вижу, что теперь селекционеры стали поэтами!

Мишич улыбается:

— В определенной степени да. Народ научил нас быть поэтами. Совсем еще недавно ученые-селекционеры, выводя сорта, давали им замысловатые латинские имена, непривычные крестьянскому уху и языку, — «лютеценс», «мелянопус», «мильтурум»... Сами по

М. Тутунов. НАТЮРМОРТ С КНИГОЙ.

В. Шиганов. ВЕСЕННИЙ ЭТЮД.

О. Соловьева. ХОЧУ ЯСНОГО НЕБА И РАЗНОЦВЕТНЫХ ЗОНТИКОВ.

Пожелание счастья

ПОЭМА

1

Молодо взглядом сверкая
Из-под морщинистых век,
Курит задумчиво трубку старый Дэлэк.
Сидит он в кругу молодежи,
Словно седой орел.
Счастья желая юным,
Он говорит юроол.
— В давнее, старое время
Я появился на свет,
Теперь, как в тумане мгlistом,
Жизни моей рассвет.
Сменялись на долгом пути высоты
и низины,
Осени, весны сменялись, лета и зимы.
Можно взойти на горы, их покоряя
властно,—

Только одна лишь вечность
Нам неподвластна.
Морщинами мое изборождено чело —
Это неизгладимо
Время свой след провело.
Жизнь моя начиналась, когда нойоны¹, баи
Разбойничали вокруг,
Подобно волчьей стае.
Урвав пожирней кусок, каждый себе тащил.
Народ, хотя и темный, не зря говорил:
«Жадность сундук наполнит,
Душу опустошит,
Нестойкого заставит стать вором, ума
лишит».

И еще изречение
Имелось — о пользе ученья:
«Большое это богатство — лошади, скот,
Но тот, кто владеет знаньем,
Богаче всех господ».
Глупым юнцом, влюбленным
В радужные мечты,
Вырваться я замыслил из лап нужды.
И вот попытался я скот завести,
Чтобы своих коров теперь на лугу пасти.
Голодный, босой поденщик,
Отдыха я не знал,
Аарсой² питался кислой, кожу сырую мял,
Косил и ставил стога.
Но год подходил к концу —
И, получалось, я должен
Кому-то опять овцу.
Стал понимать я вскоре многие вещи:
Сытому кажется горьким
Даже курдюк овечий,
Сытый лежит, отдыхает,
На собственный пуп плюя.
И мироедов-жадюг возненавидел я.
Сердцем мечтая гневным о мести суровой,
В драки вступал я,
К закону взывал цареву.
Но с богачами тягаться — ясен исход
заранее,
Выиграв дело, с песней скачут они домой.
Со стороны истца напрасны все старания:
Камень насквозь протыкает
Богач золотой иглой!

2

Свободу принесшему дню хвалу
Мы возглашаем с вами:
Октябрьские молнии сверкнули над
головами,
Рабочий с винтовкой, рядом — мужик
с топором...
В положенный срок, как говорится,
Ударил гром.
Можно преграды поставить течениям рек,

Стремленья людские
Не удержать преградой.
Извечно о радостной доле мечтал человек,
И вот оно, солнце Свободы,
Ему наградой.
Распались со звоном гнетущие тяжкие цепи,
И люд осознал обездоленный:
Мы — не рабы.
И многоголосо, согласно запели степи
«Интернационал» — могучую песню борьбы.
Родной наш Учитель,
Умом золотым наделенный,
Повел нас дорогой, донныне
не проторенной,
И, капитан — в океане, вожатый — на суше,
Счастьем свободы, словно грозой,
Омыл нам души.
Шагают народы-братья, в руке рука,
И в злобе безумной мечется стан врага.
И ширится круг друзей по всей земле.
И мрак отступает.
И солнце восходит во мгле.

3

Юность красна не одеждой, а статью,—
Вот и пословица мудрая вспомнилась
кстати.
Был я в ту пору молод, но бедно одет,
Поношен тэрлик¹ изрядно,
А мне и горя нет.
Смело я в круг девичий
Во время танца входил,
К сердцу красотки дорогу верную находил.
Сказано:
Десять печалей у шутника-острозуба,
Сказано:
Двадцать печалей у шалуна-многолюба.
Песня в те годы в улусах звонкая пелась,
Сила в ней для меня особая имелась:
«Конь мой украшен, как в праздники,
Попоной на зависть людям.
Пусть в селах болтают разное,
Мы все же встречаться будем».
Бывали порой молодницы —
Как розы, прекраснотицы.
Чем с ними потом расставаться,
Уж лучше бы не встречаться:
Красотка с тобой расстанется —
Заноза в сердце останется!
А женщине быть случается
Обиженной, усталой,
И забывать об этом мужчинам не пристало.
В часы, когда пал духом
Ты — сильный, но ранимый,
Встает она рядом с тобой
Опорой незаменимой.
В жизни увидев всякое,
Я истину вывел простую,
Вам, молодым, пригодится,
Вот она, продиктую:
В дороге дальней у скакуна
Не ослабляй подпругу,
Куда б ни занесла судьба,
Не забывай подругу!

4

Полезны, коль их усвоить, жизни уроки.
Да не пристанут к вам, молодым,
Грязь и пороки.
Старательно юности дни в памяти вороша,
Смотришь я в ваши глаза — и рада душа.
Коня знатоки определяют в миг — по ушам,
А человека, каков он есть,
Видать по глазам.
Лошадь хорошая ровный имеет бег,
Твердый характер имеет хороший человек.

У правды бывает и каменистой дорога,
Случается, истина нам достается недешево:
Корявое ввек не признает прямого,
Плохой никогда не похвалит хорошего.
Есть люди —
Как много старанья и силы ушло
У них на коварство,
На хитросплетенья и зло!
Вот им бы увидеть глазами такую картину:
Бык землю роет — комья ему же на спину.
Секрет я открою —
В нем верных успехов основа:
Работать себя научи со смыслом, толково,
Иначе работа окажется вся излишней,
Сказано:
Шерсть не стриги со скорлупы яичной.
И промывать не старайся глину в воде,
Невод рыбацкий не вздумай
В лужице расставлять,
Также не вздумай — к непоправимой
беде —

Вора в овечьей отаре вечером оставляя.
Взбалмошных и суетливых не уважают
люди,
К месту здесь будет совет мой — он таков:
Не бойся кусливой собаки,
Сидя верхом на верблюде,
И, речки еще не видя, не скидывай унтов.
Пословицу помни:
«Лягушка о море мечтает».
Ведь сказано это когда-то не без причин.
Мечтал человек стать птицей —
И он летает,
Под толщею водной проносится,
как дельфин.

Есть много, я знаю,
Красивых земель на планете,
Там сладостно птички щебечут,
Будто в раю.
Пусть самое жаркое солнце в тех странах
Светит,
Но нет ничего теплее
Солнца в родном краю.

5

Молодо взглядом сверкая
Из-под морщинистых век,
Курит задумчиво трубку старый Дэлэк.
Сидит он в кругу молодежи,
Словно седой орел.
Так заключает старый слово свое — юроол:
— Пословицей речь, ребята,
Закончу-ка лучше я,
В долгой беседе она —
Как тлеющим углям порош.
Репейник — это из трав
Трава наихудшая,
Из разговоров же самый худой — это ссора.
У снега сроком лишь до весны белизна.
Из бедствий земных наихудшая —
Это война.
А музыкой самой лучшей для честных
людей

Были и будут всегда лепет и смех детей.
Но если тайком противник
Недоброе копит в груди,
Вкруг дома родного стены надежные
возводи.

Кто с дружбой —
Пройдет в ворота, приют найдет,
Напавший с мечом коварно
Пускай от меча падет.
Пусть в пользу добра и правды
Решится давнишний спор.
...А солнце на небе вечно,
И вечен неба шатер.

Перевел с бурятского
Владимир КАРПЕКО

¹ Нойоны — чиновники.

² Аарса — молочный продукт.

¹ Тэрлик — верхняя одежда, халат.

Театр — это всегда поиск

Сцены из спектаклей «Карагоз», «Дядя Ваня», «Риск».

Азербайжан МАМБЕТОВ,
народный артист СССР

Оглядывая творческую жизнь нашего театра — Казахского академического имени М. Ауэзова, — невольно останавливаюсь на самом ярком событии в жизни коллектива. Это гастроли в 1982 году в Москве, где мы показали спектакли «Карагоз» М. Ауэзова, «Клятва» Т. Ахтанова, «Электра, любовь моя» Л. Дюрко, «Риск» Р. Сейсенбаева и «Дядя Ваня» А. Чехова.

Мы были тепло встречены в столице. Но все равно волновались. Когда зазвучала тихая и нежная музыка и медленно пошел занавес, такое было ощущение, будто замерла в ожидании наша душа. Мы ведь искренне, трепетно полюбили чеховских героев. И хотелось передать преклонение перед гением русской, да и не только русской земли...

Работа над «Дядей Ваней» театру принесла истинную радость. Со школьных лет все изучают твор-

чество А. П. Чехова, и как будто все мы знаем и понимаем смысл событий, духовный мир героев... Но какие же новые, прежде невидимые глубины обнаружались в самой, казалось бы, простой, к тому же давней истории, когда началась работа над спектаклем...

«Дядю Ваню» ставили и ставят многие театры. На нашей же сцене Чехов ставился впервые. Наверное, поэтому возникло перед нами много неожиданностей. Понятно, мы не хотели повторять найденное другими театрами, хотели создать «свой» спектакль, где бы чувствовали и страдали люди, чьи переживания тонко соединялись бы с миром слишком практичного и несколько огрубевшего современного человека. Задали бы мы его задуматься над истинными ценностями человеческими. Такими, как чуткость, доброта и сострадание, в соединении которых и рождается Человек с большой буквы...

Спектакль мы начинали спокойно: зрители вместе с дядей Ваней и Соней проживали — и переживали — их путь... Путь сострадания и веры в будущее. И как же тонко, пронзительно передано Чеховым это возвышенное и прекрасное чувство! И с какой страстностью, внутренним озарением стремились казахские артисты раскрыть чеховские образы именно в Москве... Когда мы показывали свой спектакль, мы все заново почувствовали, что нашли свой нерв, свое понимание мира идей Чехова. Почувствовали по затаенной тишине зала, по тому напряженному вниманию, которое возникает, когда люди ничем не хотят нарушить печальный и сложный облик чеховских героев... Но когда в конце спектакля зал взорвался аплодисментами, мы были горды и счастливы. Чехов, воплощенный в казахском театре, нашел полный успех в России, на родине любимого и всегда современного писателя.

Создание образа Войницкого народным артистом КазССР Ануаром Молдабековым, думаю, стало открытием в исторической галерее чеховских портретов. И, кстати, это примечательное явление присуще не только нашему театру. Это явление закономерно нынче для национальных театров Советского Востока.

Когда-то, в первые годы развития этих театров, героико-романтическое направление на сцене доминировало. Первые пьесы наших драматургов все были основаны на народно-фольклорных сказаниях и легендах. Но постепенно, с освоением театральной современной школы и включением в репертуар лучших пьес зарубежной, русской и советской драматургии, наши театры перешли к новому этапу — постепенно, углубленного психологизма в решении сценических образов.

Это процесс интереснейший по своим возможностям, по широте охвата жизненных явлений... Со-

всем недавно я был приглашен в Государственный узбекский академический театр драмы имени Хамзы на постановку М. Ауэзова и Л. Соболева «Абай», где с подлинно философской глубиной и эмоциональной страстностью создан образ Абая Кунанбаева, великого казахского поэта-просветителя XIX века. Классическая пьеса принадлежит золотому фонду советской драматургии. Она органично вошла в репертуар театров и нашей республики и имеет здесь прочно сложившиеся сценические традиции. Но узбекский театр обратился к пьесе впервые. Поэтому с некоторой опаской и осторожностью входил я в репетиционный зал театра, имеющего свои замечательные творческие достижения. Выдающиеся актеры Абрар Хидоят, Алим Ходжаев, Сара Ишантураева, Шукур Бурханов, Наби Рахимов, Закир Мухамеджанов — это гордость узбекской сцены. Уверенно набирает здесь силу и среднее поколение, выросла талантливая молодежь. И когда я вплотную соприкоснулся с коллективом театра, работая над спектаклем «Абай», то почувствовал огромную жажду творчества, тягу к малоизвестному историческому материалу... Актеры, как бы прикоснувшись к целебному источнику великой казахской классики, жадно впитывали все новое — и драматические события и крупные трагедийные образы. А я как режиссер старался именно по-новому, с позиций сегодняшнего дня осмыслить прошлое. Работа над спектаклем шла на едином дыхании. Каждый его участник испытывал чувство высокой гражданской ответственности. И когда спектакль «Абай» обсуждался в Узбекском театральном обществе, критика отметила как главное достижение то, что в «Абае» показана жизнь и борьба не абстрактного Героя, а Человека; раскрыты психологически остро события жизни, сама судьба великой исторической личности в конкретной, реальной обстановке... Якуб Ахмедов, талантливо сыгравший казахского поэта, не только выявил национальный характер, но передал неуловимый колорит личности Абая, душу художника и мыслителя...

И здесь воочию убеждаешься, как велика радость творчества, когда истинно национальное переходит в достояние общенародное.

Но бывает обидно и горько, когда в некоторых театрах видишь спектакли, поставленные по пьесам авторов из братских республик, поверхностно, а порой просто безответственно... Внешние лишь атрибуты национального быта, штампованные этнографические детали, коверканье разговорной речи выдаются подчас за находки! Но эти скороспелые поделки, поставленные без глубокого освоения национального материала, быстро сходят со сцены, не обретая долгой жизни.

В нашем театре имени Ауэзова с 1964 года — двадцать лет — с огромным успехом идет спектакль «Материнское поле» по повести Ч. Айтматова. Скоро десять лет как не сходит со сцены «Восхождение на Фудзияму» Ч. Айтматова и К. Мухамеджанова. Однако названия этих пьес сейчас трудно найти на афишах других ведущих театров страны... А ведь эти спектакли все мы ставили почти одновременно! Думаю, очень важно,

чтобы высшие баллы не ставились театрам лишь за количество пьес братских драматургов в репертуаре, а за подлинно творческую удачу и долгую жизнь хотя бы одного спектакля...

Мы, творческие работники, должны глубже понимать проблемы взаимообогащения и взаимовлияния национальных культур.

Мы видим, каких больших высот достигли все национальные театры благодаря неуклонному проведению в жизнь ленинской национальной политики.

Сегодня новые серьезные задачи поставлены перед нами решениями партии, самой жизнью страны. Не количество спектаклей и других мероприятий решает исход дела, не «галочки» в отчетах! Надо, чтобы творческие планы подкреплялись по-настоящему яркими, добротными произведениями, будь то фильм или спектакль, кинолентой или пьесой...

Современный театр всегда в поиске! Было и у нас такое время, когда мы металась, отыскивая сильную современную пьесу. И однажды, познакомившись с замечательным романом А. Нурпеисова «Кровь и пот», решили сделать инсценировку. Центральной фигурой стал аральский рыбак Еламан, человек сложной и трудной судьбы, прошедший нелегкий путь в годы революции. В этом образе как бы аккумулировались лучшие черты казахского народа. Дух героя, словно дух Прометея, закованного в цепи, получает раскрепощение благодаря Великой Октябрьской революции.

Когда пережитое одним человеком событие благодаря художественному отображению становится общечеловеческим, понятным и близким всем, — такие минуты недаром называют творческим озарением. Это минуты счастья. Большого счастья! Ради этого счастья творца, счастья художника и работаешь день ото дня, год от года, чтобы нести людям чудо сопереживания, внушать сострадание и надежду.

С волнением и чувством ответственности работал наш коллектив над постановкой пьесы «Звезда Вьетнама» И. Куприянова. В те дни на многострадальной земле Вьетнама шла война. И нам хотелось выразить солидарность всех советских людей с народом этой страны. В Алма-Ате тогда обучались вьетнамские студенты, в том числе композиторы; двое из них, Ван Ки и Тан Чи, написали прекрасную музыку к спектаклю, который имел большой успех. В театр пришла группа вьетнамских студентов и поблагодарила советских артистов за поддержку героического вьетнамского народа... Так спектакль о национально-освободительной борьбе стал символом интернациональной солидарности братских народов.

Советский художник всегда на передовых рубежах жизни страны. Нас волнуют все жгучие проблемы, которыми наполнена наша беспокойная планета. И как мы ждем ярких, глубоких пьес на международные темы! Ведь театр — самое древнее и самое современное искусство, мощное и острое оружие идеологического фронта... И сегодня мы, творческие работники, обязаны сказать свое слово в защиту мира, свободы и счастья людей.

Алма-Ата.

Н. К. Крупская среди слушателей рабочих университетов. Москва, 1927 год.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ

...Эту фотографию я увидел в семейном альбоме московского врача Юрия Георгиевича Ломова-Оппокова — сына старого большевика, видного государственного и партийного деятеля Георгия Ипполитовича Ломова-Оппокова. В 1920-х годах Георгий Ипполитович был на руководящей работе в ВСНХ СССР, членом МК партии, на других ответственных постах.

В центре найденной фотографии — Крупская и Ломов-Оппоков. Кто запечатлен рядом с ними?

Фото сделано на Первом Всесоюзном совещании вечерних рабочих университетов. Совещание открылось в Москве 6 июня 1927 года в ГИЖЕ — Государственном институте журналистики. На совещание были приглашены ректоры, заведующий учебной частью, слушатели. Совещание продолжалось четыре дня. Во время одного из перерывов преподаватели и слушатели университетов попросили Н. К. Крупскую сфотографироваться с ними. Она охотно согласилась.

В ту пору в стране было свыше тридцати учебных заведений особого типа — вечерних рабочих университетов. В хорошо оборудованных лабораториях, кабинетах рабочие активисты без отрыва от производства повышали свою квалификацию. Многие видные ученые, профессора читали лекции в университетах безвозмездно. Слушатели глубоко изучали труды Маркса, Энгельса, Ленина, историю классовой борьбы, политэкономиию.

В одном из отчетов о Первом Всесоюзном совещании университетов особого типа читаем: «Совещание отметило колоссальную роль рабочих университетов в продвижении рабочих по общественной и производственной лестнице и большое их значение в культурном обслуживании населения лекциями и беседами».

Перед участниками совещания с докладом «Рабочие уни-

верситеты как культурные центры» выступила Н. К. Крупская. Она показала, что эти вечерние учебные заведения рождены самой жизнью, ростом запросов и потребностей трудящихся.

Далее Надежда Константиновна сказала: необходимость общеобразовательной школы, которая не отрывала бы рабочего от предприятия, выявилась уже давно. И вот сейчас найдена наиболее удачная форма вечернего образования — рабочие университеты. Задачи индустриализации страны заставляют широкие кадры пролетарского актива расширять свой политический и культурный уровень, повышать профессиональную подготовку. В университеты идут прежде всего рабочие, органически связанные с производством, активные строители новой жизни. Это чрезвычайно ценно. Что должно дать заведение особого типа своим слушателям? Серьезные, прочные знания, навыки к самостоятельной, углубленной работе. Преподавание естественных, физических, химических, математики нужно тесно увязывать с жизнью. Лекторы должны непременно учитывать особенности своего города, знать историю и деятельность местных предприятий.

На совещании решено было издать специальную книгу, посвященную новой форме вечернего образования. В 1929 году Наркомат просвещения РСФСР выпустил книжку «Рабочие университеты. Сборник положений и организационных материалов». Я недавно разыскал этот сборник, ставший библиографической редкостью. Из него видно, что в конце 20-х годов только в РСФСР насчитывалось 53 рабочих университета. Они открывались и на Дальнем Востоке, и в Поволжье, и в Сибири. Пролетариат молодой Страны Советов тянулся к знаниям, которые нужны были ему как свет, как воз-

дух.
Ю. ПЕСИКОВ
Саратов.

ВРАЧ ИЗ ПЛЕМЕНИ НАХАИ

Его зовут Али Саид Ахмет Нахаи. Али — имя. Саид — имя отца. Ахмет — так звали деда. Али из племени Нахаи, кочевников-бедуинов, которые в начале нашего века поселились в городке Амсурра, что в горной долине в центре йеменской провинции Абьян.

В Москве Али на стажировке. Он четвертый врач из Народной Демократической Республики Йемен, освоивший специальность анестезиолога.

А. РЫЛОВ

Когда Али вместе с другими врачами приходит по утрам в ординаторскую анестезиологического отделения Центра хирургии, которым руководит Б. В. Петровский, его встречает нарисованный на листе ватмана маленький человек, похожий на робота. «Идеальный анестезиолог», — гласит надпись над рисунком. У него вместо шеи шарнир, чтобы голова могла крутиться во все стороны, и три глаза: один следит за больным, другой — за наркозно-дыхательным аппаратом и внутривенными инфузиями, третий направлен на операционное поле. От каждого уха отходит по стетоскопу. Справа и слева — чуть ли не по десятку рук. На ногах — ролики, не зря же говорят, что анестезиологи — самые подвижные люди. На груди — медаль за успешную реанимацию учебного манекена. Вращающееся устройство наподобие флюгера показывает неустанную работу мысли. Человек бодро улыбается. Как бы трудно ни приходилось анестезиологу, хирург должен по его улыбке понять, что все хорошо, и спокойно заниматься своим делом. Этот сверхперегруженный коллега Али лишь отчасти символизирует работу анестезиологов. Не случайно в США по одним и тем же тестам принимают в анестезиологи, пожарные и космонавты.

Рабочий день Али начался. В 9 утра больного перекладывают с каталки на операционный стол. В его вены и артерии Али вводит катетеры. Когда он дотрагивается до больного, становится заметно, как деликатны, осторожны, даже учтивы его движения. И трудно представить, что эти тонкие, орехового цвета пальцы могут сжаться в кулак, занесенный для удара, как это было однажды весной на его родине в Адене. Английский патруль на перекрестке обыскивал прохожих. Солдаты начали приставать к йеменским девушкам, ученицам колледжа. Али со своими друзьями, безоружные 15-летние школьники, бросились на англичан...

По закону, принятому у нас, аспирант не имеет права в одиночку давать наркоз больному. За его жизнь отвечает анестезиолог — сотрудник Центра хирургии. Поэтому Али работает с опытными коллегами Виктором Михайловичем Мизиковым и Маргаритой Алексеевной Выжигиной.

Али Саид пришел в Центр хирургии уже профессиональным анестезиологом. Перед тем как во второй раз приехать в нашу

страну, он прошел практику в Центральной республиканской больнице Адена. Его учителями там были советские коллеги. Кроме специальности анестезиолога, он приобрел богатый опыт и в лечении многих болезней. Его соплеменники, люди далеко не богатые, по вечерам были частыми гостями и пациентами в доме Али Саида. Ведь какие бы ученые титулы ни значились перед его именем, он никогда не забудет, что в конце стоит название племени — Нахаи.

Многие поколения кочевников, предков Али, во время своих странствий в полных опасностей пустынях выработали в себе привычку быть постоянно настороже, все время в ожидании непредвиденного. Такое качество от них унаследовал и Али. Оно весьма полезно для «взрывоопасной» работы анестезиолога.

— Али отличает собранность, наблюдательность, и... он очень осторожен, — говорит В. М. Мизиков, — многие считают, что большая осторожность сковывает врача, мешает ему. Но в нашем деле это, по-моему, положительные качества. Иногда Али бывает трудно сохранять свою обычную учтивость, ведь у него за плечами уже есть опыт анестезиологической работы, и его мнение порою расходится с моим. Однако окончательное решение принимаю я. Иногда в таких случаях Али мрачнеет и становится, — Мизиков улыбается, — прямо-таки эталоном учтивости.

Не только заведующий анестезиологическим отделением Центра хирургии профессор Армен Артаваздович Бунатян, но и работающие с Али врачи доверяют ему. Это можно сказать и о больных, хотя, наверное, непривычно им видеть над собой темно-шоколадное лицо Али и его курчавые волосы. Он хорошо владеет русским языком, но акцент слышен явно.

— Дышите! Сожмите кулак! Разожмите! Все будет хорошо. — Али улыбается пациенту, лежащему на операционном столе.

* * *

Мальчику было 9 лет, когда однажды ночью отец разбудил его, дал винтовку и они поехали выяснять отношения с другим племенем. К счастью, старейшины уладили конфликт.

— Мы бы жили в большем согласии, если бы не англичане, — сказал мальчику отец.

Али Саид Ахмет Нахаи.

Фото А. Козьмина

Натравливая друг на друга йеменские племена, подачками склоня на свою сторону феодалов и верхушку духовенства, англичане удерживали власть в этой колонии. Им нужен был Аден, крупная военная база в Индийском океане, для контроля над ближневосточной нефтью. Южный Йемен был одной из самых отсталых английских колоний. Через 5 лет после того, как человек поднялся в космос, в Южном Йемене можно было купить женщину, мужчину, ребенка.

— Сейчас это трудно понять... Но это было. — В голосе Али грусть, как иногда бывает, когда он рассказывает о своей стране.

Англичане потеряли эту колонию через 4 года после того, как под руководством Национального фронта йеменский народ поднялся на борьбу с захватчиками. Отцы и старшие братья становились партизанами, а младшие, такие, как Али, учились. Первым учебником революции и первой книгой о России для Али Саида стало произведение М. Горького «Мать», переведенное на арабский язык. Но у него была и своя революционная профессия: распространение листовок. «Как выжить англичан!» — называлась одна из них.

Присылать листовки по почте или оставлять в машине, когда владельца нет поблизости, — по-

думаешь, какие сложности! А попробовал бы кто, как это делал Али, засунуть листовку за пояс одного из патрульных солдат, пробирающихся по рынку, или проникнуть в сад и кинуть листовку в окно йеменца — агента англичан! За всю революцию он так и не изменил своей профессии медика, клятве врача, ни разу не выстрелил, не бросил ни одной гранаты, он, врач-анестезиолог, боролся за человеческую жизнь. Но другие стреляли.

— Без этого мы бы не завоевали независимость, — говорит Али.

Он никогда не будет жалеть, что родился слишком поздно, как те йеменские мальчишки, которые встретили независимость еще малышами, а повзрослев, мечтали о том, как бы и они сражались с англичанами. Он успел сделать многое для свободы своей родины.

Ноябрьским утром 1967 года верховный комиссар колонии английский дипломат Хэмфри Тревельян бросил с борта самолета прощальный взгляд на белые дома Адена среди финиковых пальм, а королевский оркестр с авианосца «Игл» заиграл мелодию из песни, где есть слова: «Дела идут не так, как прежде...» Над Аденом взвился национальный флаг. 30 ноября была провозглашена независимость Южного Йемена.

СОБАКА УПАЛА В ФОНТАНКУ

Утро независимости страны! Оно было солнечным и ясным лишь по погодным признакам. «Народная Демократическая Республика Йемен унаследовала деградирующую экономику — экономику сферы услуг, базирующуюся главным образом на английском присутствии, особенно на существовании в Адене английской базы», — констатировалось в первых документах, изданных в независимой стране.

Вслед за «лэндроверами», через пустыню увозившими султанов в Саудовскую Аравию, вслед за покидающими Южный Йемен капиталистами, чиновниками, офицерами потянулись и врачи — выходцы из буржуазно-феодалных семей и иностранцы.

В начале 1968 года на всю страну с полутора миллионным населением осталось 26 дипломированных врачей. Почти каждый шестой йеменский малыш не доживал до года. Средняя продолжительность жизни — 45 лет. Туберкулез, полиомиелит, дизентерия, малярия, вспышки эпидемий оспы, которые удалось ликвидировать лишь в середине семидесятых годов.

Империалистические государства фактически блокировали молодую республику. Они надеялись, что голод, эпидемии, развал экономики сломают йеменский народ, и тогда к власти придет другая, более покладистая партия взамен Йеменской социалистической партии, ее членом является и Али Саид. Но Советский Союз, другие социалистические государства, а также Алжир, Ирак, Сирия пришли на помощь Южному Йемену. Али Саид был в самой первой группе йеменской молодежи, которая в 1968 году приехала учиться в СССР. Началась учеба Али Саида в симферопольском медицинском институте. Потом — работа на родине, и вновь учеба в СССР — в аспирантуре.

* * *

Матово-зеленый кафель и сверкающие никелем инструменты операционной.

Место Али — у изголовья больного. Анестезиолог охраняет его жизнь в течение нескольких часов тяжелой операции. Пока все идет хорошо, и хирурги без осложнений приближаются к верхней доле легкого, где находится очаг заболевания. Но каждый миг все может измениться, и тогда в считанные секунды анестезиолог должен принять ответственнейшее решение...

И вот операция подошла к концу. Очаг в легких удален, рану зашивают. Но анестезиолог не отходит от больного. Он останется в операционной и после того, как уйдут хирурги. Он будет ждать, пока человек проснется, затем доставит его в реанимационное отделение. И только тогда сядет на диван в ординаторской, снимет очки, закурит и почувствует, вернее, позволит себе ненадолго почувствовать усталость.

О чем сейчас думает Али Саид? Об этом мужчине, которого он только что отвез в реанимационную? О своих советских коллегах и учителях? О родине? О дружбе, что так прочно связала наши страны? О том, что на севере Южного Йемена есть местечко в самом центре аравийских пустынь, которое почему-то называется Русия — Россия?..

Когда Надежда Сергеевна Дружинина вернулась домой из магазина, на столе нашла записку: «Бабуля. Случилось несчастье. Собака упала в Фонтанку. Надо ее спасать. Света».

...Ждать внучку пришлось восемь часов...

Восемь часов — с утра и до позднего вечера — толпился народ между мостами Ломоносова и Лештуковым, что напротив Большого драматического театра имени М. Горького. Толпился, переживая за темно-серую в подпаллах собачонку, метавшуюся по льду меж высоких гранитных берегов. Спусков к реке в этом месте нет, а пробежать куда-либо дальше она не могла — под мостами лед был расколот, там курилась парком на морозе тяжелая темная вода.

Вела себя она странно. Странно, с нашей точки зрения, основанной на убеждении, что собака — друг человека. Так-то оно, конечно, так. Да, видать, крепко обидел человек собаку, если она, махнув лапой на собственную жизнь, не подпускала ближе чем на полсотню метров ни одного из добровольцев, рискнувших ради нее спуститься на подозрительный, в трещинах, лед. Еду в конце концов стала брать. А от людей шаркалась. И даже замерзнув, обесилев окончательно, предпочла броситься в воду, лишь бы не попасть в наши добрые руки. Вот и толкуй после этого про инстинкт самосохранения.

Похоже, что и инстинкт и хорошее отношение к нам собака потеряла не в результате гриппа. Ближе к вечеру нашелся в толпе сведущий в ее недавней судьбе человек, рассказал, что родом она из соседнего переулка Джамбула, где дружно жила с хозяйкой, да вот беда — умерла та на днях. И кто-то из соседей поспешил избавиться от лишнего «жильца» — избив, скинул в реку.

Ах, как хотелось бы уличить этого сведущего человека во лжи. Увы, из всех выдвигавшихся версий эта, похоже, наиболее реальная — сама перебраться через ограду набережной, прыгнуть с трехметровой высоты собака не могла и уж во всяком случае не сама себя избивала.

Угасала она на глазах. Выяснилось, что первый раз на льдине ее заметили еще минувшей ночью, а значит, даже по самым скромным подсчетам, находилась она здесь около пятнадцати часов. И к вечеру уже не металась, больше лежала, уткнув голову в передние лапы.

И все же пропасть ей не дали! Вызывали милицию, вызывали пожарных. А когда и они отступились, за дело взялись речники — выслали специальный ледокольный буксир «БТ-1» под командой капитана-механика Сергея Ильина.

Не простой оказался рейс — перед мостом Пестеля пришлось даже разбирать рубку, иначе было не пройти. Да и финальная часть операции — руководил ею прибывший на место необычного происшествия начальник первого участка «Спецтранса» Ю. И. Котиков — получилась нелегкой. Никакими уговорами на борт собаку заманить не удавалось, а когда, обкалывая вокруг нее лед, буксир подошел совсем близко, она соскользнула в воду. Речники успели накинуть сетку и все-таки вытащили «самоубийцу» из воды — продрогшую, вконец ослабшую, но живую.

И попала собака в газету. Точнее, в отдел рабочей и сельской молодежи «Смены», что на первом этаже Лениздата, напротив которого и разыгралась вся эта история. Растерли ее как следует, кто-то сбегал за лекарствами... Вообще очень много друзей появилось в тот день у собаки, и, право, хотелось бы перечислить немало фамилий тех, кто сделал все от него зависящее, чтобы не угасла эта маленькая обиженная жизнь. Немало нашлось и желающих приютить ее. Но ближе всех к Джеку (так теперь зовут спасенного) оказалась первокурсница СГПТУ-45 Светлана Букарева.

С ним на руках и предстала она пред разгневанными глазами Надежды Сергеевны. Звонко чмокнула ее в щеку: «Не сердись, бабуля, это мне подруга Алена позвонила, чтобы я приехала на Фонтанку. Посмотри, какой он красивый!»

И в доме начались хлопоты. Праздничные. Светлане в тот день исполнилось шестнадцать, и, как призналась она сама, лучшего подарка у нее еще никогда не было.

Так благополучно вроде завершилось это происшествие. И рассказать о нем мы решили потому, что слишком уж часто в последнее время приходится слышать, читать разные невеселые истории про то, как человек обижает собаку: то на вокзале ее забудет, то на даче, а то и вовсе шапку из нее сделает.

Что ж, в семье, как говорится, не без уroda. Но, к счастью, не на них, а на доброте людской мир держится. Что лишний раз и доказали ленинградцы.

Хоть, не будем скрывать, нашлись в числе собравшихся на набережной Фонтанки и просто любопытные, не поленившиеся посчитать, во что обойдется государству солярка, израсходованная буксиром, и «зряшный», с их точки зрения, вызов пожарных. Стоит ли, мол, того собачонка?

Стоит. Потому что жизнь всегда дороже денег. И потому что не собака нас, а мы ее назвали своим другом. И за слова свои обязаны отвечать.

Хотелось бы упомянуть и вот еще о чем: нелегкую ношу взвалила на себя Светлана. Порыв доброты — это как огонек свечи, — случается, подует сильнейший ветер житейских обстоятельств, и нет его. Джек привык к рукам Светланы, доверчиво забирается к ней на колени, но панически боится поводка, намордника, всего, что напоминает ему о пережитом недавно ужасе. Надежде Сергеевне (ей семьдесят) гулять с собакой не под силу, а сама Света с мамой живет в коммуналке, где четвероногого «новосела» вряд ли ожидают с радостью.

Так что самое трудное у Светланы и Джека еще впереди. Пожелаем им удачи...

Олег ПЕТРИЧЕНКО,
сборок «Огонька»

Ленинград

Светлана Букарева со своим новым другом.

Фото Б. Клементьева

ВОКЗАЛ ПРИ РЕСТОРАНЕ

Заметки с примечаниями и с вопросом, который сразу же сформулируем: что нужно пассажиру — неторопливый вокзальный ресторан или расторопные буфеты!

...Выпала оказия, заглянул в курский, на оживленном железнодорожном тракте поставленный ресторан. Толкнул его тяжелую [примечание первое: может, и вы обратили внимание на такой феномен — почти все ресторанные двери донельзя массивны, словно их создатели хотят с порога внушить мысль о том, что путь к еде должен начинаться с преодоления препятствий.— К. Б.) дверь и...

— Закрыто!

— Мне бы перекусить,— начал я оправдываться.

— А хоть бы и выпить, все одно — закрыто...

Ресторан отдыхает. Но вокзалы сна не знают. Поезда — тоже; они идут через Курск и за полночь; в эту пору тут останавливаются все южные экспрессы, желающие поутру быть в столице. Останавливаются, а их уже ждут — встречающие, отъезжающие. Вот и собирается на вокзале народу столько, что яблоку негде упасть. Но опасности такой не предвидится; яблоки тут никогда не падали; их нет в вокзальном буфете — он метрах в ста от ресторации. Бойко идет торговля пивом, можно погрызть и заскорузлый коржик; о яблоках же или о стакане яблочного сока в данном трактире я не осведомлен. Нет сока? Пассажир наш свыкся с ненавязчивостью дорожного сервиса, а вокзальные рестораны и буфеты давно и небрежно результативно внедряют низший уровень этого самого «сервиса», тот рубеж, о котором можно сказать — дальше некуда. Тупик, выражаясь железнодорожным языком... Пассажир ко многому привык, он покладист и терпелив. И сейчас он меняет намерение и спрашивает чаю. Но и чая нет. Тогда чашечку кофе, пожалуйста. Я смотрю, но нигде не вижу кофейварки. «Ее и отродясь здесь не было». А как же кофе? Ведь на стойке — засаленная долгим невниманием этикетка с надписью «кофе». Она измята прислонилась к граненому стакану со светло-коричневой жидкостью.

— Это кофе? — с сомнением спрашиваю я.

— Это витрина! — Буфетчица наконец поднимает глаза и рассматривает меня с явным удивлением: непонятливый пошел клиент. Затем милостиво объясняет: «Кофе выпили...»

Видимо, курский вокзал — исключение, подумал я, но вспомнил подобную картину на липецком, да и в Харькове что-то похожее однажды довелось видеть... И едва вернулся из поездки, решил поосновательнее проверить дорожные впечатления.

Приехал на Рижский вокзал столицы, выбрав его вовсе не случайно; он отмечен четкостью обслуживания пассажиров, он чист и

аннуратен и в общем-то заботлив. Можно сказать, хорош. До самого ресторанного входа; за его солидной дверью железнодорожные начальники — уже не начальники, а едоки. У ресторана есть свои начальники, и им налаживающийся железнодорожный порядок не указ и, похоже, не пример. Ресторан и вокзальный буфет, а также редкая тут мороженщица (хоть зимой бы торговали не мороженым, а горячим чаем!) — это и есть общепитовско-бермудский треугольник, в котором бесследно и без научных объяснений исчезает забота о пассажире-едоке.

И на Рижском ресторан традиционен не только двери многопудьем. Он отхватил под свои владения огромную территорию, локомотивы тут мыть можно [примечание второе: если это предложение будет встречено положительно, но доверяйте мытье тепловозов тем, кто сейчас моет посуду.— К. Б.]. Да что локомотивы; рассказывали, однажды здесь фильм снимали, кажется, «Вокзал для двоих». Словом, всем залам зал! Вхожу в его гулкую и полупустую немоту. Официантки в стороне, стайкой — обсуждают свои новости. Но я занимаю место, и ко мне приближается одна из них.

— Стакан горячего, хорошо заваренного чая. И миндальное пирожное... — Я ведь не в станционном буфете, я в ресторане. А ресторан — род столовой, «обычно хорошо обставленной, с музыкой, где можно заказать дорогие кушанья, закуски, напитки, вина», как растолковал мне С. И. Ожегов. Хотя еще В. И. Даль предупреждал: ресторация — это всего лишь харчевня; правда, чистая.

— Чаю? — Официантка повторяет мой вопрос громко, чтобы все слышали, чтобы все успели посмотреть на чудака, пока он еще тут. И после паузы просвещает меня: — У нас по утрам — европейские завтраки. Шли бы вы в буфет...

Это неподалеку, и я покорно иду. Встаю в хвост солидной очереди; она медленно подвигается к стойке. Трижды успеваю переписать в блокнот объявление: «Во время перерыва работы буфета вы можете воспользоваться удобной [примечание третье: сам себя не похваляешь, кто это сделает? — К. Б.] формой обслуживания в зале ресторана — европейский завтрак».

Ловко это придумано: европейский. Назовешь «вокзальным» или еще каким здешним, — обыденно, да и упрекнуть могут за унылую и невкусную еду; а вот европейский... И звучит, и не придерешься.

Стою в очереди, она давит спешкой и нетерпением. Очередь торопит впереди стоящих, что еще может делать очередь? Ну, поворачивать может, даже рассердиться — это ведь ничего не изменит. Стою

в очереди, есть время порассуждать и о том, что очереди не выстраиваются сами собой. Их создают: методически точно и, может, преднамеренно. Представьте, открыли бы на этом вокзале не один, а пять буфетов, возле них — ни толчеи, ни спешки (а из такого вокзального ресторана, как здешний, можно выкроить и десяток буфетов и стоек: диетические, детские, молочные, пирожковые, бульонные и чайные — для тех, кому достаточно чашки чая за три копейки, кому не нужен «фирменный» вокзальный «кофей».— К. Б.); открыли бы — и, само собой, не было бы очереди.

Какие трудности пришлось бы тогда решать общепитовцам! Сейчас-то, в торопливости, какой спрос? Не нравится скрючившийся от долгого ожидания ломтик сыра? Не бери и отходи поскорее: ты не один. И очередь уже недовольна тем, что ты ее задерживаешь, очередь волей-неволей становится потатчицей дурной работы как самой буфетчицы, так и всего буфета. Как в спешке улучшить его работу, как? Если ты такой умный и все умеешь, вот и встань на мое (на ее, буфетчицы) место, а я на тебя посмотрю. Развелось советчиков... «Стакан лимонада», — отлетает в сторону пробка. «А мне пирожное!». Бери, не разглядывай, некогда. Очередь — редкая по своему совершенству форма понижения запросов тех, кто в этой очереди стоит. Очередь — форма борьбы с улучшением сервиса?

— Мне стакан чая, — говорю я, оказавшись возле буфетчицы.

А стоящий с мной уже протягивает свой рубль и тоже что-то просит. Я отхожу от стойки, но затем решаю снова подойти к очереди, чтобы узнать, отчего многие не воспользовались «удобной формой», почему не пошли в ресторан. Ответы были разные, некоторые записал дословно: «Ресторан — это ресторан, я к нему не привык», «Мне наскоро поест, а ведь в ресторане...», «На завтрак я запланировал полтинник, а тот же европейский стоит рубль...».

Вот я и подошел к сути заметок: нужен ли вокзалу ресторан? Беседовал со многими едоками (нужен не ресторан во имя ресторана, сказал один из них, а место, где можно быстро и вкусно поесть), говорил и с организаторами ресторанного дела: никто не смог толком объяснить мне привязанность к вокзальному ресторану.

— Ресторан — это традиция, — пытались убедить меня, исчерпав другие аргументы.

Но если я с этим соглашусь, то волен потребовать такой обед, за

которым, предвкушая наслаждение, можно и с дороги свернуть. Сейчас же вокзальный ресторан кормит безлико, а то и откровенно дурно, получая тем не менее ресторанные привилегии. Тот же европейский завтрак — скорая, но неаппетитная еда. Унылый омлет, который даже не пытаются скрасить листочком салата или петрушки, кусок хлеба, да еще и булочка, масло, джем, ломтик сыра. И, само собой, кофе.

[Примечание четвертое: отроется ли когда-нибудь для истории, для истории вообще и для криминальной в частности, имя того новатора, что дал команду готовить кофе, как щи, — в огромной алюминиевой кастрюле, а то и в ведре? Кем он работает, этот иудейник, превративший великопепный напиток в невразумительное вариво? Этот вопрос я адресую в две инстанции: технологами Управления общественного питания Министерства торговли СССР, а также строгим сотрудникам Госторгинспекции — сделайте милость, отыщите автора «кофе по-вокзальному»? Напишите объявление: «Разыскивается...» — и найдите его. Едоки вам скажут спасибо... Я перелистал десятки справочников и кулинарных книг, не нашел рецепта «кофе, сваренный в кастрюле». Видимо, практика обогнала теорию: такой кофе почти повсеместно внедрен, а осмыслить этот процесс не успели. Вот и гонят лжекофе, получая за него вполне натуральные деньги. Может, запретить кофе на вокзалах: до той поры, пока его не научат готовить так, как положено? — К. Б.]

Однако пора продолжить выяснение вопроса: нужен ли вокзалу ресторан? Именно ресторан! Как таковой... Не разумнее ли заменить рестораны буфетами, столовыми самообслуживания (мне рассказывали про такую столовую на станции эстонского городка Тапа. Говорили с удивлением и с уважением). Аэрофлот оценил преимущества быстрого буфета на своих аэровокзалах. Могли бы вокзальные общепитовцы перенять опыт организации скорого и хорошего обслуживания у свердловчан, у рижан, у пензенцев, у вильнюсцев.

Надо искать и решать, сняв шоры традиционного подхода. Только за один год Московский трест вокзальных ресторанов израсходовал более миллиона рублей на ремонт своих предприятий вместо того, чтобы пустить деньги на реконструкцию, которая коренным образом изменила бы и улучшила дело. Я позвонил заместителю управляющего трестом вокзальных ресторанов Любови Ивановне Гребешковой, она сказала:

— На Рижском снова будем обновлять буфет.

— И поставите там роторный раздаточный конвейер, изобретенный специально для железнодорожных станций? — спросил я.

— Я недавно из отпуска и пока о таком конвейере не знаю, — поставила меня на свое место Л. И. Гребешкова, не ведая, что этому изобретению много-много лет.

Через день после этой беседы мне позвонил управляющий трестом Владимир Михайлович Ярош и предложил: «Давайте поедем по нашим предприятиям, и я вам расскажу о наших трудностях». О трудностях? А не уйти ли от них решительно, не перевести ли весь вокзальный общепит в другую весовую категорию, более легкую, более близкую к пассажиру, о трудностях которого и следует подумать в первую очередь?

А в поездку я готов отправиться. Хоть сегодня. С тем, чтобы продолжить разговор; не оставлять же вопрос нерешенным...

Помните, возможно, из литературы, что по поводу сдачи властям знаменитого джигита Хаджи-Мурата было отправлено донесение из Тифлиса в Петербург? Пользуясь подлинными документами, Лев Николаевич Толстой пишет в «Хаджи-Мурате»: «Донесение это было отправлено из Тифлиса 24 декабря. Накануне же нового, 52-го года, фельдъегерь, загнав десяток лошадей и избив в кровь десяток ямщиков, доставил его к князю Чернышеву, тогдашнему военному министру. И 1 января 1852 года Чернышев повез к императору Николаю в числе других дел и это донесение Воронцова».

Сосчитаем: с 24 по 31 декабря сколько прошло дней? Семь. Значит, на седьмой день после отправки конверт с письмом наместника Кавказа Воронцова был уже в северной столице. Его промчали на перекладных через Главный Кавказский хребет, по заваленным снегами конным дорогам (декабрь стоял уж на дворе!) через широкие кубанские и донские степи. И все на лошадях, на лошадях. И всего за семь дней...

Случай, что и говорить, исключительный.

Теперь возьмем случай ординарный. Год не 1852-й, а 1984-й. Конверт идет не из Тифлиса в Петербург, а из Москвы в столицу Грузии Тбилиси. В конверте «Огонек» № 3. Его запаковали в секретариате редакции и сразу же отправили мне, как отправляют еженедельно собственным корреспондентам журнала. Номер вышел 14 января, почтальон опустил его в мой почтовый ящик 21 января. Представьте себе, тоже семь дней! И при этом, заметьте, никто не загонял десяток лошадей и не избивал в кровь десяток ямщиков. Причины столь чудесной стыковки экстраординарных сроков со сроками ординарными (семь дней!) надо, видимо, искать в достижениях на этом поприще научно-технического прогресса... Правда, мелькнула нехорошая мысль о почталлоне. Но почтальон у нас добросовестная женщина. Ей дали — она принесла.

А когда дали другим почтальонам, у которых есть подписчики «Огонька»? Когда дали в продажу в киоски города?

Подписчикам не дали ни 21-го, ни 22-го, ни 23-го, ни 24-го...

Вскипела душа. Что же это в самом-то деле?! От Москвы до Тбилиси лететь два часа десять минут. Раньше пользовались авиапочтой. Помню, через несколько

ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ

дней после выхода в Москве мы читали «Огонек» в Тбилиси. Потом журналов (хороших и разных) стало гораздо больше, тиражи тоже разбухли, вес прибавился. «Огоньки», предназначенные для грузинских подписчиков, весят ныне что-то около четырех тонн. Факт положительный. Весомый, во всяком случае. Но с увеличением тяжести самолеты стали дорогим удовольствием, центральную прессу начали отправлять железной дорогой: почтовый вагон цеплять к пассажирскому составу. Словом, не два часа десять минут в полете, а три дня по рельсам.

Ах, золотое было время, оказывается! Не ценили его... Почему? Да потому, что сейчас не три дня по рельсам, а пять дней по ним, по железным.

Знаете, что такое ПЖДП? Прижелезнодорожный почтамт. Начальник его в Тбилиси Георгий Иосифович Муджиришвили с гордостью показывает свое обновленное хозяйство. («Еще полгода назад вы бы этого всего не увидели!») И в самом деле: специально сооруженный при подстанции тупик, куда подаются почтовые составы. Резво бегают электрокары, отличное складское помещение, в котором ничего не задерживается, потому что тут же по транспортеру — на автомашины — и в сле-

дующие инстанции. Работать стало и легче и быстрее. Но — обратите внимание! — в тупик подаются не вагоны, а составы, целый почтовый поезд, в котором выделен только один вагон для прессы. И вот этот состав ежедневно отправляется из Москвы и доходит до Тбилиси за пять дней. По расписанию должен быть в четыре утра. А на самом деле? На самом деле на часах полдень. Разгрузка только началась. Но бывает, что состав опаздывает и на шестнадцать часов, то есть приходит вечером. Вот оно, как говорится, «ямщик, не гони лошадей».

Еду в газетно-журнальную экспедицию Министерства связи, куда с вокзала отправляется пресса для подписчиков.

— О, «Огонек» № 3? Да, получили 23 января в 16 часов. 24-го распределили. Что значит «распределили»? А то, что без письменного распоряжения из гор-агентства «Союзпечати» о том, сколько и каким почтовым отделениям надлежит отправить журнал, сортировка не занимается. Мало ли что. Может быть, подписчик переадресовался, или отказался, или появился новый. На это выяснение ушло два дня.

Распределили. Потом появляется новый термин: «приписали». Это значит, раскрыли все

мешки, выложили специальные полки-ячейки по числу отделений связи. Их в городе 120. Потом надо собрать и зашить сто двадцать бумажных мешков, разложить по маршрутным тележкам, чтобы их забрали и развезли маршрутные машины по почтовым отделениям. А почтовые отделения снова сортируют, приписывают и, наконец, отдают почтальонам. Значит, подписчик получил № 3 26 или 27 января, на 12-й, 13-й день после выхода журнала в свет.

Что же происходит в рознице? Розничный склад горагентства «Союзпечати» в противоположном конце города. Работают два сортировщика, шелестят страницы. «Огонек» № 3? Нет, не получали. 27 января на складе еще не получали.

Смотрю, как обстоит дело с последними номерами «Огонька» прошлого года. Номер 49 получили 23 декабря, отправили в киоски 27 декабря. Номер 50 получили 27-го, отправили 30-го. Номер 51 получили 30-го, отправили 5 января. Как правило, лежат по нескольку дней. Почему? Очень просто: надо подождать, когда поступят и другие журналы, скажем, «Смена», «Работница», «Здоровье» и т. д. Надо, чтобы скопился груз, чтобы перевозки были экономичными. Не один ведь «Огонек» на свете! Удивительно, как эта ясная мысль не пришла нам в голову раньше: не пробивайся в одиночку, ходи хороводом и придешь к человеку этак недельки через две, непременно придешь.

Начальник горагентства «Союзпечати» Зураб Иосифович Назаришвили согласен, что все это из рук вон плохо. Но вот копии писем, которыми он осаждает высокие инстанции в течение шести лет: «необходимо единое складское помещение» (сейчас у него их пять), с «единой экспедицией», где можно было бы маневрировать людьми и транспортом. И тогда журналы не будут ждать друг друга и пойдут по мере поступления вместе с газетами. Необходимо транспорт, ибо количество транспорта осталось на том же уровне, когда обслуживалось 150 объектов, сегодня же их в городе 272.

Да, жизнь, конечно, развивается, усложняется. Это вам не ямщик сел на облучок, мешок с почтой под сиденье и — «Гони!». А славно то было: декабрь, почтовая карета и всего семь дней от А до Б. Семь, не семнадцать.

Ия МЕСХИ,
сборок «Огонька»

Анфиса ИВАНОВА

ПЛАМЯ ДАЛЕКОЙ ЗАРИ

Алое пламя далекой зари
Жгло наши юные души...
Киев, ты с нами поговори.
Киев, ты нас послушай.

Сорок четвертый военный год.
Весь ты лежишь в руинах.
Нас, комсомольцев, призвал народ
Восстановить Украину.

В товарняках добирались мы,
Другого транспорта не было.
Ночью — ракеты среди мрачной тьмы,
Днем — дымно-красное небо.

Плохо одетые. Скудный паек.
Мыло да полотенце —
Все наши вещи. Но звало вперед
Нас комсомольское сердце!..

В том поезде нас было сто отважных,
Готовых на тяжелый труд.
Мы не боялись голода и жажды.
Мы твердо знали: нас там ждут.

Война на Запад уходила вдали.
И люди с ней на Запад уходили.
А в кровью политой земле жила печаль.
И домны и заводы не дымили.

Отсюда путь лежал наш в города и в села.
Нас ждали. Принимали, как родных.
С путевкою родного комсомола
Трудились на постах передовых...

С тех пор прошло немало лет.
Трудом людей и духом тем единым
Воскрешена, окрепла Украина.
И мы ей шлем сердечный свой привет.

Цвети и хорошей в своей счастливой доле
Пусть песни над Днепром всегда звучат.
Мы помним всех спасавших от неволи,
Отчизне преданных солдат.
Москва.

ВСТРЕЧА С ТАРАСОМ ШЕВЧЕНКО

И. С. ЗИЛЬБЕРШТЕЙН,
доктор искусствоведения,
лауреат Государственной премии СССР

Готовясь на протяжении долгого времени к поездке во Францию для поисков реликвий отечественной культуры и ведя в течение многих лет переписку с русскими парижанами, я знал, что обязательно встречу там Пушкина, — автографы его стихотворений и писем, его рисунки и дарственные надписи на книгах; Лермонтова — к тому же не только его автографы, но и исполненную им картину, которую он подарил В. Ф. Одоевскому; что увижу Тургенева и Льва Толстого, — множество их автографов, фотографий с собственноручными дарственными надписями, был уверен, что там найдется немало их книг, подаренных друзьям.

А что касается классиков нашего изобразительного искусства — Левицкого, Венецианова, Боровиковского, Кипренского, Сильвестра Щедрина, Карла Брюллова, — то не сомневался, что выявлю такие их творения, которые у нас до сих пор остаются неизвестными.

А вот что встречу в Париже с Тарасом Шевченко, с его художническими произведениями, да еще обнаружу книгу с дарственной надписью великого поэта и другое его прижизненное издание, даже предположить не мог. И все же такая встреча состоялась. И только потому, что в нашем деле поисков и находок реликвий отечественной культуры нередко бывает некое подобие чуда.

Теперь расскажу, как я очутился во Франции и каким образом произошла эта чудесная встреча.

С молодых лет я был дружен с профессором Андре Мазоном — главой французской школы славистов, академиком Академии наук Франции, иностранным членом Академии наук СССР. Наши встречи в 1925—1929 годах в Ленинграде в доме выдающегося пушкиниста и историка русского революционного движения П. Е. Щеголева в дальнейшем превратились на протяжении десятилетий в тесное деловое сотрудничество — с того времени, когда в марте 1931 года мы приступили к созданию томов «Литературного наследства», посвященного публикации неизданных материалов по истории русской литературы и общественной мысли. В

подготовке ряда томов Андре Мазон оказал нам большую помощь.

С 1930 года генеральным директором парижской Национальной библиотеки был академик Жюльен Кэн. Узник Бухенвальда во время войны, он в 1945 году вновь стал руководителем той же замечательной библиотеки. Ее рукописный отдел весьма богат по части архивных фондов. А в их числе множество творческих рукописей и писем выдающихся русских литераторов, биографических и документальных материалов о них. По приезде Жюльена Кэна в Москву я познакомился с ним и по его просьбе передал свыше десяти томов «Литературного наследства», отсутствовавших в Национальной библиотеке.

Хорошо зная, что свою жизнь я посвятил поискам реликвий отечественной культуры, Андре Мазон, Жюльен Кэн и их друг писатель Андре Моруа направили мне официальное приглашение, дающее возможность пребывания во Франции в течение длительного времени. Но осуществить это тогда не удалось.

В конце 1965 года Мазон, Кэн и Моруа вновь направили мне приглашение приехать во Францию для поисков и выявления у русских парижан реликвий нашей культуры. Но лишь благодаря решительному содействию члена Центрального Комитета Французской коммунистической партии Луи Арагона моя поездка осуществилась. И в январе 1966 года я прилетел в Париж. Что же касается ее результатов, то превзойденными оказались мои самые оптимистические надежды. Так, к примеру, в Центральном государственном архиве литературы и искусства СССР я отправил тогда 12 000 документов.

1. ДВЕ НОВОНАЙДЕННЫЕ СЕПИИ ШЕВЧЕНКО

Биография Тараса Григорьевича Шевченко хорошо известна. Но, когда начинаешь писать о нем, невольно снова и снова вспоминаешь,

какую великую роль в его жизни сыграли замечательные русские люди В. А. Жуковский, К. П. Брюллов, М. Ю. Виельгорский и А. Г. Венецианов, добившиеся в начале 1838 года освобождения Шевченко из крепостной неволи. Благодаря их заботам осуществилось и его сокровенное желание: он начинает учиться в Академии художеств, да к тому же под руководством Карла Брюллова. А в 1841 году двадцатисемилетний Шевченко, подобно большинству тогдашних молодых художников, лелеет мечту о поездке в Италию для усовершенствования своего мастерства. «...Я Академию не швыдче покину, а через два года, — пишет он старшему другу. — Через два года, як прочитаєте в якім небудь журналі, шо якийсь то Шевченко намалював картину дуже до ладу! а за таке малювання Академія його (мене б то) посилає в Італію в самий Рим. Весело батьку, дуже весело!»

Но эти мечты и в малой степени не осуществились, так как то были годы царствования Николая I. Публицист, живший в те времена, образно писал, что этот деспот «вырезывал у мысли лица». Именно так он поступил и в отношении Шевченко, когда того арестовали весной 1847 года за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе, в уставе которого значилось: «Общество будет стараться об искоренении рабства и всякого унижения низших классов». На приговоре, по которому «художник Шевченко за сочинение возмутительных и в высшей степени дерзких стихотворений» был определен рядовым в Оренбургский отдельный корпус, Николай I сделал надпись: «Под строжайшим надзором и с запрещением писать и рисовать». Так началась ссылка Шевченко, поглотившая десять лет его жизни.

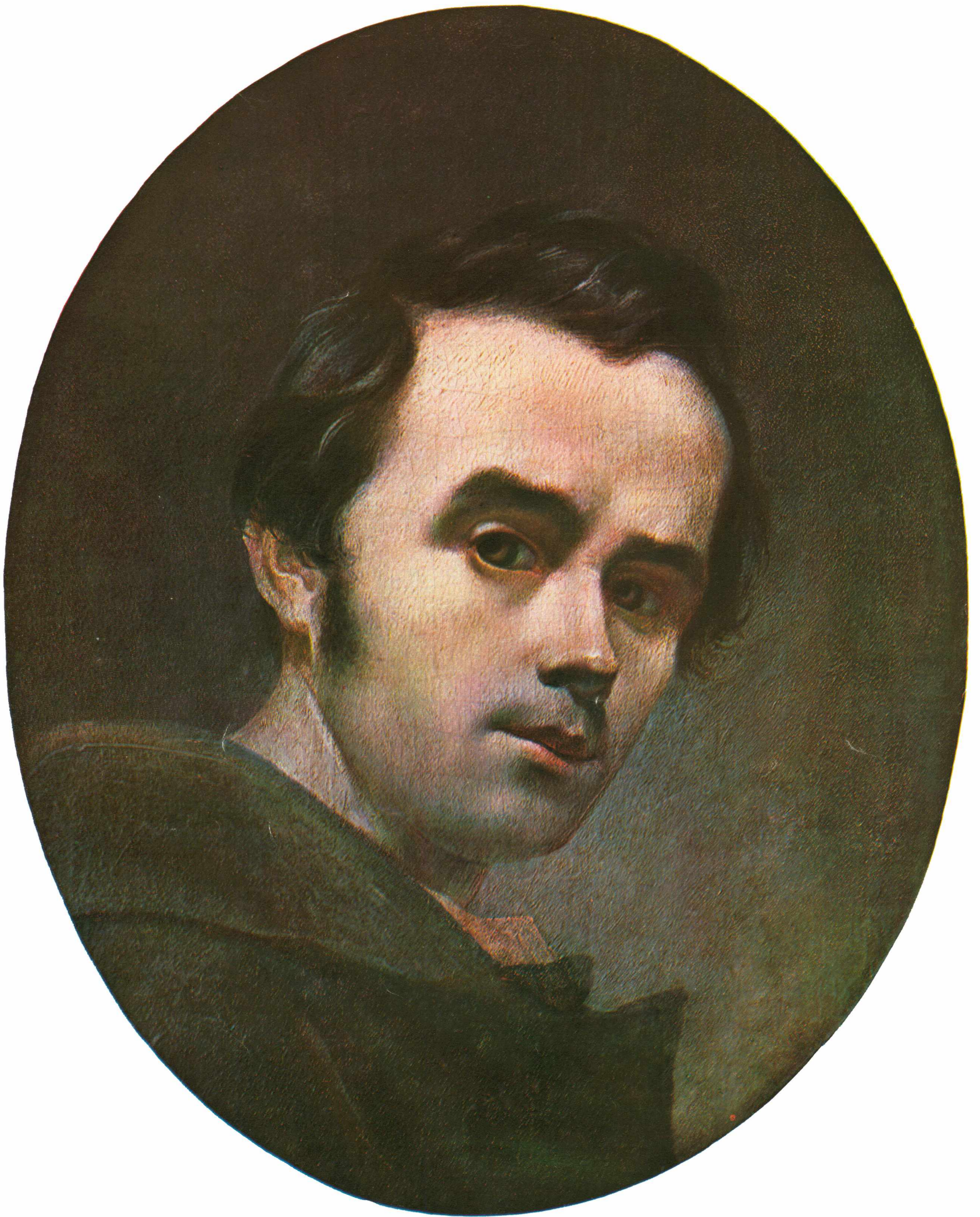
Занявшись в 1933—1934 годах подготовкой тома № 19—21 «Литературного наследства», посвященного публикации неизданных материалов по русской литературе, а также по Шевченко, я отыскал в московских государственных и частных собраниях четырнадцать работ Шевченко, исполненных маслом и акварелью, сепией и карандашом; что же касается офортов, то два из них оказались неизвестными в литературе, — впервые эти находки были обнаружены в указанном томе, вышедшем в 1935 году.

Но едва ли не самой неожиданной и одной из наиболее примечательных в ряду ранее неизвестных работ Шевченко-художника, воспроизведенных в этом томе, оказался написанный им в 1843 году акварельный портрет художника-баталиста А. Е. Коцебу, обнаруженный в Париже. Дело было так. Наша дружба, встречи и переписка с крупным французским славистом, иностранным членом Академии наук СССР Андре Мазоном, о котором говорил выше, не раз обогащала наши тома «Литературного наследства» ценными материалами. Приступив к созданию тома № 19—21, я в одном из писем спросил профессора Мазона, не известны ли ему какие-либо рукописи или художнические работы Шевченко во Франции. Профессор Мазон незамедлительно ответил, что в одной русской семье в Париже он видел превосходную акварель Шевченко. Вскоре я получил ее фотографию. И стоило мне об этом рассказать, а фотографию показать Владимиру Дмитриевичу Бонч-Бруевичу, соратнику В. И. Ленина, основателю и директору Государственного Литературного музея, в высшей степени энергичному, влюбленному в свое дело человеку, как через несколько месяцев эта акварель была приобретена и поступила в музей. Профессор Мазон оказался прав: она действительно была превосходной по качеству и к тому же редкой сохранности. Это жемчужина акварельного мастерства Шевченко. А ее публикацию в нашем томе украинские искусствоведы расценили как значительное открытие в творческом наследии замечательного художника.

В своих очерках «Парижские находки» я уже говорил о том, что в послереволюционные го-

Т. Г. Шевченко. «Казарма». С подлинника воспроизводится впервые.

Т. Шевченко. АВТОПОРТРЕТ.

Т. Шевченко. КАТЕРИНА.

ды одним из наиболее видных в Париже антикваров — знатоков русского изобразительного искусства был ныне покойный А. А. Попов. Упомянул и о собирательском таланте Александра Александровича. С признательностью писал о том, что благодаря любезности его вдовы Берты Ефимовны Поповой получил возможность впервые воспроизвести портреты, находившиеся в их коллекции.

Сердечное радушие и доброжелательное отношение Б. Е. Поповой к моим исследовательским интересам стали для меня источником самых неожиданных находок. И не только потому, что среди сотен накопленных А. А. Поповым фотографий я находил такие, которые в настоящее время оставались единственным свидетельством существования прекрасных произведений русской живописи и графики, так как неизвестно их местонахождение, а следы утрачены. На квартире Поповых я видел на стенах немало картин, пейзажей и портретов кисти старых русских мастеров. Наконец, я имел возможность рассмотреть то, что содержалось в различных альбомах и папках, а именно это и доставляло мне наибольшее удовлетворение.

Но едва ли не самым памятным для меня был один воскресный день, — хозяйка провела его дома, свободная от хождения в свой антикварный магазин, помещающийся напротив президентского Елисейского дворца в Париже. Сначала мы просмотрели фотографии ряда работ выдающихся русских художников, оригиналы которых были проданы в свое время А. А. Поповым, причем я узнавал имена некоторых покупателей, а затем хозяйка дома предложила мне ознакомиться с объемистой, большого формата папкой, сказав: «Сюда Александр Александрович вкладывал рисунки, приобретенные им в последние годы жизни». Открываю папку, беру в руки лист за листом, всматриваюсь в каждый из них, обязательно выясняю, нет ли надписей на оборотной стороне. Но содержимое папки производило унылое впечатление: просмотрев десятка три листов, ничего, кроме рисунков Каразина, Сведомского, Бакаловича, снова Каразина, Владимира Мановского, Трутовского, еще раз Сведомского, я не находил... Хотелось поскорее доглядеть эту папку, так как надежды увидеть в ней что-либо интересное у меня уже не было. Поэтому дальнейшие графические листы я рассматривал как-то машинально, почти не задерживаясь, чтобы приняться за просмотр других, быть может, более значительных по содержанию папок или альбомов. Но бегло обзрев лист, на котором был изображен не то ночлежный дом, не то казарма, и не задерживаясь, перейдя к следующему, я как-то инстинктивно вернулся к предыдущему листу. Стал внимательно его рассматривать, — ни подписи, ни даты, да и на оборотной стороне никаких пометок. И вдруг возникает мысль: «Да ведь это работа Шевченко!» То же впечатление и от следующего листа, хотя по сюжету он совершенно иной.

Даже самому трудно было разобраться и осознать, на чем основывается моя атрибуция. Конечно, не на том, что эти два листа были исполнены сепией — прозрачной акварельной краской коричневого цвета, которой любил работать Шевченко. Правда, я имел немалое представление о его графическом почерке вообще и о его работах сепией в частности, да и в моей коллекции к тому времени уже свыше трети века находились две сепии и три рисунка Шевченко, которые я приобрел еще в 1930-х годах. Главное же в моей интуитивной, но тем не менее категорической атрибуции заключалось в том, что чем больше я всматривался в эти листы, тем сильнее становилась уверенность и внутренняя убежденность в авторстве Шевченко.

Показав Б. Е. Поповой взволновавшие меня листы и сказав, что они, по-видимому, исполнены Тарасом Шевченко, я спросил ее, не называл ли Александр Александрович их автора. Но никаких разговоров по этому поводу она вспомнить не могла. И даже удивилась моему предположению. Сфотографировать оба листа она любезно разрешила. А спустя три месяца, когда готовился к отъезду из Парижа, я сказал ей, что мои парижские друзья, которым показал фотографии тех двух листов, готовы возместить ей их стоимость, чтобы подарить мне. На это она ответила, что в деньгах не нуждается и сама дарит мне эти сепии, к тому же будет рада, если моя атрибуция подтвердится. И прибавила: «Подарки люблю делать, ведь подарила же я Сергею Лифарю рисунок Пушкина и совсем не жалею об этом». Вот таким образом листы эти и вернулись на Родину.

Тогда же в Париже она передала мне машинописный экземпляр описания коллекции Поповых, сделанного их другом Александром Бенуа. Но в этом описании не было ни слова о работах Шевченко, и я уже начал сомневаться в своем предположении, — вряд ли, думалось, такой выдающийся искусствовед мог проглядеть эти сепии. Все же решил, что А. А. Попов приобрел их после того, как было составлено описание.

Нет ничего приятнее для исследователя, чем верное и полное раскрытие смысла и содержания найденного им произведения литературы или искусства, выяснение его происхождения или истории, точного установления имени автора, если оно оказалось неподписанным. Нужно ли говорить о том, как я был счастлив, когда мое предположение об авторстве Шевченко в отношении двух парижских листов полностью оправдалось. Более того, они оказа-

Т. Г. Шевченко. «Две малороссиянки». Публикуется впервые.

лись к тому же весьма примечательными. Но начну по порядку.

Вернувшись домой, я не имел возможности сразу ими заняться, но уже в следующем, 1967 году принялся за изучение литературы. Большую помощь в этом мне оказало четырехтомное, в пяти книгах, издание, посвященное публикации всех известных к тому времени созданий Шевченко — живописца, акварелиста, рисовальщика, графика, офортиста. Оно было выпущено в Киеве в 1961—1963 годах и озаглавлено «Тарас Шевченко. Мистецька спадщина» («Художественное наследство»). Этими томами завершалось десятилетнее собрание его произведений и писем. Издание в целом явилось важным событием в культурной жизни не только Советской Украины, но и всей нашей страны.

Принявшись за просмотр этого четырехтомника для того, чтобы выяснить, нет ли в нем каких-либо сведений о двух парижских сепиях, я, дойдя в третьем томе до 70-го листа, был обрадован: здесь под названием «Казарма» оказалась воспроизведенная первая из тех сепий. Правда, репродукция получилась весьма неудачной, так как она выполнена черной краской, которая не только плохо передала всю прелесть подлинника, но и начисто затемнила многие важнейшие его детали. Это вполне понятно, так как репродукция была сделана по фотографии, снятой еще в 1895 году в Вене. А в комментариях к данному воспроизведению сказано: «Местонахождение оригинала не установлено». Причем след его был, по-видимому, утерян давно, если в таком превосходном издании пришлось довольствоваться лишь плохой фотографией... Теперь все стало на свое место: значит, этот лист, возможно, еще в дореволюционное время был увезен за границу, где А. А. Попов в конце жизни и приобрел его.

В моих затем начавшихся разысканиях, при каких обстоятельствах была создана эта сепия, мне продолжал сопутствовать все тот же, по выражению Пушкина, «случай, бог изобретатель».

Прежде всего хочется отметить, что это одно из наиболее совершенных произведений чарующего художника. И вместе с тем оно глубоко автобиографично, являясь наглядным свидетельством того страшного окружения и нечеловечески изуродующих условий, в которых ему довелось прожить годы ссылки. С полным основанием исследователи датируют эту работу Шевченко 1856-м — первой половиной

1857 года, то есть последними месяцами его пребывания в этой «незапертой тюрьме» на положении солдата первого Оренбургского батальона в Новопетровском укреплении на Каспийском море. И хотя Шевченко, как мы знаем, было запрещено писать и рисовать, он все же имел возможность заниматься тем, в чем видел смысл своей жизни, так как в Новопетровском его непосредственное начальство смотрело на это сквозь пальцы. О скольких горьких переживаниях, скольких тяжелых страданиях и вместе с тем о каком беспросветном одиночестве повествуется в этой сепии языком изобразительного искусства! Даже в беллетристическом произведении или в мемуарном очерке нельзя было бы лучше, чем это сделано художником, поведать о тех тягчайших бытовых условиях, в которых великий поэт томился в солдатчине, да к тому же в глухой, отдаленной местности царской империи. Не зря говорится: «Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать».

Перед нами проходит как бы наяву то, что нередко происходило в вечерний час в затхлом бараке, где вместе с Шевченко обретались десятки измученных тяжелой долей солдат, мы видим тех, с кем ему пришлось годами жить под одной крышей.

На переднем плане нары, где вповалку спят полураздетые, прикрытые шинелями солдаты. Около нар огромные корявые сапожищи, бадейка для воды, под нарами сундучок на замке. Сверху, под потолком, на веревке сушится белье. Слева, на других нарах, дремлет пожилой солдат, освещенный лампой, а под ним такие же сапожищи.

Доминирующее место в сепии занимают участники пирушки. У одного из гуляк в правой руке большая штоф с водкой, левой он, видимо, заправляет оравой, вместе с ним во все горло распевая. Рядом с этим гулякой толстая женщина, которая тоже поет, явно надрываясь.

В глубине слева и в центре намечены фигуры солдат, составивших две группы. У них какие-то свои интересы, и они равнодушны к тем, кто пробавляется водкой и громоподобными песнями. Над этими солдатами, как и на переднем плане, колышутся веревки с мокрым бельем.

А справа у стены на переднем плане в тени Тарас Григорьевич Шевченко изобразил самого себя. Он примостился на скамейке у калитки с водой. Согнув в колене правую ногу, поднял ее вверх, охватив руками. А перед ним стоит мальчик, который держит его подарок —

бублик. Эта за душу берущая сценка в какой-то степени подчеркивает чувство глубочайшей тоски и печального одиночества, не покидавшее великого поэта даже среди многих людей его окружения в те долгие годы солдатчины. Уже в первых своих письмах из ссылки, чудом дошедших до адресатов и сохранившихся до нашего времени, самые теплые строки Шевченко уделяет киргизам. «...Здесь так много нового, — пишет он своему другу В. Н. Репниной, — киргизы так живописны, так оригинальны и наивны, сами прсятся под парандаш, и я одуреваю, когда смотрю на них». И далее: «...если бы мне можно рисовать, сколько бы я вам прислал новых и оригинальных рисунков. Но что делать! А смотреть и не рисовать — это такая мука, которую поймет один только истинный художник».

С большой сердечностью относился Тарас Григорьевич к местным детишкам, особенно к «байгушам» — так называли людей самого убогого материального достатка, у которых не было никакой собственности, — им нечем было жить и они занимались нищенством. А когда в Новопетровском укреплении у Шевченко появилась возможность рисовать, он, видимо, стал запечатлеть ребятшен-байгушей. Сохранилось около десяти сепий Шевченко, на которых мы их видим. Он с ними возился, шутил, делал скромные подарки, а дети ему позировали... Два таких листа являются перлами в творческом наследии художника, так как производят потрясающее впечатление. На одном из них Шевченко изобразил двух мальчишек-байгушей с собачкой, стоящих под раскрытым оном, из которого высовывается огромная рука с могучим кулаком, — то был, конечно, офицер, которому голодные детишки, зывавшие о подаании, помещали не то играть в карты, не то пить водку (истати, подлинник этой сепии находился в Польше, но до сих пор не отыскан). Не менее выразителен другой лист, где лицом к зрителю у открытых в какой-то дом дверей двое босоногих малышей жалобно просят милостыню, а на заднем плане стоит Шевченко, как бы сопровождающий их, да с таким суровым выражением лица, будто он ждет, откликнутся ли люди на просьбу нищих детишек.

Одного крохотного мальчика Тарас Григорьевич запечатлел на сепии, изображающей казарму. Этот мальчонка был для него в какой-то степени лучом света в той кромешной тьме, в которой сам тогда обретался. А глядя на голодного ребенка, поэт вполне мог сам предаться воспоминаниям о своем безрадостном детстве, когда он был собственностью помещика, в полной мере познав, что такое беспросветная и жестокая нищета, мог предаться думам, о которых еще в первый год ссылки писал своему приятелю Андрею Лизогубу: «...не плачу, но что-то худшее творится в моей душе».

Таково содержание сепии «Казарма», так можно «прочитать» ее подтекст.

Превосходно решено это произведение в художественном отношении. В одном листе Шевченко сумел передать с тем же блеском и кошмарный быт царской казармы, и тяжелый сон солдат, которых за малейшую провинность наказывали колотками, даже избивали до полусмерти шпицрутенами, и пьяное веселье тех же солдат, и свою тихую, печальную задумчивость... А как передана душная, затхлая и вместе с тем влажная атмосфера барака, в котором не только постоянно жить, но и час провести было нелегко. И если в картине П. А. Федотова «Анкор, еще анкор!» ярко отражен мрачный и тоскливый быт заурядного офицера в провинциальной глухомани времен Николая I, то вряд ли существует более выразительное, чем та сепия Шевченко, исполненное художественными средствами изображение солдатского быта в далекой русской провинции в те страшные десятилетия разгула деспотизма.

Остановившись на художественных достоинствах сепии «Казарма», необходимо отметить и то, как мастерски разработана здесь световая гамма. Это еще одно подтверждение нежной любви Шевченко к творческим достижениям Рембрандта, которого он считал лучшим живописцем, рисовальщиком и офортисмом всех эпох. Существует несколько статей, посвященных теме «Т. Г. Шевченко и Рембрандт», и все же представляется, что в полной мере она еще не исчерпана. В частности, найденный подлинник сепии «Казарма», безусловно, обогащает тех, кого эта тема заинтересует.

Глядя на репродукцию этой работы Шевченко, трудно себе представить, что ее размер всего лишь 19×27 сантиметров и что к тому же исполнена она средствами сепии, которые обычно представляются весьма скучными, ограниченными. Поневоле вспоминается крылатое слово В. В. Стасова, сказанное им об одном шедевре, — «портрет-картина», — в такой же степени о сепии «Казарма» можно сказать, что художник создал на этом небольшом листе картину незабываемой силы.

Выше уже говорилось, что эта работа была исполнена в последние месяцы пребывания Шевченко в ссылке. Не исключено, что сделал

он ее для того, чтобы сохранить для самого себя зримое воспоминание о том страшном подневольном десятилетии. «Спасите меня! Еще один год — и я погибну», — вырывается у него крик души в письме к другу. И снова Шевченко приходят на помощь хорошие русские люди, как то было, когда они выкупили его из крепостной зависимости. На этот раз вице-президент Академии художеств Ф. П. Толстой, который в молодые годы был весьма близок к декабристским кругам, его жена Анастасия Ивановна, замечательная русская женщина, конференц-секретарь той же академии В. И. Григорьевич почти два года усиленно хлопотали, покуда не добились освобождения Шевченко в августе 1857 года от солдатчины, а затем и разрешения ему жить в столице, куда он приехал в марте следующего года. Благодаря их заботам Тарас Григорьевич смог поселиться в здании Академии художеств.

Какую же судьбу обрела в дальнейшем сепия «Казарма»? Удача, как я уже говорил, не ограничилась счастливой находкой этого листа, — ценные сведения о его последующей истории после возвращения поэта в 1858 году в Петербург оказались в мемуарной литературе.

В февральской книге журнала «Нивская старина» за 1885 год было напечатано «Воспоминание о Т. Г. Шевченко его случайного ученика», написанное Б. Г. Сухановым-Подколзиным. В петербургской квартире его матери, богатой помещицы, по-видимому, рано овдовевшей, собирались с конца 50-х годов люди литературы и искусства. Мемуарист вспоминает, что у них бывали И. С. Тургенев, Я. П. Полонский, А. Н. Майков и Н. Ф. Щербина, художники И. К. Айвазовский и П. П. Соколов, скульптор Н. С. Пименов. С Тарасом Григорьевичем Н. Б. Суханова-Подколзина увиделась в первые же недели по его приезде из ссылки в Петербург. Произошло это в доме Ф. П. Толстого, с семьей которого была хорошо знакома. Рассказывая о своих встречах с Шевченко, Я. П. Полонский говорит, что они часто бывали у Сухановой. Отношения между нею и Шевченко были дружескими. Это явствует, в частности, из двух их записок, обращенных друг к другу. Вот текст записки Тараса Григорьевича, датированной 4 мая 1859 года: «И вчера не мог и сегодня не могу насладиться вашим лицемерием, всемирнейшей Наталией Борисовна. В субботу вечером непременно буду вас лично благодарить за фотографию, которые вы вручите сегодня вручительно сей неуклюжей и притом лаконической записки. Искренний ваш Т. Шевченко».

На обороте: «Высокоблагородной Наталии Борисовне Сухановой В большой Конюшенной Дом Мятлево».

Записка Сухановой и Шевченко даты не имеет, но предположительно ее отослал в 1860 году: «Приезжала сама к вам, недобрый земляк, просить вас завтра вечером на вареники. Если не приедете, значит, окончательно забыли меня или сердитесь. Н. Суханова».

Шевченко было приятно навещать свою землячку потому, что он встречал там радушие, виделся с интересными людьми, — кроме того, его не могло не радовать и то, что слуги Сухановой, украинские крестьяне, относились к нему с глубоким почитанием. А для того, чтобы как-то материально помочь Шевченко, а предложить ему денег никто не решился бы, Наталия Борисовна попросила давать уроки рисования ее старшему сыну, тому самому, что спустя четверть века написал воспоминания о нем. Весьма возможно, что вскоре после их знакомства в 1858 году Тарас Григорьевич исполнил портрет Сухановой, но сведений о его существовании нет. Зато сохранились два исполненных в 1858 году рисунка, изображающих Бориса Суханова, будущего мемуариста (один из них хранится в Государственном музее Т. Г. Шевченко в Киеве, другой — в коллекции Ю. В. Идашкина в Москве). Тогда же Шевченко нарисовал его младшего брата, — местонахождение этого портрета неизвестно.

Любопытны страницы воспоминаний Б. Г. Суханова о том, как Шевченко учил его рисовать, о бытовых условиях, в которых проходила жизнь Тараса Григорьевича в Академии художеств, как он рассказывал о своей солдатской жизни в далекой степи... Мемуарист пишет о том, как Шевченко показывал ему свои рисунки, один из которых «представлял подкутивших купчиков, жарящих яичницу на горящих кредитных бумажки», — лист этот до нашего времени не дошел. А получив довольно объемистый портфель со своими бумагами и рисунками, остававшийся где-то с давних пор на сохранении, Шевченко, обнаружив в нем акварельный эскиз Карла Брюллова, подарил этот лист, по словам Бориса Суханова, ему.

В тех же воспоминаниях говорится об огромном интересе Шевченко к Рембрандту. Вот эти строки: «В ту зиму, когда мне впервые пришлось ездить к Тарасу Григорьевичу, он начал заниматься офортными... работами; причем он избрал себе в руководители и настав-

ники величайшего мастера этого дела — Рембрандта и усердно копировал его неподражаемые рисунки. Бывало так, что мое рисование прерывалось предложением идти вместе в академическую библиотеку, Эрмитаж или к кому-либо из коллекционеров, чтобы посмотреть какой-нибудь невиданный еще рембрандтовский офорт».

Наконец, весьма примечательно то, что Б. Суханов сообщает о сепии «Казарма». Ежегодно на лето, как пишет мемуарист, их семья уезжала в деревню или за границу, а по возвращении в Петербург его занятия у Шевченко возобновлялись. Но осенью 1860 года они прекратились. «Вернувшись из путешествия», — продолжает Б. Суханов, — я не был более посылаем к Тарасу Григорьевичу, так как между ним и моей матушкой произошла размолвка. А ее причину он объяснил так: «Дело было следующее. В самом начале их знакомства чем-то растроганный Шевченко подарил моей матушке рисунок, сделанный тушкой и изображавший его самого в казарме, ночью, во время солдатской попойки, угощающим кренделем маленького киргизенка. Кроме действительно художественного достоинства (дивно передана пустая, дымная атмосфера казармы), этот рисунок особенно интересен тем, что, по словам самого художника, это была первая его попытка снова принятая за рисование после долгого запрета прикасаться к перьям, карандашам и прочим письменным и рисовальным принадлежностям. История добычи куска туши, сооружение кисточки, само рисование втихомолку и украдкой — все это составляло ряд интереснейших эпизодов из жизни ссыльного поэта и придавало этой вещице особенную, если можно так выразиться, святую ценность».

Далее мемуарист сообщает: «Прошло года два со дня поднесения рисунка, Тарас Григорьевич приходил в дом наш запросто, обещал, просиживал вечера и положительно считался своим, домашним, всеми любимым человеком. Крепко установавшиеся, по-видимому, добрые отношения прервались совершенно внезапно. Однажды Шевченко попросил отдать ему некогда подаренный им рисунок, говоря, что он ему нужен для снятия с него фотографического снимка. При этом он так конфузился и путался в словах, что матушка, не желая обидеть его прямым отказом <...>, решилась прежде, чем исполнить его желание, спросить у профессора Пименова (общего их друга) объяснение загадки, покуда же она ограничилась уклончивым ответом. Пименов решительно посоветовал матушке рисунка Шевченко не отдавать, так как, по его словам, Тарас Григорьевич часто высказывал сожаление по поводу легкомыслия, с которым он расстался с ним. Кроме того, матушка уклонилась от исполнения просьбы Шевченко и под тем еще предлогом, что альбом, в котором между прочим был вклеен злополучный рисунок, настолько объемист и ценен, что поручать его незнакомому фотографу она не решалась; она известила поэта, что сама ответит альбом и известному в то время фотографу Робильяру, который лучше всякого другого делает снимки, причем обойдется с самим альбомом бережно, не попортит и не запачкает его. По получении этого ответа между Тарасом Григорьевичем и моей матерью возникла перепишка, с обоюдным обменом колкостей, после которых он перестал у нас бывать. Как ни старалась впоследствии моя матушка возобновить дружеские отношения, Тарас Григорьевич не поддавался никаким увещаниям, и все старания общих друзей устроить примирение остались без результата».

Восторженно оценил в своих воспоминаниях этот шевченковский шедевр поэт Я. П. Полонский. Вот что он сообщает о нем: «Лучший из рисунков Шевченко, который я видел (внутренность солдатской казармы: нары, печь, полки, развешанное белье и между группами солдат его собственная фигура), находился в альбоме Наталии Борисовны Сухановой. Наталия Борисовна (харьковская помещица) была одною из почитательниц его музыки, часто приглашала его и себе, угощала его ужинами и шампанским, и, несмотря на свой аристократизм, гордилась его знакомством: нередко покупала его рисунки для своих альбомов — и все-таки в конце концов с ним посордилась. Шевченко почему-то стал просить ее дать ему на время вышеупомянутый рисунок (вероятно, для того, чтобы снять с него копию), — просил лично, просил письменно, но г-жа Суханова решительно отказалась вынимать из альбома его рисунок. Боялась ли она, что Шевченко по рассеянности его не возвратит ей, или не хотела, чтоб с этого рисунка была сделана копия, — не знаю. Знаю только, что Шевченко был взбешен, причем выбрал ее всеми елиновозможными непечатными выражениями и перестал навещать ее».

Мемуарные записки Б. Г. Суханова и Я. П. Полонского могут служить авторитетнейшими свидетельствами о том, что Шевченко очень дорожил этим своим произведением.

Публикуя воспоминания Я. П. Полонского в качестве приложения к отдельному изданию «Кобзаря» на языке оригинала, выпущенному в 1876 году в Праге, М. К. Чалый, знакомый и

биограф Шевченко, сделал к последней нами приведенной фразе из тех воспоминаний такое примечание (даем в переводе с украинского): «Нам доводилось слышать про эту же барыню, что она после смерти Шевченко сразу прибежала на его квартиру и раньше всех принесла огромный букет цветов».

Хорошо знавший Шевченко делопроизводитель Академии художеств А. А. Благовещенский в своих воспоминаниях, опубликованных в июньском номере журнала «Исторический вестник» за 1896 год, сообщает иную версию о том, как эта сепия попала к Н. Б. Сухановой. Имея ее в виду, он писал: «В последние годы, как и всегда, Тарас Григорьевич нуждался в деньгах и за бесценно продавал свои рисунки. Незадолго перед смертью он, например, продал одной помещице С-ой за 75 рублей четыре большие рисунка (сепии), воспроизводившие казарменные сцены, пережитые в Новопетровском укреплении».

Действительно ли имелись четыре сепии Шевченко на темы казарменной жизни в Новопетровском, сказать нельзя из-за отсутствия точных данных, но это вполне могло быть. Среди же тех его сепий, что сохранились, только в одной — «Кара колодкою» — запечатлена казарма, но всего лишь в виде фона в перспективе, и опять-таки с изображением автопортрета. К тому же происходил этот лист из другой коллекции и явно не имеет отношения к тому, чем владела Н. Б. Суханова. Доподлинно же известно, что польская художница Елена Скирмунт приобрела в 1857 году у Бронислава Залесского, близкого друга Шевченко, сепию «Сцена в казарме» и была ею восхищена (об этом сообщал Залесский в письме к Тарасу Григорьевичу от 15 сентября 1857 года). Но теперь следы этой сепии затерялись.

Таким образом лист «Казарма», принадлежавший Н. Б. Сухановой, является единственной дошедшей до нашего времени сепией Шевченко на эту тему, из числа, по-видимому, нескольких, когда-то существовавших. К тому же этот лист примечателен не только тем, что он сугубо автобиографичен, так как возвращает нас к страшным годам ссылки великого поэта, — ведь поразительна и дальнейшая история сепии, рассказанная Борисом Сухановым.

Остается добавить, что в тех же воспоминаниях он говорит о том, что, кроме «Казармы», у него сохранились еще три произведения Тараса Григорьевича: «Портрет меньшого моего брата, простым карандашом, помечен 1858 годом», а также «очень тщательно исполненная меньшая сепия, изображающая мать, стоящую на коленях и молящуюся пред колыбелью спящего ребенка». (Нынешнее местонахождение этих двух работ неизвестно.)

Жаль, что этот лист до нас не дошел, — ведь то была автоиллюстрация к стихотворной строфе:

У нашім раї на землі
Нічого кращого немає,
Як тая мати молодая
З своїм дитятком малим.

Зато четвертый лист, находившийся у этого мемуариста, и оказался тем самым, что вместе с «Казармой» лежал в папке А. А. Попова. В воспоминаниях Б. Г. Суханова этот лист обозначен так: «Большая сепия: две малороссиянки, стоящие с коромами под вербами, вдали сидит кобзарь».

Принявшись за изучение этого листа, в первую очередь, естественно, я обратился к тому же капитальному изданию «Тарас Шевченко. Мистецька спадщина». Здесь в конце последнего тома в разделе «Ненайденные произведения» приведена фраза, сказанная о ней Б. Г. Сухановым (в конце предыдущего абзаца мною процитированная). Кроме того, в этом разделе по поводу той сепии приводятся строки из описи произведений Шевченко, составленной после его кончины художником Григорием Честоховским: «Две малороссиянки идут садочком, одна воду несет, другая рядом идет и пучок цветов в руках несет (рисовал сепией на бумаге с казачки Соколяны кобзарь Шевченко в Петербурге по возвращении из Оренбурга). Оригинал у г-жи Сухановой, натурщицею была казачка Одарочка Соколяна из Славгорода» (в подлиннике по-украински). Речь идет об Одарке Соколенко, крепостной девушке, позировавшей Шевченко и для его сепии «Русалка».

Творческая история листа «Две малороссиянки» представляется следующим образом. Тоска по родной стороне, на протяжении десяти лет ссылки ни на один день не покидавшая Шев-

ченко, была в какой-то степени скрашена по приезде в столицу встречами с земляками, в том числе выходцами из простого народа. Они имелись среди слуг Н. Б. Сухановой. А среди крепостных помещика Ельницына, подолгу жившего в Петербурге, были две девушки — сестры Соколенко, которых Тарас Григорьевич и запечатлел на том листе в национальных нарядах. Но это был завершающий этап его работы над данным сюжетом, так как ему предшествовали эскизы — рисунки карандашом, пером и тушью, послужившие, в свою очередь, основой для двух офортов. Исполнено же все это было, по-видимому, на протяжении мая 1858 года. Тогда же или немного позже Шевченко создал ту «большую сепию» (ее размер 37,2x28,4 сантиметра), что хранилась в семье Сухановых, а спустя сто с лишним лет после ее создания обнаружилась в Париже и впервые воспроизводится лишь теперь, в настоящем номере «Огонька».

Перейдем к художественному анализу этого листа. Прежде всего хочется отметить, что сепия производит впечатление законченного и масштабного полотна. При этом художник не гонится за салонными образцами красоты, — его привлекает идеал народный, чарующий своей непосредственностью, здоровьем. Шевченко превосходно передал национальный характер «дивчины», их душевность, природную обаятельность. И какие это на редкость жизненные типы! Вместе с тем каждая из украиночек предстает перед нами с присущим ей характером. И если в первой, смотрящей на зрителя, чувствуется затеянная веселость, лукавство, к тому же она остра на язык, — так и гляди, огреет какой-нибудь веселой фразой, то вторая — мечтательница, она вся в думах, переживаниях. С доброй улыбкой художник относится к народному обычаю просто и поэтично украшать себя полевыми цветами, укрепленными лентой в прическу. Девушки даны на фоне типично украинского пейзажа, столь дорогого сердцу художника, — в центре вербы, слева видна хата, справа в глубине сидит на земле и играет слепой бандурист, а мальчик-поводырь ему вторит на волынке. Девушки внимают музыкантам и как бы заслушались песнями, в которых прославляется их родина, ее радости и доблесть сынов, — замечательные человеческие чувства!..

Хочется подчеркнуть и то, что в этом листе ощущается большое знание материала сепии, ее художественной выразительности. С каким умением Шевченко извлекает многогранный свет из этого, казалось бы, однообразного коричневого тона. И как живописно фигуры девушек изображены в различных градациях света. О мастерстве художника свидетельствует и пластическая выразительность этой работы, в которой он так свободно владеет крупными массами, плавно текущими линиями, четкими соотношениями светлого и темного. Мы уже знаем, что Шевченко, упорно работая над этим сюжетом, исполнил эскизы-рисунки, офорты. Но все же, думается, они не идут в сравнение с этой сепией, которая во многом превосходит их по качеству и пленяет своей законченностью.

Таковы полюбоившиеся мне сепии Шевченко «Казарма» и «Две малороссиянки», — ведь встреча в Париже с этими его произведениями была для меня такой неожиданной и такой радостной.

Наконец, последнее. Конечно, очень хотелось выяснить, каким образом эти два превосходных художнических творения Тараса Григорьевича Шевченко оказались за рубежом. Но мои поиски не дали положительных результатов. И лишь когда нежданно-негаданно получила в подарок вышедшую в 1911 году в Петербурге «Памятную книжку лицейстов», все стало на свое место. Дойдя до перечня лицейстов LXII курса выпуска 1906 года, я на 175-й странице прочитал: «Суханов-Подколзин Гавриил Борисович (IX кл.), тит<улярный> сов<етник>, был причислен к Государственной канцелярии; умер в Уши, близ Лозанны 7 ноября 1906 года». Это, несомненно, сын Бориса Гавриловича Суханова-Подколзина, учившегося рисованию у Шевченко, который исполнял портреты этого юноши, в дальнейшем написавшего выше цитируемые воспоминания о великом поэте и замечательном художнике. Уезжая в Швейцарию, сын Бориса Суханова мог взять с собой работы Шевченко, находившиеся в их семье. Поэтому возможно, что за рубежом обретаются еще какие-либо его художнические произведения, вывезенные Гавриилом Сухановым.

(Окончание следует.)

ДВА

«КОБЗАРЯ»

У этих удивительных книг непростая судьба. Одна из них — малютка, каждый лист — пять сантиметров на шесть, толщина книжечки (хочется ее назвать томиком) — восемь (!) миллиметров. Страниц в томике — сто шестьдесят! Тираж 21 000. Таков «Кобзарь» Тараса Шевченко, изданный на украинском языке в Кракове в 1940 году, то есть в то время, когда Польша уже была захвачена гитлеровцами. В коротеньком вступлении сказано: «Этот «Кобзарь», возможно, самый маленький из всех, которые вышли до сих пор, во всяком случае, он значительно меньше женевского издания 1872 года».

Краковский «Кобзарь» приурочен к знаменательной дате — столетию со времени выхода в свет самой первой книжки поэта и в точности ее повторяет.

Как же оказался у меня краковский «Кобзарь»? Вспоминается январь сорок пятого года. Освобождена от фашистов Варшава. Путь отступления противнику перерезают 2-я гвардейская танковая армия и 5-я ударная армия, в которой служил я. Сырой январский рассвет застал меня на окраине небольшого городка Жирардув. Эх, поймать бы попутную машину — третьи сутки на ногах, без сна. В ближнем доме открылась дверь. Пожилой мужчина всмотрелся и обрадованно произнес:

— Червоный жолне! Прошу пана!
Хозяин угостил меня чаем (извинился: сахара нет), свежим (в январе-то!) яблоком. Я поблагодарил поляка и поднялся. На прощание он подарил мне крошечный томик «Кобзаря». Меня сразу заинтересовало: издан уже во время войны. И как попал он сюда? Попал «Кобзарь» в Жирардув из Кракова очень просто: там в типографии работал наборщиком старший брат моего гостеприимного хозяина.

А недавно встретился мне второй «Кобзарь» — не менее удивительный. Желтая, невысокого качества бумага, мягкая обложка — сразу видно — в нелегкое время печаталась книга. На обложке над портретом Т. Шевченко надпись: «Смерть немецким оккупантам!» В 1942 году, в суровое и грозное время, вышла эта книга, изданная Союзом советских писателей Украины. Редакторы-составители — выдающиеся украинские писатели Максим Рыльский и Натан Рыбак. Это, конечно, очень редкая книга. «Кобзарь» сразу же был отпущен на фронт, так как печатался по многочисленным просьбам красноармейцев. В предисловии к изданию, выразительно названному «Гнев Шевченка», Павло Тычина писал: «В наши героические дни отечественной войны творчество Тараса Шевченка приобретает особо важный характер: патриотизм поэта, его ненависть к врагам из восьмидесятилетней давности излучает на нас такие яркие снопы света, что мы не можем глаз своих оторвать от их могущества и блеска... Гневное слово Тараса помогает нам сегодня и духовным оружием в борьбе против жестоких поработителей. И мы, вместе со своим поэтом, еще громче поднимем клич боевой: «Нехай ворог гине!»

Много выпущено книг Т. Г. Шевченко, но эти действительно уникальные.

Вл. РУДИМ

ЖЕРТВА БЕРМУДСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА

Николай ЕЛИН,
Владимир КАШАЕВ

СПОРТИВНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА

Содержание предыдущих глав

Пролетающий над Бермудским треугольником самолет неожиданно терпит аварию и вместе с пассажирами таинственным образом оказывается в антимире. Руководство одной из футбольных команд антимира, узнав, что среди пассажиров находится футболист Олег Ящиков, договаривается с ним о его зачислении в команду «Антилопа». Ящиков с удивлением узнает, что футболу антимира присущи проблемы, прямо противоположные тем, к которым он привык: засилье наступательных построений, проблема своего поля, воинствующая вежливость соперников... Едва освоившись, Олег вступает с этими тенденциями в решительную и безуспешную борьбу. Авторитет Ящикова в антимире растет. Его переманивает к себе команда «Антибиотик»...

ДВОЙНАЯ ПОГОНЯ

Ночь была черная, как душа негодяя. Часы показывали без десяти три. Ящиков в последний раз оглядел свою комнату, где прошел целый месяц его жизни. Кажется, все в порядке, ничего не забыто. Краны он завернул, газ выключил, квартплату получил за месяц вперед. Больше ничто его не задерживало. Олег подхватил уложенный еще с вечера чемодан и выпрыгнул в окно.

В целях конспирации машина должна была ждать на соседней улице. Ящиков осторожно огляделся и, не заметив ничего подозрительного, взвалил чемодан на плечо и заспешил к условленному месту. До цели оставалось уже совсем недалеко, когда из неосвещенного подъезда выскочил какой-то лысый тип и с воплем метнулся ему наперерез. В одной руке он держал карандаш и несколько листов бумаги, в другой — домашние тапочки. Одет он был просто — единственный его наряд составляли длинные, до коленей, сиреневые трусы, которые он на бегу придерживал локтем.

В Олеге вскипела неподдельная ярость. Не говоря ни слова, он приблизился к незнакомцу, развернулся — и бросился бежать.

«И куда только милиция смотрит! — раздраженно думал Ящиков на бегу, стараясь, чтобы чемодан на его плече не слишком наезжал на голову. — Хулиганов, как мух, развелось, и никому дела нет! Если только мне сегодня удастся удрать, запишусь в народную дружину...»

Тем временем лысый, набирая скорость, бросился за ним.

— Эй, стойте, куда вы! Стой, тебе говорят! Остановись!

— Сейчас, как же! — язвительно буркнул Олег. — Так я тебе и остановился, держи карман!

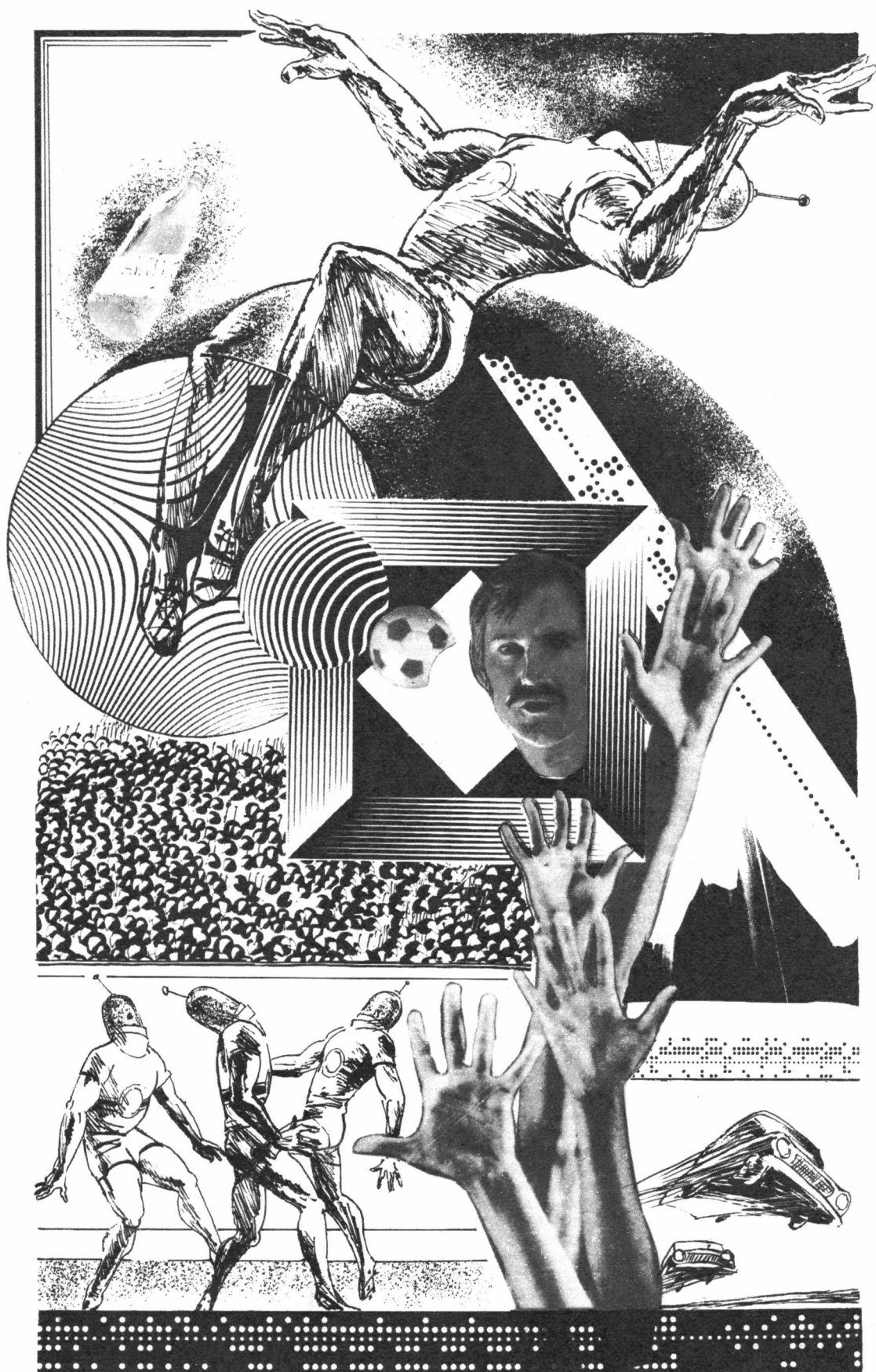
Почувствовав, что человек в трусах его догоняет, Ящиков сбросил в кусты чемодан и помчался налегке. Теперь он вырвался вперед метров на тридцать. Однако преследователь, увидев, что ситуация изменилась не в его пользу, отшвырнул тапочки и понесся за Олегом с одними лишь письменными принадлежностями в руках. Расстояние снова сократилось до минимума.

«Вот черт непричесанный! — неприязненно подумал Ящиков. — Только этого еще не доставало! Сейчас он мне импортную бумагу будет навязывать!»

От этой мысли в нем проснулась такая злость, что он обернулся на бегу и крикнул прямо в лицо своему преследователю:

— Бросьте бумагу! Не смейте унижать подкачками мое человеческое достоинство!

Это было его роковой ошибкой. Преследователь воспользовался секундной заминкой, резким прыжком настиг Ящикова и ухватил его за пиджак. Поняв, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, Олег остановился

и на всякий случай по-солдатски вытянулся «во фронт».

— Эврика! — заорал незнакомец в самое ухо Ящикова. — Эврика!

— Очень приятно, — вежливо протянул руку Олег. — Ящиков. Сердечно рад познакомиться... В торговой сети служите?

— Я?! — удивился человек в трусах. — С чего вы взяли? Я ученый, автор многих выдающихся изобретений. Может, слышали такую фамилию — Антимухин?

— Много раз! — не раздумывая, соврал Ящиков. — Над чем сейчас работаете?

— Можете меня поздравить, молодой человек! — торжественным голосом произнес Антимухин. — Я только что сделал величайшее закрытие нашей эпохи, о котором должен немедленно сообщить людям. Еле догнал вас. Вы будете первым, кто узнает об этом. Знайте, что я полчаса назад закрыл закон Архимеда! Помните, тот самый — о теле, погруженном в жидкость?

— Помню, помню, — быстро согласился Олег. — Душевно поздравляю! Долго работали над своим... э-э... закрытием?

— Совсем нет! — торжественно воскликнул изобретатель. — Это пришло неожиданно, как озарение! Я мылся в ванне, намылил спину — и вдруг меня осенило. Ведь этот закон совершенно не нужен! Он морально устарел, не созвучен эпохе. Вот здесь у меня неопровержимые доказательства! — Он потряс в воздухе бумажными листками, густо испещренными записями. — Если хотите, можете познакомиться. Как все гениальное, это очень просто.

— Извините, сейчас не могу, — возразил приободрившийся Ящиков, который наконец понял, что унижать подкачки его сегодня не будут. — Как-нибудь в другой раз. Сегодня очень спешу.

— Жаль! — искренне огорчился Антимухин. — Тогда заходите завтра. Я буду вас ждать и все подробно объясню. Вы увидите, какое это замечательное закрытие. Придете?

— Обязательно, — кивнул Олег и снова пожал изобретателю мокрую руку. — Физкультуриваете!

— Одну минуточку! — остановил его изобретатель. — Я же не оставил вам адреса!

Он оторвал клочок бумаги, нацарапал на нем несколько слов и сунул в карман Олегу.

— Вот. Можете прийти с друзьями. Им будет интересно.

— Мы придем всей командой, — пообещал Ящиков и, брезгливо вытерев руку о полу пиджака, отправился на поиски своего чемодана.

...Через десять минут Олег уже подходил к условленному месту. Машина ждала его с включенным мотором и погашенными фарами. Ящиков устало плюхнулся на заднее сиденье, захлопнул дверцу и нервно сказал:

— Гони, шеф!

Автомобиль взревел и рванул с места. Но не успел он проехать и двухсот метров, как откуда-то из-за угла вынырнул большой черный лимузин с фигуркой антилопы на радиаторе. Лимузин лихо развернулся и, словно голодная пантера, стремительно понесся за ускользающей добычей.

— Быстрее, шеф, быстрее! — ерзая на сиденье, нервничал Ящиков. — Если они нас догонят, все пропало! Добром «Антилопа» меня не отпустит...

Они промчались под «кирпичом», свернули направо и проходными дворами выехали на кривую темную улицу. Но лимузин уже поджидал их там, развернувшись поперек мостовой. Они дали задний ход, проехали через сквер.

Через полчаса все было кончено. Несмотря на все ухищрения преследуемых, лимузин загнал их в тупик и прижался к машине боком, намереваясь взять ее на бордаж. Олег закрыл глаза, сполз под сиденье и приготовился к самому худшему.

Через несколько секунд дверца открылась, и радостный голос Бантикова возвестил:

— Ребята, сюда! Он здесь!

Сильные руки подняли Ящикова, бережно стряхнули с него прилипший мусор и поставили на тротуар.

— Что ж ты, чудак-человек, нам ничего не сказал! — укоризненно покачал головой Пантелей. — Ох, погубит тебя твоя скромность...

Мы в самый последний момент узнали, еле успели вас догнать...

Он открыл портфель и вытащил оттуда объемистый сверток.

— На вот, пирожки тебе на дорогу. Жена Антея Антипыча пекла. Ты уж извини, они подгорели немножко. Все ведь в спешке делали. Не знали даже, какие ты больше любишь: с рисом или с капустой. На всякий случай и тех и других положили...

— А вот тут огурчики малосольные, — протянул трехлитровый баллон Кондратьев. — Всей командой солили...

— Погоди ты с огурчиками! — перебил Бантиков. — А то главное забудем. Держи, Олег...

Он протянул Ящикову перевязанный розовой ленточкой пакет.

— Мы тут с ребятами посоветовались и решили подарить тебе комплект формы нашей «Антилопы». А то когда-то тебе в «Антибиотике» выдадут! Или вдруг у них не найдется нужного размера... Всякое может случиться. Так ты первое время нашу поноси, пока все, что нужно, подготовят...

— Там за тобой инвентарь кое-какой числится, — сказал капитан. — Так ты не думай об этом, езжай спокойно. Я его на себя переписал...

Ящиков долго стоял молча, уставясь на свертки неподвижным взглядом. Наконец в носу у него зачекотало. Он открыл рот, намереваясь что-то сказать, но в этот миг, заглушая дебаты мелодичным тараканием, к нему подлетел моточик, и запыленный Антей Антипыч, сняв шлем и достав из него сложенную вчетверо бумажку, протянул ее Олегу.

— Вот, спрячь подальше. Это ходатайство от нашей команды в федерацию футбола, чтобы они тебе разрешили за «Антибиотик» играть. Мы тут упираем на то, что у них там воспитательная работа лучше поставлена и твой талант там полной раскроется...

Он вытер платком вспотевший лоб и удовлетворенно улыбнулся:

— Уф, еле успел у Антимоньева печать поставить. Пришлось его с постели поднимать... Ну, не будем больше тебя задерживать. Езжай скорей. Там ждут тебя твои новые товарищи!

И он нежно, по-отцовски троекратно облобызал Олега.

ЯЩИКОВ ОСВАИВАЕТ ГЕКЗАМЕТР

В команде «Антибиотик» все были студентами. Человек десять учились в медицинском, остальные изучали античное искусство. После того, как Ящиков гордо отверг услуги влезшего к нему через окно хирурга, о медицине он не желал и слышать. Пришлось посвятить себя античности. К глубокому удовлетворению Олега, изучать ее оказалось значительно проще, чем он думал. Ему выдали на дом магнитофон с кассетами и попросили перед тем, как он ляжет спать, поставить одну из кассет и оставить магнитофон включенным. К утру содержание кассеты мертво застревало в голове. Этот метод назывался гипнопедией и давал в антимире очень неплохие результаты.

После трех ночей Ящиков почувствовал в голове какую-то холодноватую тяжесть. Почему-то хотелось опохмелиться, хотя абсолютно никаких оснований для этого не было. Помявшись с полчаса, Олег надел галстук и пошел к Антипиру Анатолевичу.

У тренера было подавленное настроение. Увидев Ящикова, он усадил его в кресло и принялся жаловаться на судьбу.

— Плохо мне, Антиох! Очень плохо! Просто места себе не нахожу. Понимаешь, завтра у нас самый главный матч сезона. Завтра должно решиться: займем мы опять последнее место или поднимемся на две ступеньки выше. И надо ж такому быть: именно в этот момент у нашего лучшего нападающего, у нашей, можно сказать, надежды — Антиресова — случился приступ «звездной болезни»!

— Ну да? — не поверил Олег. — У этого скромняги — и вдруг «звездная болезнь»?

— Именно что скромняга! — согласился тренер. — Приходит позавчера ко мне и заявляет, что у него слабая техника и что он недостойн выступать в основном составе!

— Во дает! — удивился Ящиков. — Ну, и что же он думает делать?

— Сказал, что пока не ликвидирует свое отставание, играть не будет, чтобы не позорить команду! И стал тренироваться по ночам. Освещение выключат, так он при звездах тренируется, технику отрабатывает. А днем в библиотеках пропадает, изучает теорию! Как тебе это нравится?

— Да, тяжелый случай, — согласился Олег. — А может, с ним того... по душам поговорить?

— Да я уж несколько раз пытался, — безнадежно махнул рукой Антипирин Анатолевиич. — Но он слушать ничего не хочет. Уперся на своем — и все тут. И не желает подумать, каково мне-то! Ведь мы уж и без того три года подряд последнее место занимаем...

— Три года! — присвистнул Ящиков. — И вас до сих пор не сняли с работы?!

— Наоборот, — вздохнул тренер. — Три раза оклад повышали. Чтоб мне легче работать было. Думали, может, я получаю мало, поэтому у меня дело не ладится. Квартирные условия улучшили. Телевизор цветной подарили. В общем, поддерживали, как могли. Но увы... Все напрасно! И вот теперь, когда у нас был такой грандиозный шанс уйти с последнего места, произошла эта нелепая случайность. Теперь завтрашний матч нам наверняка не выиграть. Значит, опять все сначала начнется: прибавят снова оклад, путевку в лучший санаторий дадут... Эх, несчастный я человек!..

— М-да, — задумчиво произнес Олег. — Жизнь, я смотрю, у вас тут не сладкая... Водка — и та «антабусовка». Разве ж это удовольствие? Выпьешь — и начинаешь: «Простите, извините...» Тьфу! Срам! Сам себе делаешь противен!

Они помолчали. Наконец Антипирин Анатолевиич встал, прошелся по комнате из угла в угол и мечтательно сказал:

— Нам бы завтра хоть один гол забить...

Олег хмыкнул, почесал в затылке и вдруг, неожиданно для самого себя, слегка завывая, обнадежил тренера классическим гекзаметром:

— Ладно, не дрейфь ты, о трижды судьбою облаканный батя! Что-нибудь к завтраму нам милосердные боги позволят придумать...

ЕЩЕ ОДНО ВЕЛИКОЕ ЗАКРЫТИЕ

Остаток дня Ящиков провел в размышлениях. Он энергично расхаживал по комнате из угла в угол, сосредоточенно хмурил лоб, яростно скреб затылок, но, несмотря на форсированную мозговую деятельность, ничего путного придумать не мог. Тут нужна была какая-то свежая идея, позволяющая раздвинуть рамки человеческих возможностей, во всяком случае, возможностей Ящикова. Почти отчаявшись, Олег машинально сунул руки в карманы и вдруг нащупал в одном из них мятый клочок бумаги. Это был адрес изобретателя Антимухина. Сначала Ящиков в раздражении хотел выбросить его в форточку, но неожиданно в его голове мелькнула мысль. Она показалась своему хозяину настолько любопытной, что он отряхнул замурзанный листок от прилипших к нему крошек, бережно разгладил пальцем и, переложив в другой карман, отправился в гости к легкому на ногу автору выдающихся закрытий.

...Антимухин обрадовался Олегу, как любимому ученику. На этот раз он был одет более по-европейски, что произвело на Ящикова положительное впечатление.

— Ах, это вы! — засуетился изобретатель вокруг гостя. — Очень рад! Очень рад! Вы пришли узнать подробности моего нового закрытия? С удовольствием приведу вам свои выводы и доказательства! Уверен, что они убедят вас в моей правоте.

Он провел Олега в комнату, усадил в кожаное кресло и принялся застилать стол белоснежной скатертью.

— Да вы не хлопочите, — заметил Ящиков. — Я ничего не хочу. Я к вам ненадолго...

— Нет-нет, — возразил хозяин. — Уж раз пришли, то подчиняйтесь. — И он эффектно взмахнул рукой: — Прошу к столу!.. Или прежде хотите руки помыть?

— Ничего, я недавно мыл, — сказал Олег, подсаживаясь к столу.

— Ну, как знаете, — согласился хозяин. — Тогда начнем, пожалуй... — Он достал из шкафа и разложил на столе перед гостем пухлые

потрепанные папки.— Вот здесь вся моя научная деятельность. Основные закрытия, материалы дискуссий, переписка...

— Ого!— опешил Олег.— Вот это я понимаю! Вы, я вижу, большой ученый... Скажите, а много уходит времени на то, чтобы закрыть что-нибудь? Закон там какой-нибудь или правило?

— Много,— покачал головой Антимухин.— Очень много! Вы даже представить себе не можете, сколько рогаток на пути настоящего ученого! Поверите, порой легче сделать какое-нибудь важное закрытие, чем внедрить его в жизнь!.. Вот взята хотя бы это...

Он открыл одну из папок, достал оттуда несколько бумажек и протянул Ящикову.

— Можете убедиться сами. Тут вся история одного из моих закрытий.

Он задумчиво провел рукой по лысой голове и добавил:

— Волосы дыбом становятся, когда вспомнишь, сколько мне пришлось из-за этого вынести...

Олег с некоторой опаской придвинул к себе бумажки и не спеша, вдумываясь в каждое слово, принялся читать:

«ЗАЯВЛЕНИЕ

В Бюро по делам закрытий от гр. Антимухина А. П.

Прошу выдать мне авторское свидетельство на закрытие третьего закона Ньютона ввиду того, что я первый пришел к заключению о ненужности и антигуманной сущности указанного закона. Предлагаю в кратчайшие сроки, не откладывая дела в долгий ящик, закрыть этот закон, гласящий: «Действие равно противодействию».

Основания:

Указанный закон подчеркивает бессилие человека в борьбе с различными жизненными препятствиями, призывает к пассивности, бездействию. Ибо кому же охота в ответ на действие получить противодействие? Закрывание этого закона раскрепостит людей, укрепит их веру в собственные силы. Они заживут более полноценной жизнью, если не будут на каждом шагу встречать противодействия.

Для сохранения памяти о всеми уважаемом Ньюtone двух остающихся законов, носящих его имя, вполне достаточно.

С уважением А. Антимухин

* * *

ЗАЯВЛЕНИЕ

В судебно-медицинскую экспертизу от гр. Антимухина А. П.

Прошу проверить подлинность получения инфаркта миокарда начальником Бюро по делам закрытий гр. Мантиссовым, давно известным своим меркантилизмом. У меня имеются основания думать, что данный инфаркт — это всего лишь повод для того, чтобы уклониться от выдачи мне гр. Мантиссовым авторского свидетельства.

А. Антимухин

* * *

АВТОРСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

Настоящим удостоверяется, что гр. Антимухин А. П. является первооткрывателем третьего закона Ньютона. Согласно пожеланиям гр. Антимухина, указанный закон с двадцатого числа объявляется закрытым.

Врио начальника
Бюро по делам закрытий
Крантиков

— Да-да...— задумчиво сказал Олег, перевернув последнюю страницу.— Вы большой ученый... А вот скажите, могли бы вы закрыть парочку футбольных правил? Мне это позарез нужно.

— Футбольных правил?!— удивился Антимухин.— Гм... Никогда не приходилось над ними работать... А что за правила?

— Ну, скажем, правило, по которому мяч, забитый в ворота соперника из офсайда, не засчитывается... Его вы закрыть не могли бы?

— М... м... Думаю, что смог бы,— прикинув что-то в уме, заверил изобретатель.

— А сколько вам на это потребуется времени?— оживившись, спросил Ящиков.

— Сколько времени?— Антимухин задумался.— Пожалуй... пожалуй, года полтора. Ну, если вам очень надо, то можно попробовать за год управиться...

— За год?!— присвистнул Олег.— Да вы что! Мне завтра к обеду нужно.

— К обеду?— испуганно переспросил великий открыватель.— Это совершенно исключено! Вы же сами видите, сколько приходится бороться! На это уходят годы! А вы хотите за один день...

— Ну, тогда и говорить нечего,— сухо сказал Ящиков.— До свидания, профессор, счастье оставаться.

— Куда же вы?— удивился Антимухин.— Ведь я еще не познакомил вас с моим последним закрытием.

— Некогда, некогда, старина! После как-нибудь познакомлюсь...— И, холодно отстранив от себя попытавшегося его удерживать изобретателя, Олег вышел из дома.

В небе уже загорались первые звезды. До матча оставалось меньше суток. Ящиков медленно шагал по улице, рассеянно заглядывая в витрины магазинов, и продолжал прерванный мыслительный процесс. И вдруг... Взгляд его остановился на одной из витрин. Кажется... кажется, это было именно то, что ему нужно! Во всяком случае, попробовать стоило.

Олег хмыкнул, пожал плечами и решительно открыл дверь магазина.

ПОСЛЕДНИЙ ГОЛ АНТИОХА

...В день матча в раздевалке «Антибиотика» толпилось множество людей. Некоторых Ящиков видел в первый раз.

— Кто такие?— наклонился он к уху тренера.

— Наши шефы,— так же тихо ответил Антипирин Анатольевич.— Из соседнего села. Когда у нас прорыв, они всегда на выручку приезжают. Так что сегодня выпустим на поле семнадцать человек. Я им дал указания от своей штрафной площадки не отлучаться. Пусть теперь нам забить попробуют!..

— А как сами забивать будем?— поинтересовался Олег.

— Вот этого не знаю,— вздохнул тренер.— Противник тоже своих шефов привез. Так что надежда вся на тебя, Антиох. Знаю, что ты защитник, но если ты не забьешь, то не забьет никто. Придумай что-нибудь, а? Ты же у нас на тактические выдумки горазд...

— Ладно, батя,— посмотрел на него отсутствующим взглядом Ящиков.— Есть у меня одна задумка. Ты выпускай ребят на поле, а мне на минутку отлучиться надо. Я их догоню...— И, плотно притворив за собой дверь, Олег исчез.

Он появился на поле за несколько секунд до начала матча и сразу же ринулся в атаку. Причем вел он себя как-то странно: то кружился с мячом на одном месте, то вдруг резко кидался вперед, энергично размахивая руками, словно собирался взлететь. Антипирин Анатольевич застыл у бровки, наморщив лоб. В повадке Ящикова ему чудилось что-то неувольно знакомое, но что именно, он никак не мог вспомнить.

Тем временем Олег обошел одного за другим трех соперников и рванул к воротам, но на пути у него выросли два здоровенных вражеских шефа. Обходить их было уже поздно. И тогда Ящиков, часто-часто замахав руками, ко всеобщему изумлению, вспорхнул над головами опеших соперников и, выйдя один на один с вратарем, неотразимым ударом направил мяч в угол.

Трибуны взорвались овацией. Соперники бросились качать Олега, но он, вырвавшись из восторженных объятий, неторопливо добежал до собственной штрафной и тихо простоял там, ни во что не вмешиваясь, до самого конца тайма.

— Ты великий игрок, Антиох!— сказал в перерыве тренер и смахнул со щеки скупую слезу.— Я сорок лет отдал футболу, но такой гол вижу впервые! Где ты научился таким финтам?

— погоди, батя!— отмахнулся Ящиков.— Дай-ка мне лучше вон ту бутылочку... Видишь, там, в углу, под скамьей? Во-во, давай-ка ее сюда, а то у меня заряд кончился...

Антипирин Анатольевич взял в руки бутылку, и лицо его сделалось белым, как холодильник. На бутылочной этикетке, под черепом со скрепленными костями, виднелись жирные буквы: «АНТИМОЛЬ». Только теперь тренер сообразил, что именно ему напоминали финты его ведущего игрока.

— Ну, чего ты там застрял, батя?— нетерпеливо сказал Олег.— Сейчас перерыв кончится.

— Антиох...— помертвевшими губами произнес тренер.— Сынок... А может, лучше не надо, а?..

— Брось ты, батя, охватывать меня лекционной работой!— перебил его Ящиков.— Диспуты в библиотеке будем устраивать, а на поле надо голы забивать!

Он торопливо вырвал бутылку и, сойдясь с ней горлом к горлу, бесстрашно начал поединки с ее зловещим содержимым. Одержав скорую и полную победу, Олег вынул из шкафчика горбушку черного хлеба с солью, наскоро закусил и, замысловато кружась, побежал на поле, где уже начинался второй тайм встречи. Встречи, решающей судьбу команды «Антибиотик».

На этот раз Ящиков перепорхнул сразу пятерых и приземлился во вратарской площадке соперников. Вратарь отчаянным прыжком попытался накрыть мяч у него в ногах. И тогда Олег, энергично взмахнув руками, оттолкнулся и взмыл в воздух. Уже в полете он понял, что не рассчитал силы толчка, но затормозить было невозможно. Ящиков мысленно сказал Антипирину Анатольевичу последнее прощание, зажмурил глаза и со скоростью падающего на добычу коршуна врезался головой в перекладину...

ЭПИЛОГ, СЛУЖАЩИЙ ОДНОВРЕМЕННО И ПРОЛОГОМ

Первый, кого увидел Ящиков, открыв глаза, был склонившийся над ним врач команды «Трикотажник» Юльев.

— Ты как сюда попал?— удивился Олег.

— Как обычно,— пожал плечами Юльев.— Судья мне разрешил на поле выйти...

— Какой еще судья?— поморщился Ящиков.— Ты разве не знаешь, что лучший судья — это наша совесть?

Доктор нахмурился, озабоченно покачал головой и, отбив горлышко у какой-то ампулы, с размаху всадил в Олега шприц. В это время к ним подбежал одноклубник Ящикова по «Трикотажнику» Малокуров.

— Ну, как дела?— поинтересовался он.

— И ты тоже здесь?!— ахнул Олег. Он попытался приподняться, но в тот же миг в голове у него что-то щелкнуло, и, снова откинувшись на траву, Ящиков с чувством произнес: — Сколь благосклонно Фортуна ко мне отнеслась, дав мне возможность опять лицезреть Малокурова личность...

Малокуров испуганно отпрянул и, поглядев на доктора, многозначительно покрутил пальцем возле виска.

— Значит, вы тоже в антимире?— после паузы снова перешел на прозу Олег.

— Нет,— решительно возразил Малокуров.— Мы на «Авангарде».

— А играем мы сегодня с кем? С «Антистатиком»?

— Да ты что?! Такой команды нет! У нас сегодня игра с «Многостаночником». Неужели тебе всю память отшибло? Конечно, трахнулся ты здорово...

— Обо что трахнулся?

— И этого не помнишь?— вздохнул Малокуров.— А ведь всего минут пять прошло, не больше... Их нападающий возле наших ворот мяч на голову хотел принять. Ну, а ты прыгнул и этого нападающего прямо в воздухе за лицевую линию вынес. Он-то там удачно приземлился, а ты головой в штангу... Ну, вспомнил теперь?

— Теперь... теперь вроде вспомнил...— просветленно сказал Ящиков.— Так, значит... значит, команда наша называется не «Антибиотик»?

— Нет. «Трикотажник»...

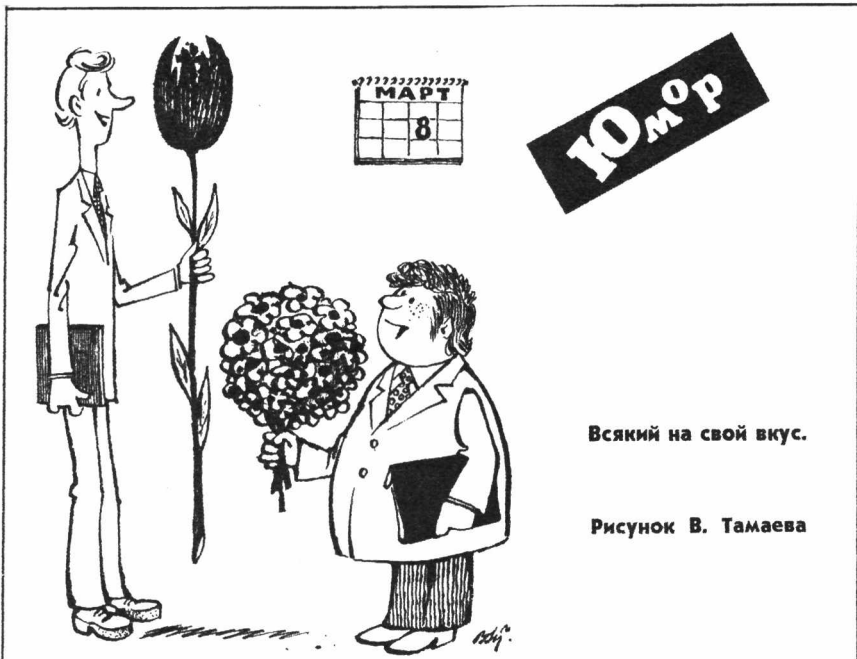
— И я... И мы с тобой... мы сейчас находимся не в антимире?

— Нет...

— И выходит... выходит, что меня не дисквалифицировали за нарушение спортивного режима?

— Да нет же!— заверил Малокуров.— Конечно, нет! Только еще собираются. Как раз завтра по этому вопросу собрание команды будет...

Он хотел еще что-то добавить, но в этот момент над футбольным полем разнесся протяжный свисток, извещающий о том, что матч между командами «Трикотажник» и «Многостаночник» после напряженной борьбы закончился с боевым счетом: ноль-ноль...

Всякий на свой вкус.

Рисунок В. Тамаева

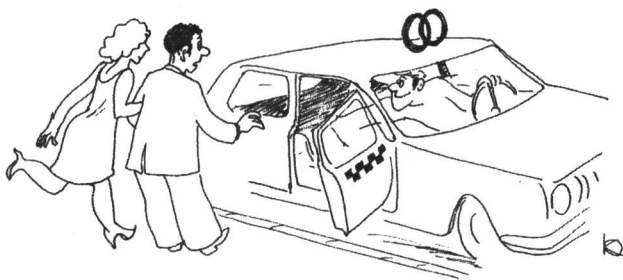

Рисунок Т. Юнак

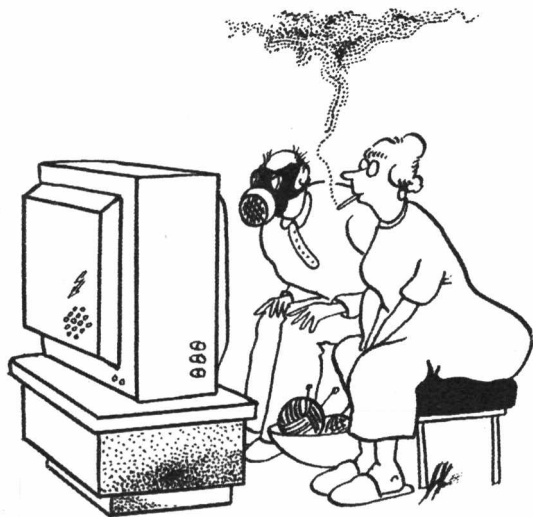
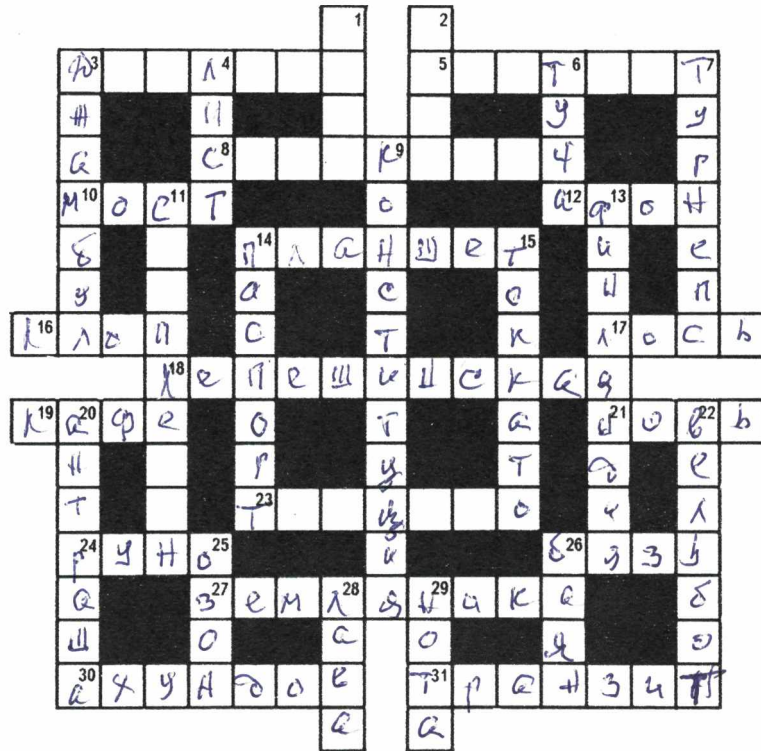

Рисунок Л. Воробьева

В № 12 журнал «ОГОНЕК» начинает печатать новую приключенческую повесть Л. Лерова, Е. Зотова и А. Зубова «КОНЕЦ СОКРАТА»

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Река в Австралии. 5. Драгоценный камень. 8. Сербский композитор, хоровой дирижер, пианист XIX века. 10. Картина И. И. Левитана. 12. Гора в Греции. 14. Плоская сумка для топографических карт. 16. Пьеса В. В. Маяковского. 17. Животное семейства оленей. 18. Балерина, народная артистка СССР. 19. Небольшой ресторан. 21. Роман И. С. Тургенева. 23. Строфа. 24. Шерсть овцы. 26. Хлопчатобумажная ткань. 27. Ягода. 30. Азербайджанский писатель-демократ, просветитель. 31. Перевозки пассажиров и грузов через промежуточные станции.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Русский график-иллюстратор XIX века. 2. Серый попугай. 3. Областной центр в Казахстане. 4. Венгерский композитор, пианист, дирижер. 6. Большое темное облако. 7. Кормовая репа. 9. Основной закон государства. 11. Ученый и конструктор в области радиотехники и электроники, академик, лауреат Ленинской премии. 13. Государство в Северной Европе. 14. Документ, удостоверяющий личность. 15. Virtuозная музыкальная пьеса для клавишного инструмента. 20. Прыжок в балете. 22. Быстроходная шлюпка. 25. Видоизмененный кислород. 26. Разновидность гармонии. 28. Подземная горная выработка. 29. Графический знак для записи музыки.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 7. Протасов. 8. Фисташка. 10. Терапия. 11. Тальк. 13. Милев. 14. «Богатырская». 15. Джемана. 18. «Анчар». 19. Тираж. 21. Амаравати. 23. Консультант. 28. Лидер. 29. Июфан. 30. Пандури. 31. Полоскун. 32. Интервал.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Дренаж. 2. Стильб. 3. Морена. 4. Сириус. 5. «Таврия». 6. Якушев. 9. Батырай. 12. Конденсатор. 13. Мачаварна. 16. Агава. 17. Орна. 20. Паллада. 22. Циклон. 23. Кессон. 24. Статут. 25. Тарань. 26. Токарь. 27. Валдай.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: 4 марта 1984 года. Выборы в Верховный Совет СССР. На избирательном участке № 93/3220 Фрунзенского района города Москвы.

Фото А. Бочинина

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Весна.
Фото М. Савина

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, В. В. БЕЛЕЦКАЯ, С. А. ВЫСОЦКИЙ (заместитель главного редактора), И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Д. К. ИВАНОВ (ответственный секретарь), Н. А. ИВАНОВА, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, А. Г. ПАНЧЕНКО, Ю. П. ПОПОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Оформление при участии А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный — 212-30-03; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 212-21-68; Юмора — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформление — 212-15-77; Писем — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13; Отдел прозы — 212-63-69.

Сдано в набор 17.02.84. Подписано к печати 05.03.84. А 00332. Формат 70x108/16. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 10,87. Усл. кр.-отг. 16,80. Тираж 1 685 000 экз. Изд. № 884. Заказ № 2166.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина, 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ГЕРОИ НОВЫХ КИНО- ЛЕНТ

Крупнейшей киностудии страны «Мосфильму» исполнилось шестьдесят лет. Корреспондент «Огонька» обратился к Н. Т. СИЗОВУ, генеральному директору «Мосфильма», с просьбой рассказать о замыслах творческого коллектива, о кинопроизведениях, над которыми идет работа.

— Прежде всего наше внимание приковано к созданию фильма «Победа» по роману писателя А. Чаковского. Над фильмом работает кинорежиссер Евг. Матвеев. Значительная часть съемок будет осуществлена за рубежом.

Одновременно снимается другой большой исторический фильм, «Битва за Москву», по сценарию Ю. Озерова и в его же постановке.

Моральная проблематика определяет содержание фильма «Время желаний». Над ним работает кинорежиссер Ю. Райзман. Мы думаем, что это будет серьезный разговор о нравственном облике современника, об острых человеческих проблемах.

Закончилась работа над картиной «Берег». Уже само название позволяет догадаться, что речь идет об экранизации одной из самых популярных книг Ю. Бондарева. Фильм снимался режиссерами А. Аловым и В. Наумовым.

Скоро зрители увидят новую работу Н. Губенко «И жизнь, и слезы, и любовь» — о сегодняшних днях, о современниках, о взаимоотношениях, которые часто определяют человеческое счастье или, напротив, беду.

Наверное, уже само название новой картины Э. Рязанова «Жестокий романс» вызовет интерес к ней. В основе сценария — пьеса А. Н. Островского «Бесприданница».

Всеобщее внимание, по всей вероятности, привлечет «Борис Годунов». Осуществляя свои давние замыслы, фильм этот делает С. Бондарчук. Он и постановщик и исполнитель главной роли.

К событиям времен гражданской войны обратились кинематографисты В. Ежов и В. Любимов. В их фильме «Первая конная» не только героиня прошлого, но и живые коллизии, сложность людских взаимоотношений.

Борьбе за мир на современном этапе посвящена картина И. Гостева «Европейская история». Это непростой по сюжету и интересный по характерам кинорассказ о сложностях нынешнего существования людей на планете Земля.

Один из старейших кинорежиссеров, А. Зархи, в своей картине «Народный комиссар» воссоздает образ Чичерина, соратника Ленина. Но это не документальный фильм, а художественный портрет большевика, борца за дело партии и народа.

Я не буду перечислять, — сказал далее Николай Трофимович Сизов, — множества фильмов, которые создаются сегодня советскими кинематографистами в содружестве с мастерами кино социалистических стран. Их тематика актуальна и остро современна. Все сценарии написаны, как правило, совместно.

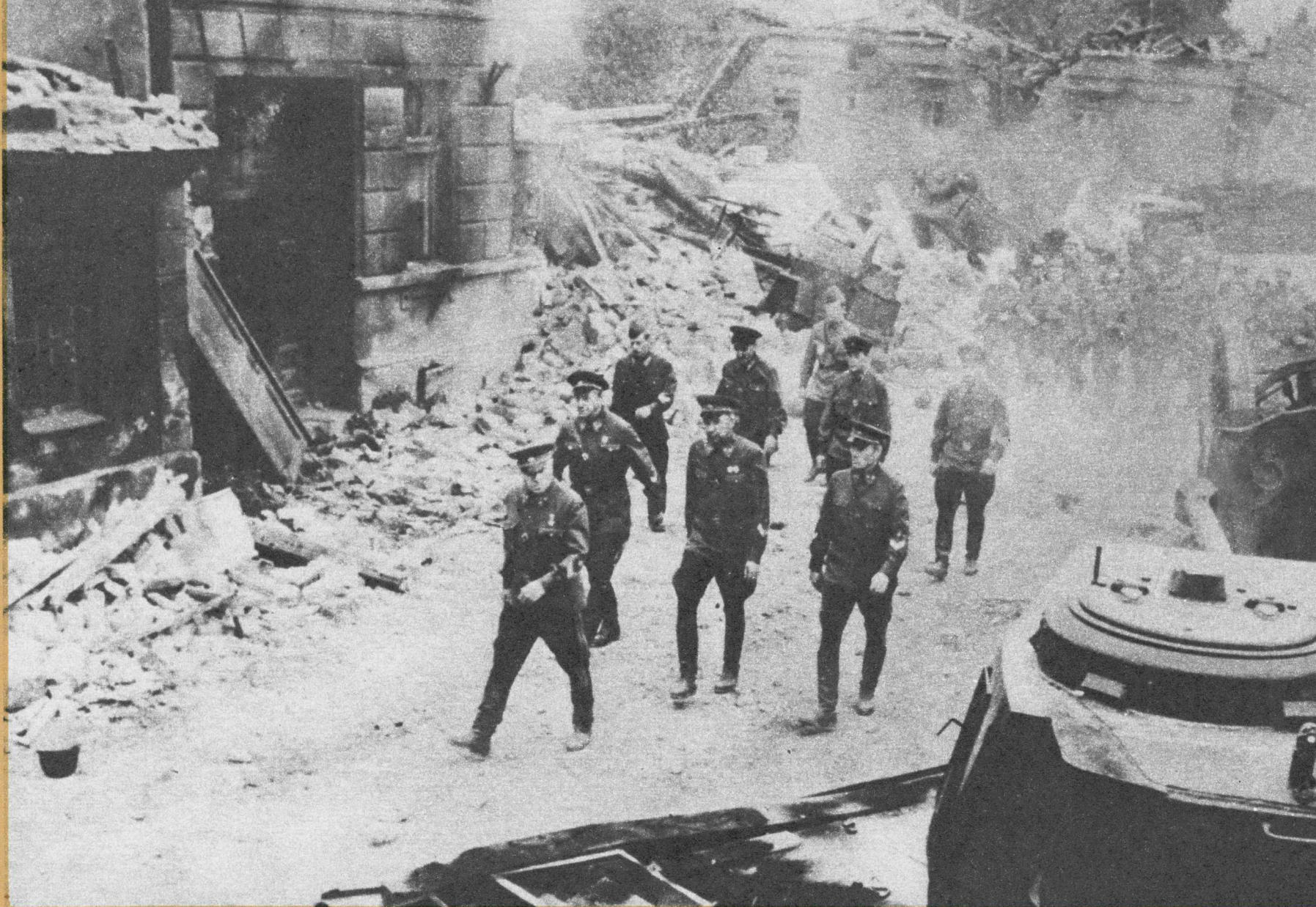

Народный артист СССР С. Ф. Бондарчук за работой над фильмом «Борис Годунов».

Фото Ю. Федорова

«Берег». Заслуженная артистка РСФСР Наталья Белохвостикова в роли Эммы Герберт, Никитин — Борис Щербаков.

Кадр из фильма «Битва за Москву».

Народный артист СССР Михаил Ульянов в роли маршала Жукова.

«Европейская история». Народный артист СССР Вячеслав Тихонов в роли Петера Лоссера. Анна Лоссер — Беата Тышкевич. Пауль Гамелин — Станислав Миккульский.

«Победа». Чарльз Брайт — народный артист РСФСР Андрей Миронов. Михаил Воронов — заслуженный артист РСФСР Александр Михайлов.

ISSN 0131—0097

Цена номера 40 коп.

Индекс 70663

